
СТАВКА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ: СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ И МЕТОДЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ СССР

В годы войны важнейшее место в единой системе государственного и военного управления Советского Союза занимали вопросы стратегического руководства вооруженными силами. Война, которая подвергла суровой проверке дееспособность системы руководства действующей армией, потребовала существенной перестройки органов управления, уточнения их функций и совершенствования методов работы по планированию и всестороннему обеспечению боевых действий. При этом вся работа была подчинена единой задаче — повышению эффективности управления вооруженной борьбой для достижения военно-политических целей операций, кампаний и войны в целом.

Опыт начального периода и первых месяцев войны показал, что структура органов стратегического руководства действующими фронтами и флотами не отвечала требованиям складывавшейся обстановки. Перегруженность Ставки Главного командования различного рода оперативными и тыловыми (обеспечивающими) проблемами, трудности в управлении многими объединениями и соединениями в условиях стратегической обороны, когда еще не удавалось наладить взаимодействие между фронтами, а связь Ставки с их командующими оказывалась не всегда надежной, потребовали провести срочные мероприятия по реорганизации структуры органов стратегического руководства во всех его звеньях, а также по совершенствованию способов и методов руководства войсками фронтов и силами флотов.

Оптимизация состава, функций и стиля деятельности Ставки Верховного главнокомандования

Война убедительно показала, насколько важно создание эффективной системы стратегического руководства, оказывавшей непосредственное влияние на ход и исход войны. В полной мере это касалось и Ставки Верховного главнокомандования, которая прошла непростой путь от ошибок в начале войны до четкой, слаженной и гибкой работы, отвеча-

шей характеру и условиям современной войны. По этому поводу начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковник Ф. Гальдер писал: «...русское военное руководство, потерпевшее крушение со своим принципом жесткой обороны в 1941 году, развивалось до гибкого оперативного руководства и провело под командованием своих маршалов ряд операций, которые по немецким масштабам заслуживают высокой оценки»¹.

Создание 23 июня 1941 г. первого чрезвычайного органа руководства вооруженной борьбой — Ставки Главного командования и организация при ней института постоянных советников вовсе не означали, что вооруженные силы и вся военная организация СССР получили стабильный по составу и функциям руководящий центр. Негативное развитие оперативно-стратегической ситуации на советско-германском фронте, военно-политической обстановки как в стране, так и мире, частые нарушения, а то и потеря управления группировками войск действующей армии, а также ряд субъективных и объективных факторов потребовали поиска его оптимальной структуры.

Постановление Государственного Комитета Обороны № 83 от 10 июля 1941 г. предписывало создание в системе органов стратегического руководства промежуточного звена — главных командований Северо-Западного, Западного и Юго-Западного направлений. Главнокомандующими их были назначены маршалы К. Е. Ворошилов (Северный и Северо-Западный фронты), С. К. Тимошенко (Западный фронт) и С. М. Будённый (Юго-Западный и Южный фронты).

В состав Ставки Верховного командования были включены председатель Государственного Комитета Обороны И. В. Сталин, заместитель председателя Государственного Комитета Обороны В. М. Молотов, Маршалы Советского Союза С. К. Тимошенко, С. М. Будённый, К. Е. Ворошилов, Б. М. Шапошников, начальник Генерального штаба генерал армии Г. К. Жуков². Первичные изменения в самом составе Ставки произошли незначительные: из него был выведен Н. Г. Кузнецов, а введен заместитель наркома обороны Б. М. Шапошников. Самое главное заключалось в том, что И. В. Сталин стал ее председателем. Причины вывода Н. Г. Кузнецова не объяснялись. Вероятнее всего, это было связано с тем, что в начале войны, да и в ее ходе флоты в оперативном отношении подчинялись командующим войсками фронтов, действовавших на приморских направлениях, поэтому задачи флотам чаще всего ставило фронтовое командование и значительно реже Ставка. Очевидно, это и стало одной из основных причин выведения Н. Г. Кузнецова из состава Ставки. Что касается института постоянных советников Ставки, то он более не упоминался.

В соответствии с этим же постановлением ГКО Резервная армия была подчинена непосредственно Ставке, которую после приведения в полную боевую готовность планировалось подчинить главнокомандующему войсками Западного направления. Кроме того, ГКО обязал главкомов направлений указать подчиненным им фронтовым и армейским командованиям, что «наблюдавшиеся факты самовольного отхода и сдачи стратегических пунктов без разрешения высшего командования позорят Красную армию, что впредь за самовольный отход виновные командиры будут караться расстрелом», а также рекомендовал «почаще обращаться к войскам своего направления с призывом держаться стойко и самоотверженно, защищать нашу землю от немецких грабителей и поработителей... почаще разбрасывать с самолетов в тылу немецких войск небольшие листовки за своей подписью с призывом к населению громить тылы немецких армий, рвать мосты, развешивать рельсы, поджигать леса, уйти в партизаны, все время беспокоить немецких угнетателей»³.

В тот же день, 10 июля 1941 г., постановлением ГКО № 89 Л. З. Мехлис был назначен заместителем наркома обороны⁴. Однако ни изменения в руководстве стратегическими группировками на направлениях, ни перестановки должностных лиц ожидаемого результата не дали. Образование главных командований лишь усложнило процесс руководства группировками войск, не обеспечив необходимой эффективности управления войсками действующей армии и силами флотов. Из-за того что некоторые главкомы продолжали управлять войсками по старинке, главные командования вскоре были ликвидированы.

И. В. Сталин

А. И. Антонов

С. М. Будённый

Н. А. Булганин

А. М. Василевский

К. Е. Ворошилов

Г. К. Жуков

Н. Г. Кузнецов

В. М. Молотов

С. К. Тимошенко

Б. М. Шапошников

Месяц спустя по предложению Г. М. Маленкова и Л. П. Берии решением Политбюро ЦК ВКП(б) № 319, а затем постановлением ГКО Ставка Верховного командования была преобразована в Ставку Верховного главнокомандования⁵. В тот же день, 8 августа 1941 г., совместным постановлением Президиума Верховного Совета СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) И. В. Сталин был назначен Верховным главнокомандующим всех войск Рабоче-крестьянской Красной армии и Военно-морского флота. В документе указывалось:

«...2) Впредь все приказы Ставки Верховного главнокомандования должны иметь подписи: «Верховный главнокомандующий И. Сталин, начальник Генерального штаба т. Б. Шапошников.

3) Отдельные распоряжения и указания Ставки должны даваться по следующей форме: «По поручению Ставки Верховного главнокомандования начальник Генерального штаба Б. Шапошников»⁶.

По сути, это постановление завершило процесс объединения партийного, государственного и военного управления и формирования чрезвычайных высших органов стратегического руководства страной и войной в целом. Управление партией, государством и Вооруженными силами СССР было сосредоточено в руках одного человека — Иосифа Виссарионовича Сталина.

В ходе войны состав Ставки ВГК претерпевал лишь незначительные изменения: последовательно были включены Б. М. Шапошников, А. М. Василевский, А. И. Антонов, занимавшие пост начальника Генерального штаба. Последнее кадровое изменение Ставки ВГК относится уже к концу войны: 17 февраля 1945 г. в соответствии с постановлением ГКО № 7550 в ее состав вошли кроме И. В. Сталина Г. К. Жуков, А. М. Василевский, А. И. Антонов, Н. А. Булганин и Н. Г. Кузнецов⁷.

Тем не менее стиль, методы работы этого чрезвычайного органа сложились не сразу. Четкий режим в деятельности Ставки ВГК начал прослеживаться с осени 1942 г. при подготовке контрнаступления под Сталинградом. Накопленный опыт в ходе неудачных летне-осенних кампаний 1941–1942 гг. позволил ей подняться на более высокий уровень руководства военным противоборством на суше, море и в воздухе.

Маршал А. М. Василевский писал в своих воспоминаниях: «Понимать под Ставкой орган, постоянно заседавший в буквальном смысле слова при Верховном главнокомандующем в том составе, в каком он был утвержден, нельзя. Ведь большинство из ее членов выполняли одновременно ответственные обязанности, часто находясь за пределами Москвы, главным образом на фронте. Но вот что было постоянно: каждый из членов Ставки держал с Верховным главнокомандующим связь. Сталин знал, сколь важна деятельность членов Ставки по их основной должности, поэтому не считал возможным и необходимым собирать всех их в полном составе, а периодически вызывал отдельных членов Ставки, командующих войсками и членов военных советов фронтов для выработки, рассмотрения или утверждения того или иного решения, касающегося руководства боевой деятельностью вооруженных сил на данном этапе борьбы»⁸.

К началу 1943 г. основными функциями Ставки ВГК стали: стратегическое планирование (разработка замыслов кампаний и стратегических операций); определение задач войскам на театрах военных действий; постановка задач объединениям и соединениям вооруженных сил, согласование их усилий по цели, месту и времени; организация стратегического взаимодействия между родами вооруженных сил, фронтами, группами фронтов и отдельными армиями, а также между действующей армией и партизанскими формированиями; в соответствии с замыслами операций определение необходимого состава стратегических группировок; руководство созданием, формированием, подготовкой и использованием стратегических резервов; руководство строительством вооруженных сил; руководство подготовкой и расстановкой командных кадров; осуществление стратегических перегруппировок войск и сил флотов; материально-техническое обеспечение, пополнение фронтов и флотов личным составом; оказание помощи командованию фронтов в подготовке и проведении стратегических операций, выполнении директив, приказов и распоряжений⁹.

Л. З. Мехлис

На основании принятых Ставкой ВГК решений, а также предложений представителей Ставки и командующих фронтами Генеральный штаб разрабатывал замыслы стратегических операций и кампаний, проводимых вооруженными силами на важнейших стратегических направлениях. Утверждая планы предстоящих операций, Ставка ВГК вносила свои коррективы: уточняла задачи, определяла необходимый маневр силами и средствами с других направлений для обеспечения успеха на главном направлении или усиливала резервами, определяла оптимальный способ действий войск, обращала внимание на поддержание постоянного взаимодействия между фронтами. В тех случаях, когда представленные командованием фронтов на утверждение планы операций Ставку не удовлетворяли, она вновь разъясняла им поставленную цель и способ ее выполнения, требуя «ставить конкретные задачи армиям на каждый день операции»¹⁰, обращать внимание на необходимость организованного и твердого управления войсками, правильно размещать пункты управления, использовать средства связи, особенно радио.

Ставка ВГК постоянно вела поиск эффективных методов управления вооруженными силами в целом и вооруженной борьбой в частности. Как уже отмечалось, организованный еще при ее создании институт постоянных представителей командования направлений не выполнил поставленных перед ним задач, и с весны 1942 г. очень важной и качественно новой ступенью стратегического руководства стало создание института представителей Ставки ВГК. Эта наиболее оперативная, гибкая, устойчивая и результативная форма управления просуществовала практически до конца войны.

В деятельности Ставки ВГК и Генерального штаба уже в первые месяцы войны сложился четкий порядок разработки документов по управлению войсками фронтов, отдельных армий и округов, а также силами флотов. Правовые акты общего характера Ставка ВГК издавала в виде приказов, распоряжений, а по оперативным и иным текущим вопросам — в виде директив¹¹. Подготовка их, осуществляемая в соответствии с законодательством, должна была содержать конкретные и реальные предложения или указания, но не дублировать требования, изложенные в изданных ранее документах, а при необходимости иметь ссылки на них.

332

*Из директивы Ставки
ВГК*

КОМАНДУЮЩЕМУ ЗАКАВКАЗСКИМ ФРОНТОМ

тов. Т Ю Л Е Н Е В У

... 2) назначить: Командующим 46 армией генерал-майора ЛИСЕЛИДЗЕ, освободив его от командования 3 стр. корпусом; Заместителями Командующего 46 армией - полковника ПИЯШЕВА И.И. и майора МИКЕЛАДЗЕ, освободив их соответственно от командования 7 дивизией войск НКВД СССР и командования 195 стр. дивизией; Зам.ком. 46 армией по тылу - генерал-майора ИЩЕНКО.

3) Ввести в состав Военного Совета 46 армии Председателя СНК Груз. ССР - БАКРАДЗЕ В.М. и Наркомвнудела Абхазской АССР - ГАГУА И.А.

СТАВКА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ

П П И.СТАЛИН

27 УШ.42г.
23 ч.20 м.
№ 994172

А.ВАСИЛЕВСКИЙ

Копия верна:

Из директивы Ставки ВГК командующему Закавказским фронтом генералу армии И. В. Тюленеву

В издании приказов и директив прослеживается несколько этапов: инициирование издания документа, сбор и анализ информации при подготовке его проекта, подготовка самого документа, его согласование, подписание, регистрация и доведение до исполнителей. При этом проект приказа разрабатывало именно то управление, в ведении которого находился затрагиваемый вопрос. Если приказ издавался как дополнение, в развитие и изменение действующих приказов или их отмены, то в проекте имелись четкие указания, какие именно приказы (или пункты таковых) подлежат изменению или дополнению, а также какие приказы с введением нового подлежат отмене. Получив от заинтересованных управлений заключение, разрабатывавшее проект приказа, управление вносило соответствующие изменения либо поправки, а затем через начальника управления он передавался в Управление делами НКО СССР на подпись наркому обороны. Далее подготовленные приказы и директивы Ставки ВГК, директивы Генерального штаба через общий отдел представлялись начальнику Генерального штаба. О грифе секретности каждого документа свидетельствовал принятый порядок их нумерации: начинавшиеся с «0» — «секретно», с «00» — «совершенно секретно». Директивы с буквой «С» означали «секретно», а с двумя «С» — «совершенно секретно».

Директивы и приказы Ставка ВГК издавала по следующим вопросам: стратегическим и оперативно-стратегическим, оперативным, об изменении организационной структуры войск, формировании и расформировании соединений действующей армии, назначениях и перемещениях командующих, начальников штабов (фронтов и армий), а также по тем вопросам, которые имели в данный момент особое значение для действующей армии.

В этой связи маршал Г. К. Жуков вспоминал: «Замыслы и планы стратегических операций и кампаний разрабатывались в рабочем аппарате Ставки — в Генеральном штабе с участием некоторых членов Ставки. Этому предшествовала большая работа в Политбюро и ГКО. Обсуждалась международная обстановка на данный отрезок времени, изучались потенциальные политические и военные возможности государств. Только после исследования и обсуждения всех общих вопросов делались прогнозы политического и военного характера. В результате всей этой работы определялась политическая и военная стратегия, которой руководствовалась Ставка ВГК»¹².

Принятое Ставкой решение Генеральный штаб оформлял в виде приказа или директивы. Обычно эти документы издавались вместе с картой решения, утвержденной только начальником оперативного управления или его заместителями¹³.

Вспоминая о работе Ставки ВГК и Генерального штаба, генерал армии С. М. Штеменко отмечал: «Решения Ставки, оформленные документами, подписывались двумя лицами — Верховным главнокомандующим и начальником Генерального штаба, а иногда заместителем Верховного главнокомандующего. Были документы за подписью только начальника Генерального штаба. В этом случае обычно делалась оговорка «по поручению Ставки»¹⁴. Как правило, Верховный главнокомандующий один оперативные документы не подписывал. Исключение составляли те из них, где он резко критиковал кого-то из лиц высшего военного руководства. «При этом он ссылался на то, что Генштабу, мол, неудобно подписывать такую бумагу и обострять отношения; пусть на меня обижаются». Единолично он подписывал лишь приказы административного характера¹⁵.

Следует помнить, что любой приказ, любая директива или любое указание партийных и правительственных органов начинает действовать не мгновенно, а с определенным запаздыванием. Учитывая инертность государственного механизма, органы стратегического руководства страной и вооруженной борьбой всегда стремились сократить временной интервал до минимума.

Для слаженной и плодотворной деятельности Генерального штаба, его управлений и отделов был упорядочен в соответствии с требованиями военного времени суточный цикл работы Генерального штаба и Ставки ВГК. Такой порядок круглосуточной работы вырабатывался постепенно. Окончательно он сложился с приходом на должность заместителя начальника Генерального штаба генерала А. И. Антонова. Изложенные им предложения по совершенствованию деятельности Генерального штаба Верховный главнокомандующий, ознакомившись с ними, утвердил без правки. В значительной степени именно такой порядок работы был связан с суточным циклом работы самого И. В. Сталина¹⁶.

Генерал армии С. М. Штеменко вспоминал: «Доклады Верховному главнокомандующему делались, как правило, три раза в сутки. Первый из них имел место в 10–11 часов дня, обычно по телефону. Это выпадало на мою долю. Вечером, в 16–17 часов, докладывал заместитель начальника Генштаба. А ночью мы ехали в Ставку с итоговым докладом за сутки. Перед тем подготавливалась обстановка на картах масштаба 1:200 000, отдельно по каждому фронту, с показом положения наших войск до дивизии, а в иных случаях и до полка... Верховный не терпел даже малейшего вранья или приукрашивания действительности и жестоко наказывал тех, кто попался на этом... Кроме Верховного главнокомандующего на докладах, как правило, присутствовали члены Политбюро ЦК ВКП(б) и члены Ставки. При необходимости вызывались командующий артиллерией Н. Н. Воронов, командующий бронетанковыми и механизированными войсками Я. Н. Федоренко, командующий ВВС А. А. Новиков, начальник инженерных войск М. П. Воробьев, начальник Главного артиллерийского управления Н. Д. Яковлев, начальник тыла КА А. В. Хрулев и другие. Директивы Ставки ВГК подписывали Верховный главнокомандующий и его заместитель или начальник Генерального штаба, а когда в Москве не было ни Г. К. Жукова, ни А. М. Василевского, вторым подписывался А. И. Антонов. Распоряжения меньшей важности заканчивались фразой «по поручению Ставки», и дальше следовала подпись либо А. М. Василевского, либо

А. И. Антонова. Часто такие распоряжения формулировались прямо в Ставке... и немедленно передавались на фронты»¹⁷.

В случае резких изменений обстановки на фронтах Генеральный штаб немедленно докладывал И. В. Сталину. Письменные боевые донесения в Ставку подавались трижды: два из них готовили на основе данных Генштаба, а третье было обобщенным донесением с фронтов.

Неблагоприятное развитие оперативно-стратегической обстановки в летне-осенней кампании 1941 г.: огромные потери вооружения и военной техники, не говоря уже о личном составе, стремительное продвижение противника на западных направлениях от 300 до 600 км, в ходе которых ему удалось захватить Латвию, Литву, Молдавию, значительную часть Украины и Эстонии, почти всю Белоруссию, вторгнуться в западные области Российской Федерации, выйти на дальние подступы к Ленинграду, — все это было досконально известно военно-политическому руководству. К этому времени ежедневные оперативные сводки Генерального штаба довольно объективно отражали ход вооруженного противоборства. Часто поступали сообщения и по линии особых отделов НКВД по поводу того, что в войсках все еще не преодолены пораженческие настроения, имеют место случаи самовольного отхода частей с занимаемых позиций. Продолжавшийся с тяжелыми боями отход войск Красной армии побуждал ГКО, Ставку ВГК и лично Верховного главнокомандующего искать пути повышения стойкости соединений и частей.

В этих чрезвычайных условиях нарком обороны СССР И. В. Сталин «в целях решительной борьбы с паникерами, трусами, пораженцами из начсостава, самовольно оставляющими позиции без приказа высшего командования», 12 августа 1941 г. подписал приказ, в котором военным советам действующей армии разрешалось «предавать суду военного трибунала лиц среднего и старшего начсостава до командира батальона включительно, виновных в упомянутых выше преступлениях»¹⁸. Как отмечают участники войны, приказ определенно сыграл мобилизующую роль в повышении стойкости соединений и частей Красной армии. В то же время, когда суду военного трибунала предавали лиц, не совершивших никаких преступлений, а отступивших под натиском превосходивших сил противника или во избежание окружения, приказ имел самые негативные последствия¹⁹.

Однако изменить в войсках ситуацию мгновенно никакой приказ не мог, между тем оперативно-стратегическая обстановка продолжала с каждым днем ухудшаться. 16 августа 1941 г. Ставка Верховного главнокомандования издала приказ № 270, где впервые объяснялись причины и необходимость ужесточения дисциплины, воспитания у командиров и бойцов стойкости при выполнении ими долга перед Родиной. В приказе отмечалось, что большинство частей Красной армии, «их командиры и комиссары ведут себя безупречно, мужественно, а порой — прямо героически». Приводились примеры, когда «части нашей армии, попав в окружение врага, используют все возможности, для того чтобы нанести врагу поражение и вырваться... при этом сохраняют дух стойкости и мужества, не сдаются в плен».

В то же время указывалось, что «за последнее время имели место несколько позорных фактов сдачи в плен врагу. Отдельные генералы подали плохой пример нашим войскам». Приводились и факты: в плен сдались командующий 28-й армией генерал-лейтенант В. Я. Качалов, командующий 12-й армией генерал-лейтенант П. Г. Понеделин, командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Н. К. Кириллов. Далее в приказе подчеркивалось, что «члены военных советов армий, командиры, политработники, особоотдельщики, находившиеся в окружении, проявили недопустимую растерянность, позорную трусость и не попытались даже помешать перетрусившим Качаловым, Понеделиным, Кирилловым и другим сдать в плен врагу»²⁰. Следует отметить, что в подготовленном по горячим следам приказе не были учтены многие обстоятельства. Как выяснилось в ходе расследования, В. Я. Качалов не сдался в плен, а погиб в бою 4 августа. П. Г. Понеделин и Н. К. Кириллов были захвачены немцами при выходе из окружения. Все они после войны были реабилитированы.

В. Я. Качалов

Генералы П. Г. Понеделин и Н. К. Кириллов в немецком плену

Без публикации

Приказ

Ставки Верховного Главного Командования

Красной Армии

№ 270

16 августа 1941 г.

Не только друзья признают, но и враги наши вынуждены признать, что в нашей освободительной войне с немецко-фашистскими захватчиками части Красной Армии, громадное их большинство, их командиры и комиссары ведут себя безупречно, мужественно, а порой - прямо героически. Даже те части нашей армии, которые случайно оторвались от армии и попали в окружение, сохраняют дух стойкости и мужества, не сдаются в плен, стараются нанести врагу побольше вреда и выходят из окружения. Известно, что отдельные части нашей армии, попав в окружение врага, используют все возможности для того, чтобы нанести врагу поражение и вырваться из окружения.

Зам. командующего войсками Западного фронта генерал-лейтенант Болдин, находясь в районе 10-й армии около Белостока, окруженной немецко-фашистскими войсками, организовал из оставшихся в тылу противника частей Красной Армии отряды, которые в течение 45 дней дрались в тылу врага и пробились к основным силам Западного фронта. Они уничтожили штабы двух немецких полков, 26 танков, 1049 легковых, транспортных и

штабных машин, 147 мотоциклов, 5 батарей артиллерии, 4 миномета, 15 станковых пулеметов, 8 ручных пулеметов, 1 самолет на аэродроме и склад авиабомб. Свыше тысячи немецких солдат и офицеров были убиты. 11 августа генерал-лейтенант Болдин ударил немцев с тыла, прорвал немецкий фронт и, соединившись с нашими войсками, вывел из окружения вооруженных 1654 красноармейца и командира, из них 103 раненых.

Комиссар 8 мех. корпуса бригадный комиссар Попель и командир 406 сп полковник Новиков с боем вывели из окружения вооруженных 1778 человек. В упорных боях с немцами группа Новикова -Попеля прошла 650 километров, нанося огромные потери тылам врага.

Командующий 3-й армией генерал-лейтенант Кузнецов и член Военного Совета Армейский комиссар 2 ранга Биржков с боями вывели из окружения 498 вооруженных красноармейцев и командиров частей 3-й армии и организовали выход из окружения 108 и 64 стрелковых дивизий.

Все эти и другие многочисленные подобные факты свидетельствуют о стойкости наших войск, высоком моральном духе наших бойцов, командиров и комиссаров.

Но мы не можем скрыть и того, что за последнее время имели место несколько позорных фактов сдачи в плен врагу. Отдельные генералы подали плохой пример нашим войскам.

Командующий 28 армии генерал-лейтенант Качалов, находясь вместе со штабом группы войск в окружении, проявил трусость и сдался в плен немецким фашистам. Штаб группы Качалова из окружения вышел, пробившись из окружения части группы Качалова, а генерал-лейтенант Качалов предпочел сдаться в плен, предпочел дезертировать к врагу.

Генерал-лейтенант Понеделин, командовавший 12 армией, попав в окружение противника, имел полную возможность пробиться к своим, как это сделало подавляющее большинство частей его армии. Но Понеделин не проявил необходимой настойчивости и воли к победе, поддавшись панике, испугался и сдался в плен врагу, дезертировал к врагу, совершив таким образом преступление перед Родиной, как нарушитель военной присяги.

Командир 13 стрелкового корпуса генерал-майор Кириллов, оказавшись в окружении немецко-фашистских войск, вместо того, чтобы выполнить свой долг перед Родиной, организовать вверенные ему части для стойкого отпора противнику и выхода из окружения, дезертировал с поля боя и сдался в плен врагу. В результате этого части 13 стрелкового корпуса были разбиты, а некоторые из них без серьезного сопротивления сдались в плен.

Следует отметить, что при всех указанных выше фактах сдачи в плен врагу, члены Военных Советов армий, командиры, политработники, особотдельщики, находившиеся в окружении, проявили недопустимую растерянность, позорную трусость и не попытались даже помешать перетрусившим Качаловым, Понеделиным, Кирилловым и другим сдаться в плен врагу.

Эти позорные факты сдачи в плен нашему заклятому врагу свидетельствуют о том, что в рядах Красной Армии, стойко и самоотверженно защищающей от подлых захватчиков свою советскую Родину, имеются неустойчивые, малодушные, трусливые элементы. И эти трусливые элементы имеются не только среди красноармейцев, но и среди начальствующего состава. Как и

вестно, некоторые командиры и политработники своим поведением на фронте не только не показывают красноармейцам образец смелости, стойкости и любви к Родине, а наоборот — прячутся в щелях, возятся в канцеляриях, не видят и не наблюдают поля боя, а при первых серьезных трудностях в бою пасуют перед врагом, срывают с себя знаки различия, дезертируют с поля боя.

Можно ли терпеть в рядах Красной Армии трусов, дезертирующих к врагу и сдающихся ему в плен, или таких малодушных начальников, которые при первой заминке на фронте срывают с себя знаки различия и дезертируют в тыл? Нет, нельзя! Если дать волю этим трусам и дезертирам, они в короткий срок разложат нашу армию и загубят нашу Родину. Трусов и дезертиров надо уничтожать.

Можно ли считать командирами батальонов или полков таких командиров, которые прячутся в щелях во время боя, не видят поля боя, не наблюдают хода боя на поле и все же воображают себя командирами полков и батальонов? Нет, нельзя! Это не командиры полков или батальонов, а самозванцы. Если дать волю таким самозванцам, они в короткий срок превратят нашу армию в сплошную канцелярию. Таких самозванцев нужно немедленно смещать с постов, снижать по должности, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из рядов младшего состава или из красноармейцев.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл, или сдающихся в плен врагу - считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров.

Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава.

2. Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам.

Обязать каждого военнослужащего, независимо от его служебного положения, потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу, предпочтут сдать ему в плен, - уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишить государственного пособия и помощи.

3. Обязать командиров батальонов и полков, прятующихся в щелях во время боя и боящихся руководить ходом боя на поле сражения, ^{превратить в паникеры} снижать их по должности, как самозванцев, а при необходимости расстреливать их на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из младшего начсостава или из рядов отличившихся красноармейцев.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях,
эскадрильях, командах и штабах.

Главного
СТАВКА ВЕРХОВНОГО КОМАНДОВАНИЯ
КРАСНОЙ АРМИИ:

Председатель Высш. Команды Оборон

И. Салин

Зам. председ. Выс. Ком. Оборон

В. Мологов

Маршал Советского Союза

С. Буденный

Маршал Советского Союза

К. Ворошилов

Маршал Советского Союза

С. Тимошенко

Маршал Советского Союза

Б. Шапоvalов

Генерал Армии

Г. Шуклов

Приказ Ставки ВГК № 270 устанавливал новый порядок применения репрессивных мер: «Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров». Эти лица подлежали расстрелу на месте. От попавших в окружение бойцов и командиров требовалось, чтобы они пробивались к своим по тылам врага, сражаясь до последней возможности. Командиры и комиссары дивизий наделялись правами смещать командиров батальонов и полков, снижать их в должности до рядовых, а в случае необходимости расстреливать на месте. Впервые приказ был подписан не только всеми членами Ставки ВГК, но и председателем ГКО И. В. Сталиным и заместителем председателя ГКО В. М. Молотовым. Его разослали всем членам и кандидатам в члены ЦК ВКП(б), секретарям обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик, председателям областных и краевых исполкомов, председателям СНК республик, всем секретарям райкомов, горкомов, председателям райисполкомов и горисполкомов (без права публикации). Приказ зачитывался во всех штабах, подразделениях и частях.

Приказ № 270, отданный в самый суровый период войны, был направлен против тех, кто, нарушая требования воинской присяги и уставов, допускал трусость, растерянность и малодушие в боевой обстановке. В этом смысле он был совершенно правомерен, так как сыграл положительную роль в повышении боеспособности войск. В то же время, предоставляя широкие полномочия военачальникам и устанавливая ответственность для семей военнослужащих, попавших в плен (вплоть до уголовной ответственности членов семей командиров и политработников), он создал предпосылки для нарушения законности, а потому не имеет морального оправдания.

О «частых случаях незаконных репрессий и грубейшего превышения власти со стороны отдельных командиров и комиссаров» было указано уже 4 октября 1941 г. в приказе наркома обороны СССР № 0391 «О фактах подмены воспитательной работы репрессиями». В нем подчеркивалось, что «применение репрессий является крайней мерой, допускаемой лишь в случаях прямого неповиновения и открытого сопротивления в условиях боевой обстановки или в случаях злостного нарушения дисциплины и порядка лицами, сознательно идущими на срыв приказов командования». В связи с этим предписывалось «самым решительным образом, вплоть до предания виновных суду военного трибунала, бороться со всеми явлениями незаконных репрессий, рукоприкладства и самодуров». Далее говорилось, что командный и политический состав обязан помнить: «Без правильного сочетания метода убеждения с методом принуждения немыслимы насаждение советской воинской дисциплины и укрепление политико-морального состояния войск»²¹.

В годы войны сложился своеобразный стиль работы Ставки ВГК. Маршал А. М. Василевский отмечал: «За более чем 30-месячный период моей работы в должности начальника Генерального штаба, а в дальнейшем и в бытность членом Ставки она полностью в утвержденном ее составе ни разу не собиралась»²². Несмотря на это, она являлась постоянно действующим органом, работа которого строилась по-особому. А. М. Василевский кратко, но довольно емко описал работу Ставки ВГК: «Верховный главнокомандующий для выработки того или иного оперативно-стратегического решения или для рассмотрения других важных проблем, касающихся ведения вооруженной борьбы, вызывал к себе ответственных лиц, имевших непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу (тут могли быть члены и не члены Ставки), и здесь при участии всех или некоторых членов Политбюро ЦК партии и ГКО принимались необходимые решения, которые тотчас же и оформлялись в виде директив, приказов или отдельных распоряжений Ставки»²³.

Аналогичную оценку стилю деятельности Ставки ВГК дал и маршал Г. К. Жуков, назвав ее «коллективным органом руководства», в основе работы которого лежало «разумное сочетание коллегиальности с единоначалием»²⁴. Характеризуя последовательность в работе Ставки, он отмечал, что при разработке очередной операции И. В. Сталин обычно вызывал начальника Генерального штаба и его заместителя и кропотливо вместе с ними рассматривал оперативно-

стратегическую обстановку на всем советско-германском фронте: состояние войск фронтов, данные всех видов разведки, ход подготовки резервов всех родов войск и прочее. После этого в Ставку вызывались начальник тыла Красной армии, командующие различными родами войск и начальники главных управлений Наркомата обороны, которым предстояло обеспечить практически данную операцию. Затем Верховный главнокомандующий, его заместитель и начальник Генштаба обсуждали оперативно-стратегические возможности наших войск. Начальник Генерального штаба и заместитель Верховного главнокомандующего получали задачу: продумать и рассчитать возможности для конкретной операции (операций), которая намечалась к проведению. Обычно для этой работы И. В. Сталин отводил им четыре-пять дней, и по истечении этого срока принималось предварительное решение. После этого Верховный главнокомандующий давал задание начальнику Генштаба запросить мнение военных советов фронтов о предстоящей операции.

Пока работали командующий фронтом и его штаб, в Генштабе шел кропотливый творческий процесс по планированию операции и взаимодействию фронтов. Намечались задачи органам разведки, авиации дальнего действия, партизанским формированиям в тылу врага, органам военных сообщений по переброске пополнений и резервов Верховного главнокомандования, а также материальных запасов. Наконец, назначался день, когда командующие фронтами должны были прибыть в Ставку для доклада планов операций. Обычно И. В. Сталин слушал их в присутствии начальника Генштаба, заместителя Верховного главнокомандующего и некоторых членов ГКО. После тщательного рассмотрения докладов И. В. Сталин утверждал планы и сроки операций с указанием, на что именно следует обратить особое внимание, кто персонально будет направлен представителем Ставки для координации действий фронтов, кто осуществляет контроль за материально-техническим обеспечением войск, своевременной перегруппировкой не только их, но и резервов Ставки ВГК. Решались и другие назревшие вопросы. При разработке менее крупных операций командующих фронтами обычно в Ставку не вызывали. По ее требованию они в письменной форме представляли свои соображения по проведению запланированных операций²⁵.

Приведенный алгоритм работы Ставки ВГК и Генерального штаба имел место при подготовке подавляющего большинства кампаний и стратегических операций, проведенных советскими войсками в годы войны. Что касается характера, форм и методов работы Ставки Верховного главнокомандования, то они на протяжении войны не оставались неизменными, а развивались и совершенствовались в соответствии с изменявшейся обстановкой и возникавшими задачами.

Самым сложным и тяжелым для Ставки, как и для всей страны и вооруженных сил, был первый период войны. В это время Верховное главнокомандование, не имея необходимого опыта, работало недостаточно организовано. Формы его деятельности еще не сложились. В результате многие вопросы решались поспешно, нередко методом проб и ошибок, зачастую единолично И. В. Сталиным, без участия Генерального штаба, а иногда и вопреки его предложениям. Именно тогда Ставка ВГК допустила больше всего грубых просчетов, повлекших за собой тяжелые поражения и огромные, ничем не оправданные потери. На первый период войны приходится 54,6% безвозвратных потерь в людях, свыше 62,1% потерь стрелкового оружия, 65,7% — орудий и минометов²⁶.

В начале войны нередко случалось, что Генеральному штабу для выяснения обстановки в отдельных районах приходилось запрашивать по гражданским каналам связи местные органы власти. Не имея достоверных данных, Ставка неоднократно ставила фронтам явно невыполнимые задачи. Особенно серьезные просчеты Ставки — запоздалое решение в начале войны на переход к стратегической обороне и несвоевременный вывод войск из-под ударов противника под Киевом, в результате чего Юго-Западный фронт потерпел поражение. Да и в 1942 г. имели место грубые ошибки с определением возможного замысла действий противника, организацией и проведением частных операций. Как следствие, были бесполезно истрачены с таким трудом накопленные людские и материальные резервы. Огромная вина за харьковскую катастрофу ложится на Ставку и лично на И. В. Сталина.

263
~~секретно~~

экз. № _____

П Р И К А З

СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОГО КОМАНДОВАНИЯ

№ 0450
"28 ноября 1941 г." г. Москва.

О недооценке инженерной службы и неправильном
использовании инженерных войск и средств.

Опыт войны показал, что инженерная служба в действующей армии поставлена неудовлетворительно.

Общевойсковые командиры ~~не умеют~~ *да не многим нехотят* недооценивают инженерную службу, сами знают ее плохо и не учат подчиненных инженерному делу. В результате, в значительной части полков и дивизий не знают элементарных правил и приемов самоукрепления и инженерного оборудования позиций, не умеют правильно отстрелять окоп или выполнить работу по устройству заграждений, *или* занятии рубежа не создают оборудованных в инженерном отношении позиций и не организуют заграждений местности как в предполье, так и в глубине своих позиций. Помощь и руководство в этом деле со стороны инженерных начальников не организуется должным образом.

За время войны в армию поступило большое количество различного вида минно-подрывного имущества, при правильном использовании которого ход боевых операций мог бы протекать более успешно, особенно при обороне или вынужденном отходе. Одно из наиболее действительных инженерных мероприятий - инженерные заграждения применяются явно неудовлетворительно, как в

тактическом, так и в техническом отношении. О заграждениях вспоминают в последнюю минуту, нет заблаговременной подготовки полос на большую глубину. Такое простое средство, как завалы и засады, применявшиеся в русской армии в течение ряда столетий, теперь в зароне. Противотанковые и противопехотные мины, мины замедленного действия всех систем, управляемые фугасы, сюрпризы применяются во многих случаях без учета оперативно-тактических задач, без тесного взаимодействия с проводимой войсками операцией.

Минные поля охраняются недостаточно, установка их проходит с грубейшими нарушениями правил минирования. Схемы минирования до войск не доводятся, оставаясь в штабных канцеляриях, что приводит к немалочисленным жертвам наших командиров и красноармейцев. РККА не добилось внедрения в армии новых образцов мин замедленного действия и не организовало достаточного снабжения армии этими средствами, хотя эффективность их огромная.

Начальники Инженерных Управлений фронтов и армий работают без достаточной инициативы, не участвуют, как инженерные начальники в разработке плана операций, в штабы фронтов не привлекают их для этой цели и не ставят им конкретных задач. Вместо боевого взаимодействия инженерных войск с другими родами войск налицо ~~неправильное~~ ~~неправильное~~ отношение к использованию саперных частей и средств инженерной техники. Сапер часто используют на второстепенных работах, как простую рабочую силу, в ущерб мероприятиям по обеспечению боя.

Для ликвидации невежественного использования сапер и внедрения военно-инженерной культуры в армии ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Ввести должность заместителя Командующего Войсками фрон

3.

Л.С.

та /армии/ он же начальник Инженерных Войск фронта /армии/.
При начальнике Инженерных войск фронта /армии/ иметь штаб
начальника инженерных войск.

2. Военным Советам фронтов, армий привлекать к разработке оперативных планов начальников инженерных войск, требуя использования всех возможностей инженерных войск по их прямому назначению.

3. Не допускать разбазаривания сапер, использования их для исполнения других родов войск или просто в качестве пехоты. Не допускать распыленного использования армейских и фронтовых саперных частей, держать их в кулаке, оперативно сосредотачивая боевые средства сапер по важнейшим направлениям по ходу боевых операций. Военным Советам фронтов и армий всегда иметь резерв сапер.

4. Приблудить к широкому использованию или замедленного действия /МЗД/, применяя их по заранее разработанному плану на наиболее чувствительных для противника объектах. Практиковать закладку МЗД, противотанковых, противопехотных и незалегаемых мин /сюрпризов/ в тылу противника, организовать в саперных батальонах группы разведчиков-подражников.

5. В связи с развитием самостоятельной боевой деятельности инженерных войск и формированием саперных армий для руководства всеми инженерными войсками и инженерным обеспечением операций ввести должность Начальника Инженерных Войск Красной Армии. При Начальнике Инженерных Войск Красной Армии иметь штаб. Начальнику Инженерных Войск Красной Армии подчинить: Главное Военно-инженерное Управление, Главное Управление Оборонительных Работ НИС, саперные армии, военно-инженерную акаде-

Кедров

4. *Секрет* *266*

мию и инженерные училища.

6. Начальнику Инженерных Войск Красной Армии генерал-майору инженерных войск тов. КОТЛЯРУ создать в 20-дневный срок 90 подготовленных саперных батальонов, как резерв Главного Командования Красной Армии. Батальоны выделить из состава саперных бригад, обеспечить их положенным имуществом, освободить от работы на рубеже и организовать с ними форсированную боевую подготовку, в первую очередь по подрывному делу и устройству заграждений.

Дислокацию саперных батальонов установить по *указанию* *собранию* начальника Генерального Штаба.

7. Во всех военных округах восстановить должность начальника Инженерных Войск, неправильно ликвидированную в начале войны. Возложить на Начинжа округа руководство боевой подготовкой инженерных войск и инженерную подготовку всех родов войск округа.

С. Давыдов

СТАВКА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОГО КОМАНДОВАНИЯ:

НКО М. Галин

Командир Генерального Штаба

Б. Шагинин

Но и в этот период Ставка сумела успешно решить ряд сложнейших задач, в том числе по изматыванию противника, ликвидации образовавшихся брешей, организации Смоленского сражения, обороне Одессы, Севастополя, Москвы, контрнаступлению под Москвой в 1941 г., выводу войск из-под охватывающего удара вермахта, организации обороны Сталинграда и Кавказа летом и осенью 1942 г.

Под руководством Ставки ВГК в первом периоде войны были проведены три кампании: летне-осенняя оборонительная 1941 г., зимняя наступательная 1941–1942 гг. и летне-осенняя оборонительная 1942 г. В полном объеме они так же, как и операции групп фронтов, заблаговременно Ставкой не планировались. Их подготовка проводилась в основном распорядительным порядком. Конкретное планирование операций осуществлялось главным образом во фронтах и армиях. А роль Ставки сводилась преимущественно к постановке задач фронтам и флотам, рассмотрению разработанных командующими и штабами фронтов планов операций, обеспечению их выполнения за счет резервов Ставки Верховного главнокомандования, согласованию усилий фронтов, а также указаниям наиболее рациональных и эффективных способов действий для достижения поставленных целей.

Во втором периоде войны деятельность Ставки ВГК поднялась на более высокий уровень. Накопив определенный опыт, она более дальновидно и осмотрительно руководила действиями вооруженных сил, допускала меньше ошибок, с большим искусством готовила операции. При этом изменился и сам характер работы Ставки. Обусловлено это было переходом вооруженных сил преимущественно к наступательным действиям, овладением стратегической инициативой, более благоприятным соотношением сил и средств в пользу Красной армии. Перед войсками фронтов ставились более активные задачи, предусматривались самые решительные способы, в том числе окружение и уничтожение крупных группировок противника.

Во втором периоде войны Ставка ВГК руководила действиями вооруженных сил в двух наступательных кампаниях: зимней 1942–1943 гг. и летне-осенней 1943 г., подготовила и провела ряд крупнейших стратегических операций с участием от двух до четырех фронтов в каждой. Успешное проведение стратегического контрнаступления зимой 1942–1943 гг. под Сталинградом (операция «Уран») по замыслу Ставки ВГК переросло в ряд последовательных и одновременных операций: Северо-Кавказскую («Дон»), по прорыву блокады Ленинграда («Искра»), Воронежско-Харьковскую наступательную и Харьковскую оборонительную. Все они в основном были завершены, правда, того развития, на которое рассчитывало Верховное главнокомандование, не получили. Летом того же года Ставка ВГК организовала и успешно провела сначала Курскую стратегическую оборонительную, а затем две стратегические наступательные операции — Орловскую («Кутузов») и Белгородско-Харьковскую («Полководец Румянцев»). Вслед за этим началось общее наступление Красной армии на фронте протяженностью свыше 1300 км.

Наконец, с августа по декабрь 1943 г. были спланированы и проведены наступательные операции с целью освобождения Левобережной Украины, Донбасса и форсирования Днепра. Большинство их отличали оригинальность замысла, применение разнообразных способов разгрома группировок противника, значимость достигнутых результатов. Тем не менее избежать ряда крупных просчетов не удалось прежде всего из-за того, что Ставка ВГК переоценивала свои возможности. Например, серьезные ошибки были допущены в определении возможных контрдействий противника под Харьковом в феврале — марте и под Киевом в апреле — ноябре 1943 г. В результате поставленные фронтам завышенные задачи привели к существенным потерям.

Важно отметить, что в этот период Ставка ВГК и Генеральный штаб детально планировали, самостоятельно разрабатывали и всесторонне организовывали важнейшие стратегические операции. При необходимости Ставка вносила коррективы в первоначальные планы, смело осуществляла маневр силами и средствами. Именно тогда же в Ставке и Генштабе были разработаны способы последовательного разгрома важнейших группировок противника на различных стратегических направлениях. Все это, безусловно, имело решающее значение для достижения коренного перелома в войне.

К третьему периоду Великой Отечественной войны Ставка Верховного главнокомандования и Генеральный штаб пришли с установившимися взглядами на способы ведения современной войны. Богатый практический опыт подготовки и проведения операций стратегического масштаба позволял выработать творческий подход к решению стоявших задач. Появилась твердая уверенность в возможности быстрого разгрома противника и без помощи союзников по антигитлеровской коалиции.

Именно тогда в Ставке родилась идея нанесения взаимоувязанных одновременных и последовательных ударов на всем советско-германском фронте. По этому поводу маршал Г. К. Жуков в своих воспоминаниях писал: «В узком кругу лиц, собравшихся в кабинете И. В. Сталина, Верховный поставил вопрос о новой форме проведения кампаний 1944 года. Предварительно он запросил мнение каждого из участников. Обсуждали, где именно следовало сосредоточить силы и средства для поражения основных сил противника и окончательного разгрома фашистского блока. Таких районов на всем стратегическом фронте оказалось десять»²⁷. В отличие от прошлых лет И. В. Сталин приказал приступить одновременно к расчетам сил и средств на всех десяти направлениях.

В третьем периоде войны Ставка ВГК и Генеральный штаб спланировали и провели три кампании: зимнюю и летне-осеннюю 1944 г., а также кампанию 1945 г. в Западной Европе. В рамках этих кампаний было проведено 17 стратегических операций, в ходе каждой из которых разгромлены крупные группировки противника. Операции развивались на глубину до 400–600 км, причем в более высоких темпах, чем прежде. Ставка ВГК и Генеральный штаб проявили способность твердо управлять войсками, решать задачи с меньшими людскими и материальными потерями. В этот период характерными чертами творческой и организаторской деятельности Ставки ВГК являлись стремление упреждать противника в действиях, громить его войска по частям, наносить нарастающие по силе удары и решительно развивать достигнутый успех. Особое место в работе Ставки на завершающем этапе войны заняли организация взаимодействия с англо-американскими войсками, согласование боевых действий на советско-германском фронте с операциями союзников. Конечно, имели место некоторые просчеты, но это уже не оказывало существенного влияния на ход войны.

Важнейшим элементом успешного функционирования всей системы управления войсками являлась связь, ее организация и техническое оснащение. Верховному главнокомандованию необходимо было на каждый день, а то и на каждый час иметь исчерпывающую информацию. В Ставку ВГК сходились все нити телефонной и телеграфной связи, потоком шли разнообразнейшие сведения, данные об обстановке. Необходимо отметить, что накануне войны никакие официальные документы и руководства по организации и обеспечению связи в оперативно-стратегическом звене управления Красной армией не было разработано.

Для связи со штабами фронтов, военных округов, отдельных армий и с соединениями, находившимися в ее резерве, Ставка ВГК использовала телеграфную, телефонную и радиосвязь, а также авиацию связи. Рабочим органом Ставки являлся Генштаб, который использовал узел связи Наркомата обороны. Других частей связи, в том числе и запасных узлов, Генштаб в своем распоряжении не имел. По подземным кабелям узел связи НКО сообщался с Центральным телеграфом (ЦТ) СССР, Центральной междугородной станцией (ЦМГС) Наркомата связи, автоматическими станциями Московской городской телефонной сети (МГТС), а также с узлами связи штабов ВВС, войск ПВО страны и наркомата ВМФ. Это позволяло широко использовать общегосударственные телеграфно-телефонные каналы для связи со штабами всех фронтов и военных округов и одновременно обмениваться телеграфной корреспонденцией со штабами ВВС, ПВО и ВМФ.

Следует отметить, что в первые дни войны узел связи Наркомата обороны был единым центром и обслуживал все его нужды. Из-за резкого увеличения телеграфного обмена его пришлось разделить на две части. Главная часть этого центра — узел оперативной связи в конце июля 1941 г. располагался на платформе станции метро «Кировская» (ныне «Чистые пруды») и обслуживал Ставку и Оперативное управление Генштаба. С его помощью удавалось поддерживать телеграфную связь со штабами фронтов, армий и с резервами Ставки:

П Р И К А З

СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ

№ 057

января 1942 года, г. Москва

Содержание: О боевом использовании танковых частей и соединений.

Опыт войны показал, что в боевом использовании танковых войск ^{ке} еще ~~до сих пор~~ имеется ряд крупных недочетов, в результате которых наши части несут большие потери в танках и личном составе.

Излишние, ничем неоправдываемые потери при низком боевом эффекте в танковых войсках происходят потому, что:

1. До сих пор плохо организуется в бою взаимодействие пехоты с танковыми соединениями и частями, командиры пехоты ставят задачи не конкретно и наспех, пехота в наступлении отстает и не закрепляет захваченных танками рубежей, в обороне не прикрывает стоящие в засадах танки, а при отходе даже не предупреждает командиров танковых частей об изменении обстановки и бросает танки на произвол судьбы.

2. Атака танков не поддерживается нашим артиллерийским огнем, ~~орудия сопровождают танков не косо. Мзрты~~ в результате

чего боевые машины гибнут от огня противотанковой артиллерии противника.

3.Общевойсковые начальники крайне торопливы в использовании танковых соединений - прямо схода бросают их в бой, не дав им, не отводя времени даже для производства элементарной разведки противника и местности.

~~Такой спешный, неорганизованный ввод в бой танковых частей приводит только к потерям, не давая должных результатов.~~

4.Танковые части используются мелкими подразделениями, а иногда даже по одному танку, что приводит к распылению сил, потере связи выделенных танков со своей бригадой и невозможности материального обеспечения их в бою, ^{причем} нехотные командиры, решая узкие задачи своей части, используют эти мелкие группы танков в лобовых атаках, лишая их маневра, тем самым причиняет потери боевых машин и личного состава.

5.Общевойсковые начальники плохо заботятся о техническом состоянии подчиненных им танковых частей - производят частые перебриски на большие расстояния своим ходом, самоустраиваются от вопросов эвакуации аварийной материальной части с поля боя, ставят боевые задачи, не сообразуясь с количеством времени пребывания танков в бою без предупредительного ремонта, что в свою очередь увеличивает и без того большие потери в танках.

~~В целях избежания боевого неупотребления танковых частей и увеличения контроля за их применением~~

Ставка Верховного Главнокомандования³

П р и к а з ы в а в с я :

1. Танковые бригады и отдельные танковые батальоны применять в бою ^{как привило,} в полном составе и тесном взаимодействии с пехотой, артиллерией и авиацией, не допуская ввода в бой танков без предварительной разведки и рекогносцировки командиров пехоты, артиллерии и танковых начальников.

2. Каждый случай неправильного использования танковых войск, оставления танков на территории противника и непринятия мер к их эвакуации - расследовать и виновных привлекать к ответственности.

3. В целях поднятия авторитета и ответственности начальников авто-бронетанковых отделов армий и начальников авто-бронетанковых войск фронта Ставка Верховного Главнокомандования назначает первых заместителями командующих армиями по танковым войскам, а вторых заместителями командующих войсками фронта. При командующем войсками направления иметь заместителя по авто-бронетанковым войскам и трех офицеров связи танковой специальности.

4. В штат управления - отдела авто-бронетанковых войск фронта и армии ввести должности двух заместителей - первый по боевому использованию и применению танковых войск, второй - по снабжению, ремонту и эксплуатации боевых и вспомогательных машин.

5. Институт помощников командующих фронтами по авто-бронетанковым войскам из штатов исключить.

Приказ довести до батальона, дивизиона и им-равных.

СТАВКА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ

И. СТАЛИН
А. ВАСИЛЕВСКИЙ.

передавать фронтам оперативные документы из центра и в обратном направлении. Этот узел обеспечивал и связь с представителями Ставки. Чаще всего его использовали генералы и офицеры Генштаба, которые находились у телеграфных аппаратов постоянно.

Для Верховного главнокомандующего было организовано шесть переговорных пунктов: четыре — в Москве, по одному — на ближайшей даче в Кунцево и на дальней, располагавшейся на 70-м км Дмитровского шоссе. В Кремле имелись два узла связи: один — рядом с кабинетом И. В. Сталина, другой — в убежище. В начале сентября 1941 г. связистам пришлось срочно оборудовать два телеграфных переговорных пункта: один — в двухэтажном особняке во дворе дома № 33 (43) по ул. Кирова (ныне ул. Мясницкая), а другой — в тоннеле станции метро «Кировская». Последний пункт широко использовался вплоть до начала 1943 г. В особняке напротив пятого подъезда здания Генштаба 22–23 июня 1941 г. были установлены переговорные аппараты Бодо для наркома обороны С. К. Тимошенко и его заместителей.

Другую часть узла (объект «Труба») расположили в обычном пассажирском вагоне, который загнали в тупик станции метро «Белорусская». Он предназначался для обеспечения телеграфной связью центральных управлений и органов тыла НКО. Через этот же узел шел обмен остальной служебной корреспонденцией со штабами фронтов. Оба эти узла сообщались мощными кабельными линиями с узлами связи штабов ВВС, ПВО, ВМФ и Центрального телеграфа.

Для резервирования Центрального телеграфа, междугородной и городских автоматических телефонных станций в октябре 1941 г. был построен защищенный узел связи — объект 01 Народного комиссариата связи (НКС). Технически хорошо оснащенный, он стал единственным в стране сооружением подобного типа²⁸. Хотя он имел связь с Кремлем, НКО, узлом связи, объектом «Труба» на станции метро «Кировская» и НК ВМФ, тем не менее в полной мере не способен был заменить ЦТ СССР, ЦМГС, МГТС, а самое главное — у него не было дублера в глубине страны. Только в апреле 1942 г. был введен в эксплуатацию запасной узел связи страны в Уфе²⁹.

Эвакуация в Куйбышев в октябре 1941 г. аппарата ЦК ВКП(б) и СНК СССР, некоторых отделов НКО и НК ВМФ потребовала оборудовать там филиал узла связи НКО и смонтировать АТС на 600 номеров³⁰. Для основной группы Генштаба, эвакуированной в Арзамас, по инициативе начальника Главного управления связи Красной армии (ГУС КА) И. Т. Пересыпкина в том же октябре всего за пять суток вместо запланированных 15–20 был сооружен запасной узел связи Ставки ВГК³¹.

В стратегическом звене управления большое значение имели подвижные узлы связи, оборудованные в поездах и на автомобилях. Согласно постановлению ГКО № 59 от 8 июля 1941 г.³² уже в августе для создания подвижного резерва средств связи Ставки работниками НКС был сформирован поезд связи³³, а в ноябре оборудован автомобильный узел связи в составе 15 аппаратов Бодо, 10 телеграфных аппаратов СТ-35, 10 автомобильных радиостанций, а также машин для электропитания³⁴. В течение всей войны этот узел, входивший в отдельный радиодивизион связи резерва Ставки ВГК, успешно выполнял ответственные задания военного командования, но чаще всего он использовался для обеспечения связью представителей Ставки ВГК, выезжавших на фронты.

Осень 1941 г. стала для страны одним из самых критических моментов, потребовавших значительного расхода сил и средств в целях обеспечения твердого и непрерывного управления войсками. Основная трудность заключалась в необходимости обеспечения связью Ставки ВГК и Генштаба одновременно с трех пунктов управления — московского, арзамасского и куйбышевского. Кроме того, необходимо было обеспечить связью из Волхова оперативную группу Генштаба. Проводная связь с этими пунктами была налажена немедленно. Во второй половине ноября 1941 г. Главным управлением связи Красной армии был разработан новый вариант радиосвязи Генштаба. В дальнейшем она поддерживалась через радиоузлы Москвы, Горького, Куйбышева и Арзамаса³⁵.

С 23 августа по 10 сентября 1941 г. НКС была построена кольцевая система обходных связей на удалении 25–30 км от Москвы: Хлебниково — Химки — Немчиновка — Черта-

ново — Люберцы — Салтыковка — Пушкино — Хлебниково. Кроме этой кольцевой линии связи было построено на удалении 80–100 км от Москвы восточное полукольцо по трассе: Лаптево — Ожерелье — Луховицы — Костерево — Фряново — Загорск — Дмитров. Эти линии позволяли в случае повреждения Московского узла обеспечить минимальное количество важнейших связей к штабам фронтов и в тыл страны, составлять прямые телефонные и телеграфные линии, минуя столицу.

В целях улучшения управления войсками Ставкой ВГК подразделениями НКС и ГУС КА были также построены крупные магистральные линии, с помощью которых обеспечивалась проводная связь с Ленинградом, Закавказьем и Мурманском. Осенью 1941 г. связь Ставки ВГК с Ленинградом работала с большими перебоями. Для ее восстановления по дну Ладожского озера был проложен подводный кабель протяженностью 40 км³⁶.

Согласно постановлению ГКО № 2314 от 17 сентября 1942 г. «О строительстве телеграфно-телефонной линии связи вдоль южного побережья Каспийского моря»³⁷ в период 16 октября — 14 ноября была построена стационарная телеграфно-телефонная магистраль протяженностью 1315 км. Она обеспечила устойчивую связь Ставки ВГК с Закавказским фронтом и с войсками, дислоцированными в Иране.

В конце 1942 г. в короткий срок в условиях Заполярья был проложен подводный кабель через пролив в северной части Белого моря, надежно связавший Генштаб со штабом Северного флота и Москву с Мурманским портом, обеспечивающим поставки по ленд-лизу³⁸.

Улучшению связи Ставки ВГК и Генерального штаба Красной армии с войсками способствовал приказ Ставки № 00107 «Об улучшении использования радиосвязи для обеспечения бесперебойного управления войсками с помощью радио» от 30 мая 1942 г. Этим приказом военные советы фронтов и армий обязывались решительно покончить с недооценкой связи и независимо от обстановки обеспечить бесперебойное управление войсками и непрерывную радиосвязь с высшими штабами. Приказ определял конкретные мероприятия по обеспечению бесперебойной связи при смене пунктов управления и при выездах командующих в войска. Начальником Главного управления связи Красной армии в личное распоряжение каждого командующего армией выделялось по две переносные радиостанции типа «Север» для связи их со штабами фронтов. Внутри армий для связи с дивизиями организовывалась дополнительная радиосвязь с помощью радиостанций РБ³⁹.

Обсуждая вопрос подготовки этого приказа с А. М. Василевским, И. Т. Пересыпкин подчеркивал: «Правило должно быть железным без каких-либо исключений: где бы ни был командующий — радиостанция должна быть с ним. Это подтянет и нижестоящие штабы: им тоже придется держать радиостанции рядом»⁴⁰. В целях реализации этого приказа в 1942 г. были осуществлены поставки около 500 комплектов автомобильных радиостанций для звена Генштаб — фронт, около 3 тыс. радиостанций армиям и корпусам и более 25 тыс. переносных радиостанций для командований дивизий, полков и батальонов⁴¹.

Для связи Генштаба со штабами фронтов и армий использовалась и авиация. 17 декабря 1941 г. сформированная 233-я отдельная авиационная эскадрилья связи ВВС была передана в оперативное подчинение начальнику Главного управления связи И. Т. Пересыпкину. Год спустя, 3 декабря 1942 г., по инициативе И. Т. Пересыпкина приказом наркома обороны была создана 3-я отдельная авиационная дивизия, в состав которой входили два полка, отдельный транспортный авиаотряд и батальон авиационного обслуживания. Задачами этой дивизии являлись: обеспечение связи Генштаба с фронтами и армиями, доставка фельдъегерской почты и периодической печати, перевозка на фронт и обратно генералов и офицеров Генштаба из центральных управлений НКО, аппаратуры связи и прочее.

В конце декабря 1944 — начале января 1945 г. в Минске в бункерах, сохранившихся после разгрома немецких войск в этом районе, по личному указанию И. В. Сталина под руководством И. Т. Пересыпкина был оборудован еще один узел связи Ставки ВГК⁴².

В целях улучшения устойчивости проводной связи Генштаба с апреля 1943 г. впервые стали применяться узлы связи особого назначения (УСОН)⁴³. Для повышения ответственности за состояние связи Генштаба и улучшения ее работы в декабре 1943 г. были введены

должности начальников оперативных направлений связи (НОНС)⁴⁴, на которые назначались опытные генералы войск связи.

В целях устойчивой радиосвязи Генштаба со штабами фронтов и их армиями в осенне-зимний период 1944–1945 гг. по указанию начальника Главного управления связи И. Т. Пересыпкина была организована ретрансляция работы фронтовых и армейских станций, которая осуществлялась мощными радиопередатчиками, располагавшимися вблизи западных границ СССР⁴⁵. На завершающем этапе войны, когда военные действия развернулись на территории других государств, на крупных узлах связи были образованы комендатуры связи и организованы узлы связи специального назначения (УССН), в задачу которых входило обеспечение связью военного командования и органов советских военной администрации⁴⁶.

С помощью всех вышеперечисленных средств обеспечивалась связь Генштаба и представителей Ставки ВГК со штабами фронтов, а иногда и армий в течение всей войны. При необходимости создавались другие узлы связи, которые усиливались за счет оборудования, аппаратуры и личного состава НКС, но основным для Генштаба оставался узел связи НКО, располагавшийся в Москве.

Важным средством связи Ставки ВГК в первые месяцы войны была телеграфная связь по аппаратам Бодо, так как И. В. Сталин на всех телеграммах помечал: «Передать только по Бодо». Этому правилу он следовал в течение всей войны. С мая 1942 г. на связях Генштаба со штабами фронтов и армий стала внедряться аппаратура линейного засекречивания (ЗАС). Внедрение линий «радио-Бодо» с приставкой «Алмаз» и засекречивающей аппаратурой позволило Генштабу иметь с респондентами не только устойчивую, но и засекреченную связь буквопечатания с телеграфов, расположенных недалеко от оперативных работников штабов. С помощью этой аппаратуры велись прямые переговоры и осуществлялся обмен радиограммами.

В обеспечении связи Ставки ВГК и Генштаба с фронтами и армиями значительную роль играли части правительственной ВЧ-связи НКВД. До января 1942 г. они обеспечивали эту связь только в станционном положении, а магистральные линии обслуживали части Народного комиссариата связи и Главного управления связи Красной армии. Постановлением ГКО от 11 января 1942 г. № 1129 «Об обеспечении бесперебойной правительственной телефонной ВЧ-связи между Москвой и штабами фронтов»⁴⁷ решение этой задачи было поручено НКВД. ВЧ-связью пользовались только командующий, начальник штаба, член военного совета и начальник особого отдела. 30 января 1943 г. постановлением ГКО № 2804 ВЧ-связь ставилась в привилегированное положение, а Главное управление связи Красной армии освобождалось от ее обслуживания. Для решения вопроса обеспечения ВЧ-связью при НКВД были созданы специальные войска, которым Главное управление связи в декадный срок обязывалось передать 135 отдельных рот связи, а после 1 апреля 1943 г. также все запасы проводов и арматуры, предназначенные для ВЧ-связи, и трофейный кабель ППК-4⁴⁸.

Вместе с тем, несмотря на наличие большого числа частей ВЧ-связи, начальники связи фронтов и армий были обязаны выделять в распоряжение начальников отделов и отделений ВЧ-связи соответственно фронтов и армий лучшие телефонные цепи и лучшие телефонные каналы связи. Вследствие этого функции этих отделов и отделений часто сводились к установке станционной засекречивающей аппаратуры, прокладке абонентских линий связи в районе штабов и армий и их обслуживанию. Командующие фронтами не хотели мириться с двумя начальниками и при отсутствии ВЧ-связи с армиями часто возлагали ответственность за это на начальников связи фронтов, хотя последние не отвечали за ее состояние.

За годы войны Ставка ВГК проделала огромную по своей значимости, масштабам и объему работу по решению задач, связанных с восстановлением нарушенного стратегического фронта, реорганизацией и укреплением вооруженных сил, их техническим перевооружением. Она руководила проведением восьми военных кампаний и около 50 стратегических операций. При непосредственном участии Ставки ВГК и под ее жестким контролем были проведены более 250 фронтовых, ряд воздушных, противовоздушных и морских десантных операций, а также три централизованные операции партизанских сил. Она же организовывала и осу-

ществляла крупные перегруппировки войск (армий, а иногда и целых фронтов), развертывала новые фронты или упраздняла существующие после выполнения ими поставленных задач, создавала и успешно использовала крупные резервы. В руководстве вооруженной борьбой Ставка ВГК действовала органично с Генеральным штабом, Государственным Комитетом Обороны, наркоматами обороны, Военно-морского флота, внутренних дел, государственной безопасности и другими органами государственного управления.

Таким образом, в годы войны Ставка Верховного главнокомандования была постоянно действующим органом руководства Вооруженными силами СССР. На совместных заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б), ГКО и Ставки ВГК обсуждались важнейшие мероприятия по подготовке и проведению военных кампаний и стратегических операций, рассматривались вопросы военно-политического положения страны.

В ходе войны стиль работы Ставки ВГК непрерывно совершенствовался. Основные решения принимались после обсуждения предложений Генерального штаба по подготовке военных кампаний и стратегических операций, а также предложений командующих фронтами (флотами) по проведению операций. К подготовке предложений и их обсуждению привлекались крупные военачальники, государственные и партийные деятели, а при рассмотрении вопросов материального обеспечения военных действий — руководители ведущих наркоматов. Ставка ВГК постоянно вела поиск путей эффективного стратегического руководства действующей армией. Одним из них стало решение о создании главных командований войск направлений. Важную роль в руководстве вооруженной борьбой играл институт представителей Ставки ВГК, а основным рабочим органом ее стал Генеральный штаб.

Главные командования войск направлений

В начале Великой Отечественной войны на советско-германском фронте действовали пять фронтовых объединений, непосредственно подчиненных Ставке Главного командования. В последующем их стало значительно больше. Оказавшись в тяжелейшем положении, высшее военное руководство было не в состоянии быстро отслеживать развитие обстановки и адекватно реагировать на ее изменения. Оно часто теряло управление войсками, в результате чего не удавалось сохранять устойчивый фронт обороны, своевременно локализовывать прорывы противника, организованно вводить в сражение резервы и выводить из окружения войска.

С целью повышения надежности и оперативности руководства войсками действующей армии в 1941 — первой половине 1942 г. создавались промежуточные органы оперативно-стратегического управления в форме главных командований войск направлений. Аналогичную форму Ставка ВГК применила и в войне с Японией в августе — сентябре 1945 г. Для координации действий фронтов и флотов фактически на протяжении всей Великой Отечественной войны функционировал институт представителей Ставки ВГК. Дальнейшее развитие в годы войны получила практика непосредственного руководства фронтами и флотами. Одновременно шел процесс совершенствования советского полководческого искусства.

Как уже отмечалось, 10 июля 1941 г. в целях приближения стратегического руководства к войскам действующей армии Государственный Комитет Обороны по настоянию И. В. Сталина принял постановление № 83 о назначении главнокомандующих направлений: Северо-Западного, Западного и Юго-Западного. В качестве первоочередных на них возлагалось решение задач не допускать самовольного отхода войск и сдачи ими стратегически важных пунктов и рубежей, добиваться стойкости и самоотверженности в обороне советской территории, мобилизовать население оккупированных территорий к развертыванию всенародной борьбы в тылу врага⁴⁹.

Соблюдать секретно.

23

*Государственный Комитет обороны
наказов № 83сс от 10 июля 1941 г.*

Государственный Комитет Обороны постановил:

1. Назначить Главкомандующим войсками Северозападного направления Маршала Советского Союза т.К.Ворошилова с подчинением ему северного и северозападного фронтов.
2. Назначить Главкомандующим войсками Западного направления Маршала Советского Союза Наркома Обороны С.Тимошенко с подчинением ему войск западного фронта.
3. Назначить Главкомандующим войсками Югозападного направления Маршала Советского Союза т.С.Буденного с подчинением ему юго-западного и южного фронтов.
4. Ставку Главного Командования преобразовать в ставку Верховного Командования и определить ее в составе: Председателя Государственного Комитета Обороны т.Сталина, Заместителя Председателя Государственного Комитета Обороны т.Молотова, Маршалов Тимошенко, Буденного, Ворошилова, Шапошникова, Начальника Генштаба Генерала армии Жукова.
5. Резервную армию подчинить ставке Верховного Командования с тем, чтобы потом, когда она будет приведена в полную боевую готовность, — подчинить ее Главкомандующему войсками Западного направления.
6. Обязать Главкомов указать в специальном приказе подчиненному им фронтовому и армейскому командованию, что наблюдавшиеся факты самовольного отхода и сдачи стратегических пунктов без разрешения высшего командования — позорят Красную Армию, что впредь за самовольный отход будут караться виновные командиры расстрелом.
7. Обязать Главкомов почаще обращаться к войскам своего направления с призывом держаться стойко и самоотверженно защищать нашу землю от немецких грабителей и поработителей.

Постановление ГКО № 83сс от 10 июля 1941 г. «О назначении главкомандующими войсками направлений К. Е. Ворошилова, С. К. Тимошенко, С. М. Будённого и преобразовании Ставки». Лист 1

2.-

8. Обязать Главкомов почаще разбрасывать с самолетов в тылу немецких войск небольшие листовки за своей подписью с призывом к населению громить тылы немецких армий, рвать мосты, развинчивать рельсы, поджигать леса, уйти в партизаны, все время беспокоить немцев-угнетателей. В призыве указывать, что скоро придет Красная Армия и освободит их от немецкого гнета.

*Председатель Государственного
Комитета Оборона И. Сталин*

10 июля 1941 г.

Постановление ГКО № 83сс от 10 июля 1941 г. «О назначении главнокомандующими войсками направлений К. Е. Ворошилова, С. К. Тимошенко, С. М. Будённого и преобразовании Ставки». Лист 2

Главные командования войск направлений явились принципиально новыми органами оперативно-стратегического руководства войсками действующей армии, поэтому процесс становления и организации их деятельности характеризовался импровизациями в формировании структуры и кадровом обеспечении. Данное обстоятельство обуславливало существенные отличия в каждом из трех главных командований войск направлений, вызванные как объективными, так и субъективными факторами.

Так, Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов, узнав о назначении главнокомандующим войсками Северо-Западного направления, с группой офицеров во главе с генерал-майором М. В. Захаровым немедленно вылетел в Ленинград⁵⁰. После прибытия к месту назначения К. Е. Ворошилов заслушал доклады командующих войсками Северного и Северо-Западного фронтов об обстановке и состоянии войск, а М. В. Захаров — начальников управлений их штабов. После этого главное командование войск направления сосредоточилось на выполнении задач по подготовке рубежей обороны под Ленинградом, мобилизации войск и населения города на отпор врагу, руководстве развертыванием партизанского движения на оккупированной врагом территории.

На Северном фронте, на штаб которого в своей деятельности опиралось главное командование, были приняты неотложные меры по усилению обороны на рубеже Нарва — озеро Ильмень и на Карельском перешейке. На Северо-Западном фронте, где складывалась более сложная обстановка, К. Е. Ворошилов потребовал привести в порядок отходившие соединения и части, а также, подменяя командующего фронтом, лично конкретизировал задачи начальникам артиллерии, связи, тыла и командующему ВВС фронта⁵¹.

После захвата противником Пскова и Острова главное командование войск Северо-Западного направления принимало меры к срочной переброске войск на лужский оборонительный рубеж и усилению их авиационной поддержки. Уже к 14 июля главкомом войск направления был издан приказ отстоять Ленинград любой ценой⁵². В разгар боев на лужском

К. Е. Ворошилов и М. И. Калинин на трибуне во время парада 7 ноября 1941 г. в Куйбышеве

М. В. Захаров

рубеже был организован контрудар по наступающим в районе Сольцов вражеским силам. Продвижение немецких войск на ленинградском направлении было остановлено почти на месяц. Бывший командир немецкого 56-го моторизованного корпуса генерал Э. фон Манштейн писал: «Нельзя было сказать, чтобы положение корпуса в этот момент было весьма завидным. Последующие несколько дней были критическими, и противник всеми силами старался сохранить кольцо окружения»⁵³.

К. Е. Ворошилов и М. В. Захаров неоднократно выезжали в войска, участвовали в рекогносцировках местности, решали практические задачи по повышению устойчивости обороны непосредственно на подступах к Ленинграду и организации внутренней обороны города. Начальник штаба направления много внимания уделял координации действий родов войск⁵⁴. Заместителем главнокомандующего войсками направления по морской части был адмирал И. С. Исаков. Его главной функцией являлось обеспечение согласованных действий сил Северного и Балтийского флотов с сухопутными группировками войск⁵⁵. Важное место в работе главнокомандующего занимали мероприятия по активизации партизанской борьбы в тылу врага. Для этой цели по его распоряжению из добровольцев — рабочих Ленинграда формировались истребительные полки⁵⁶.

И все же, несмотря на предпринимаемые меры, обстановка на Северо-Западном направлении и вокруг города продолжала осложняться. Это не в последнюю очередь стало следствием целого ряда просчетов и ошибок, допущенных К. Е. Ворошиловым. В его практической деятельности преобладали политические методы руководства, что не в полной мере соответствовало требованиям, предъявляемым к военачальнику в условиях массового использования авиации, танков, дальнобойной артиллерии, автоматического оружия и других современных средств вооруженной борьбы.

23 августа Северный фронт был разделен на два — Карельский и Ленинградский. При этом руководство Карельским фронтом, которому оперативно подчинялся Северный флот, стало осуществляться непосредственно Ставкой ВГК. Одновременно с расформированием 27 августа главного командования войск Северо-Западного направления К. Е. Ворошилов на короткое время возглавил войска Ленинградского фронта⁵⁷.

Оценка деятельности К. Е. Ворошилова на посту главкома войск Северо-Западного направления и командующего войсками Ленинградского фронта была дана в апреле 1942 г. в постановлении ЦК ВКП(б): «1. Признать, что т. Ворошилов не справился с порученной ему работой на фронте. 2. Направить т. Ворошилова на тыловую военную работу»⁵⁸. Начальник штаба направления генерал М. В. Захаров был назначен заместителем начальника тыла Красной армии.

Иначе проходили становление и организация деятельности главного командования войск Западного направления. Командующему Западным фронтом Маршалу Советского Союза С. К. Тимошенко постановлением ГКО от 10 июля 1941 г. предписывалось взять на себя руководство войсками этого направления⁵⁹. Поэтому в выполнении обязанностей главкома он первоначально опирался на Военный совет (с 12 июля член Военного совета генерал-лейтенант Н. А. Булганин) и штаб фронта (начальник — генерал-лейтенант Г. К. Маландин, с 21 июля — маршал Б. М. Шапошников, с 30 июля — генерал-лейтенант В. Д. Соколовский). На основе анализа данных разведки С. К. Тимошенко 14 июля представил в Ставку доклад с выводами по оценке обстановки. В документе также содержалась характеристика мер, предпринимаемых для восстановления и повышения боеспособности своих войск, излагались просьбы об усилении Западного фронта авиацией, танками, автомобилями, упорядочении доставки ему боеприпасов и маршевого пополнения⁶⁰.

В отличие от других главных командований, состав войск Западного направления в течение июля — августа 1941 г. существенно менялся. Помимо Западного фронта в него входили: с 23 июля — Центральный, а с 30 июля — Резервный фронты.

Главным событием, к которому в июле — начале сентября 1941 г. было приковано внимание главного командования войск Западного направления, стало Смоленское сражение, основные военно-политические цели которого состояли в том, чтобы остановить продвиже-

В. Д. Соколовский

Ф. И. Голиков

ние немецкой группы армий «Центр», не допустить войска противника к Москве, разгромить их на дальних подступах к столице. Наряду с этим Ставка ВГК требовала от войск Западного направления и наступательных действий⁶¹. Хотя попытка организовать контрнаступление не привела к разгрому смоленской группировки противника, планы командования немецкой группы армий «Центр» о наступлении на Москву были сорваны. К концу июля активными действиями войск Западного направления противник был остановлен на рубеже Великие Луки — Ярцево — Ельня — Кричев — Жлобин, а на некоторых участках был вынужден даже отступить. Достигнутый результат знаменателен тем, что это был первый случай с начала Второй мировой войны, когда вооруженным силам Германии пришлось перейти к обороне на главном стратегическом направлении.

Большая заслуга в срыве темпов наступления вермахта в начале войны принадлежит главнокомандующему войсками Западного направления Маршалу Советского Союза С. К. Тимошенко. Начальник Генерального штаба Красной армии Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников в докладе на заседании Ставки ВГК 8 августа подчеркивал, что возглавляющий это направление маршал С. К. Тимошенко заметно улучшил оперативное руководство войсками, сумел организовать ряд мощных контрударов по противнику, нанеся ему серьезный урон⁶². «Нужно отдать должное маршалу Тимошенко, — отмечал Г. К. Жуков. — В те трудные дни он твердо руководил войсками, мобилизуя все силы на отражение натиска врага и организацию обороны»⁶³.

11 сентября 1941 г. главное командование войск Западного направления как выполнившее свою основную задачу по срыву безостановочного наступления немецких войск на Москву было расформировано, а маршала С. К. Тимошенко Ставка ВГК назначила на должность главнокомандующего войсками Юго-Западного направления⁶⁴.

В самый разгар Ржевско-Вяземской стратегической наступательной операции, 1 февраля 1942 г., решением Ставки ВГК повторно было создано главное командование войск Западного направления «с задачей организации непрерывного взаимодействия Западного и Калининского фронтов». Функции главнокомандующего войсками направления были возложены на генерала армии Г. К. Жукова с оставлением за ним должности командующего войсками Западного фронта. В качестве ближайшей задачи наряду с освобождением Вязьмы

Основные направления деятельности органов политического руководства:

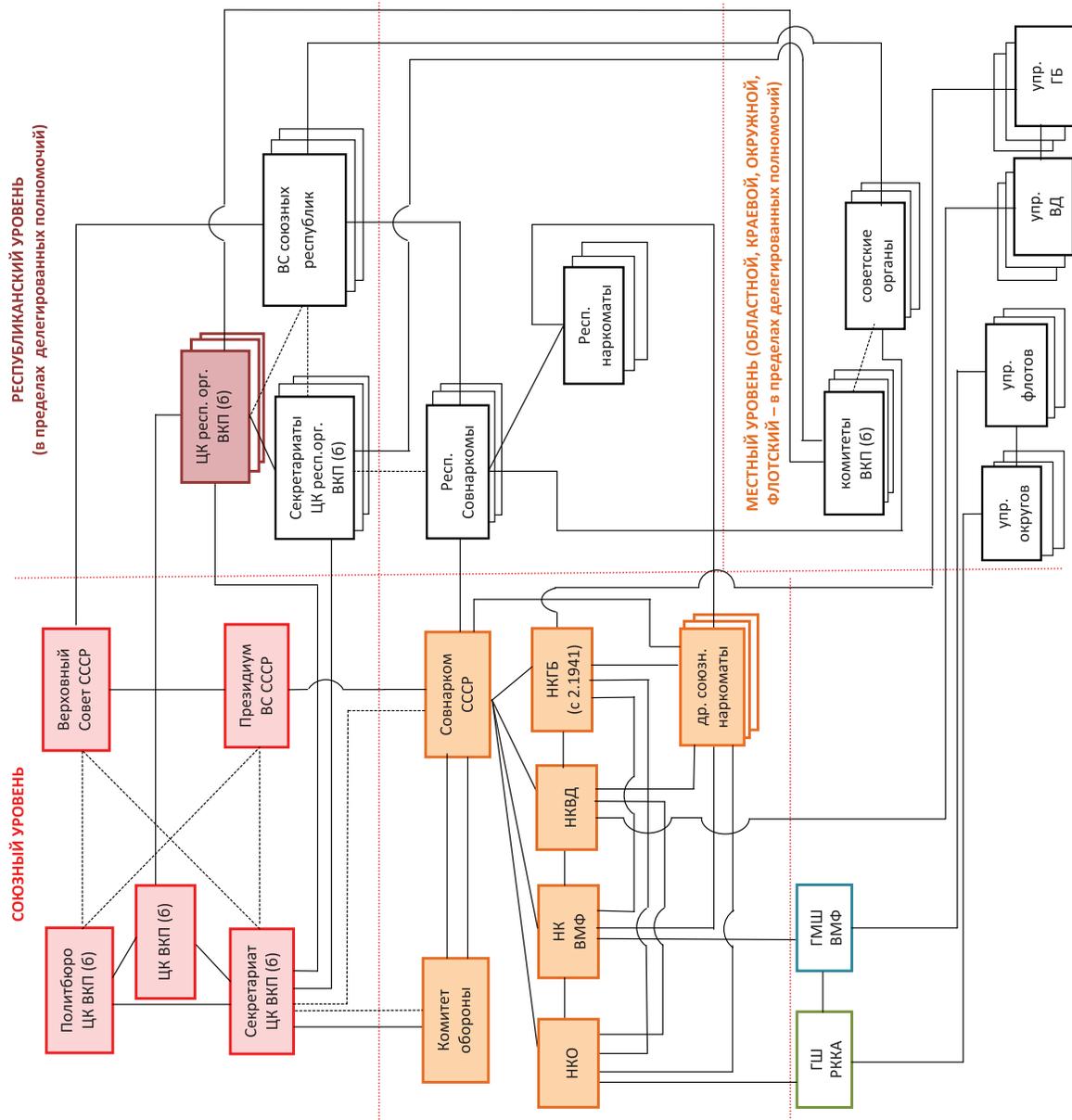
- определение целей, характера политического содержания и способов ведения будущей войны;
- политико-идеологическая подготовка войны;
- идеологическое обоснование, директивное и правовое оформление деятельности по обеспечению безопасности государства от внутренних угроз;
- формирование политических, идеологических и правовых основ коалиционной стратегии;
- идеологическое обоснование и правовое оформление принципов стратегического руководства страной и Вооруженными силами;
- формирование директивной и правовой базы создания и развития военной организации государства.

Основные направления деятельности органов государственного управления:

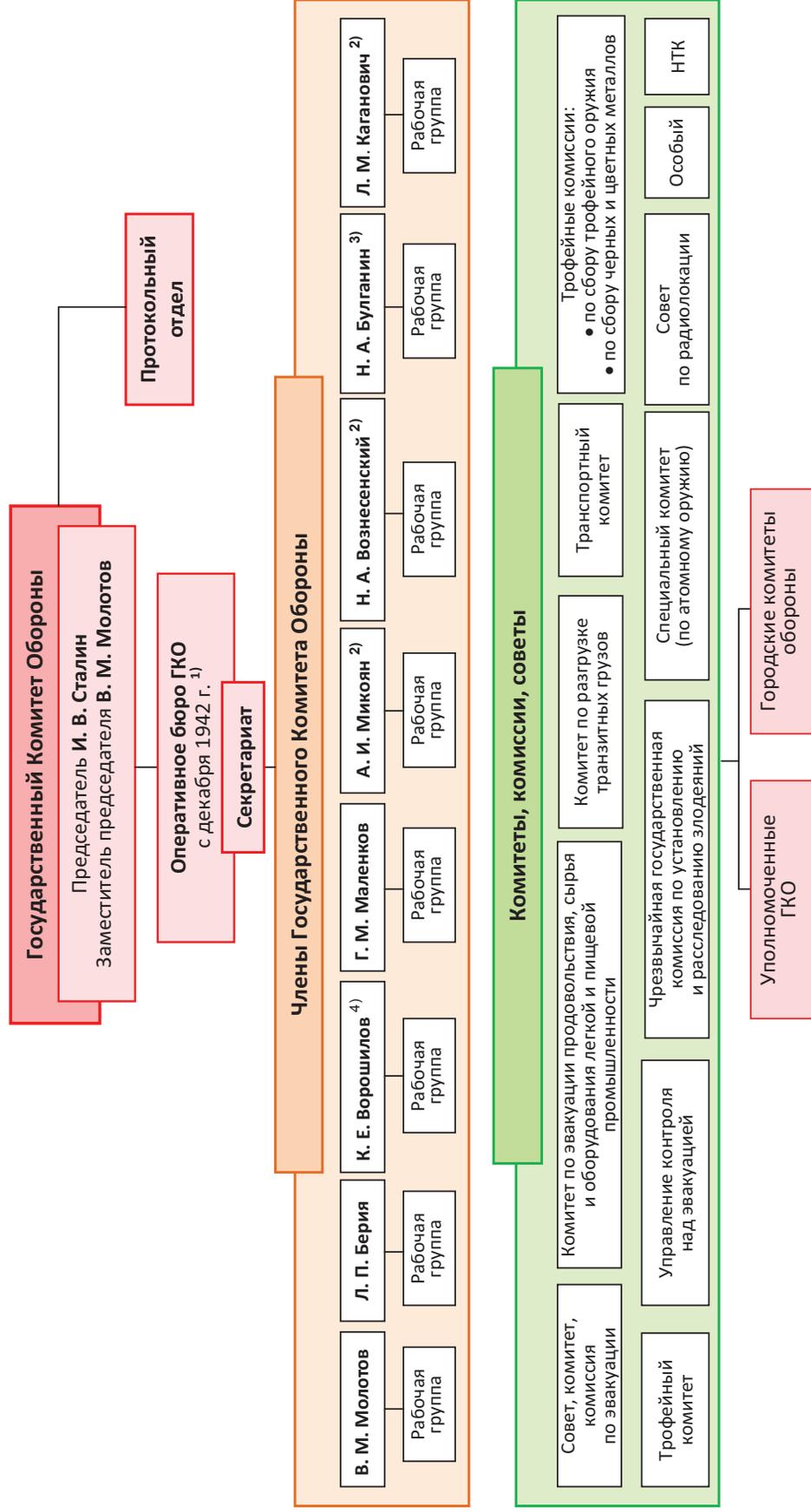
- создание и совершенствование нормативной базы и материальных основ государственного управления в военное время;
- стратегическое планирование;
- создание и развитие военной организации государства;
- создание и развитие оборонно-промышленного комплекса;
- мобилизационная подготовка народного хозяйства;
- создание, накопление и хранение госрезервов;
- подготовка населения и территории страны к войне;
- строительство и подготовка Вооруженных сил;
- военно-техническое сотрудничество;
- разработка планов строительства, подготовки и применения Вооруженных сил.

Основные направления деятельности органов военного управления и местной власти:

- разработка планов применения Вооруженных сил;
- обеспечение оперативного руководства Вооруженными силами;
- руководство оперативно-боевой подготовкой;
- мобилизационное планирование;
- создание и накопление мобилизационных ресурсов Вооруженных сил;
- оборудование театров военных действий;
- военное сотрудничество с зарубежными странами.

Структурная схема реализации полномочий органов власти СССР по подготовке страны к отражению агрессии (1937 – 1941)

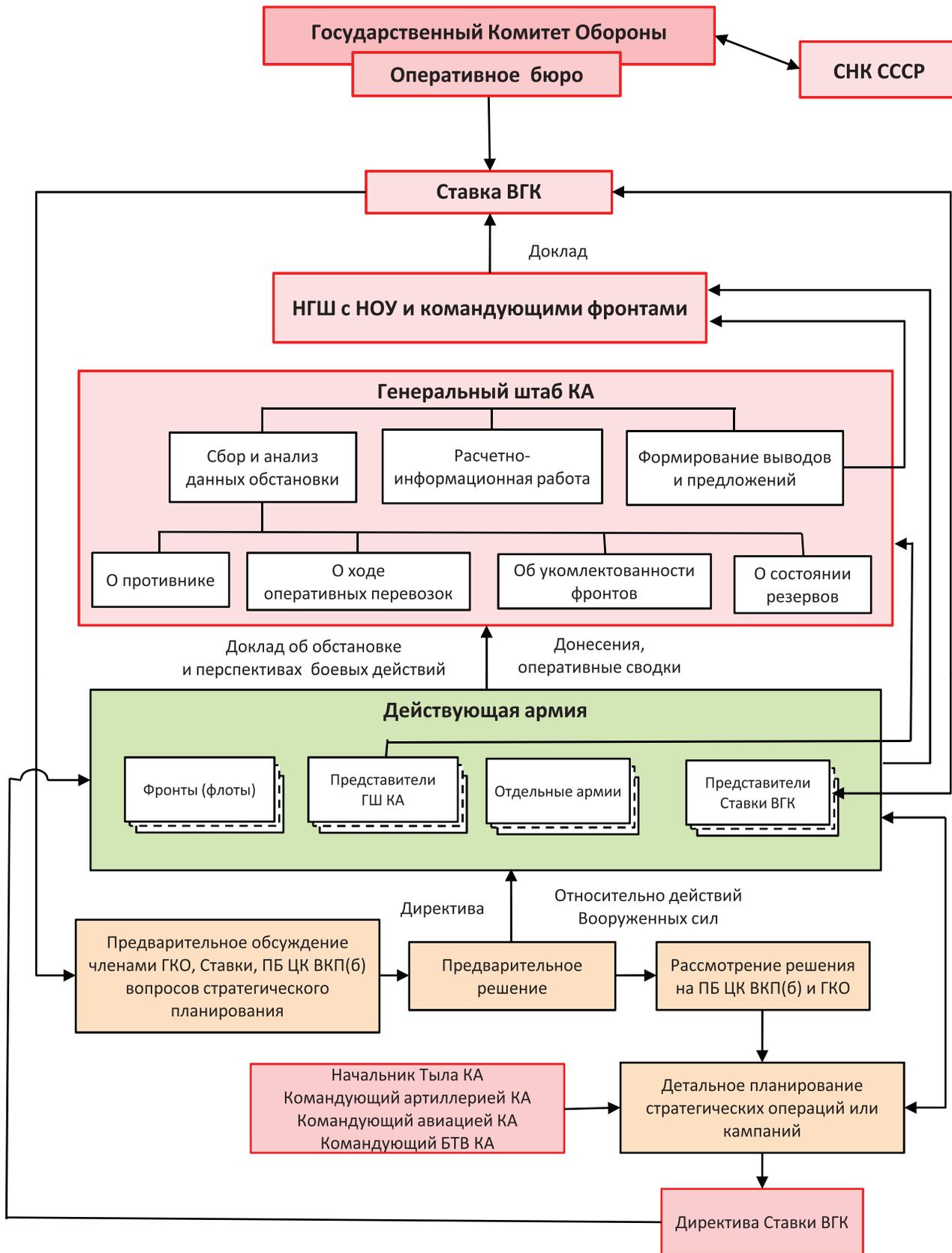
Примечания:

¹ Утверждено постановлением ГКО № 2615 от 8 декабря 1942 г. в составе В. М. Молотова, Л. П. Берия, Г. М. Маленкова, А. И. Микояна. 19 мая 1944 г. утверждён новый состав: Л. П. Берия – председатель и заместитель председателя ГКО, Г. М. Маленков, А. И. Микоян, Н. А. Вознесенский и К. Е. Ворошилов.

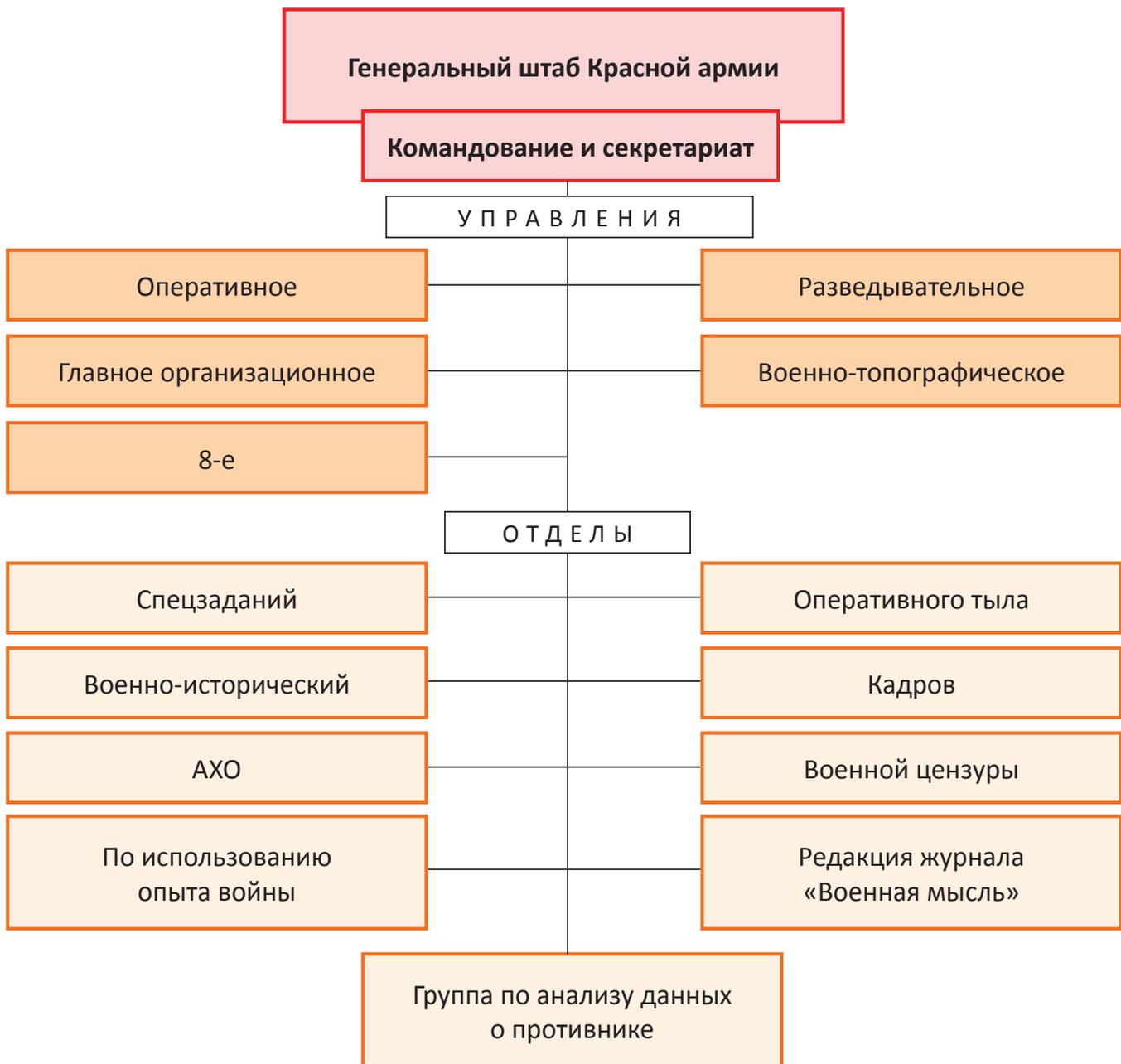
² А. И. Микоян, Н. А. Вознесенский и Л. М. Каганович введены в состав ГКО в феврале 1942 г.

³ Н. А. Булганин введен в состав ГКО в ноябре 1944 г.

⁴ К. Е. Ворошилов выведен из состава ГКО и Оперативного бюро в ноябре 1944 г.

Процесс формирования директив Ставки ВГК

Организационная структура Генерального штаба Красной армии (1943)

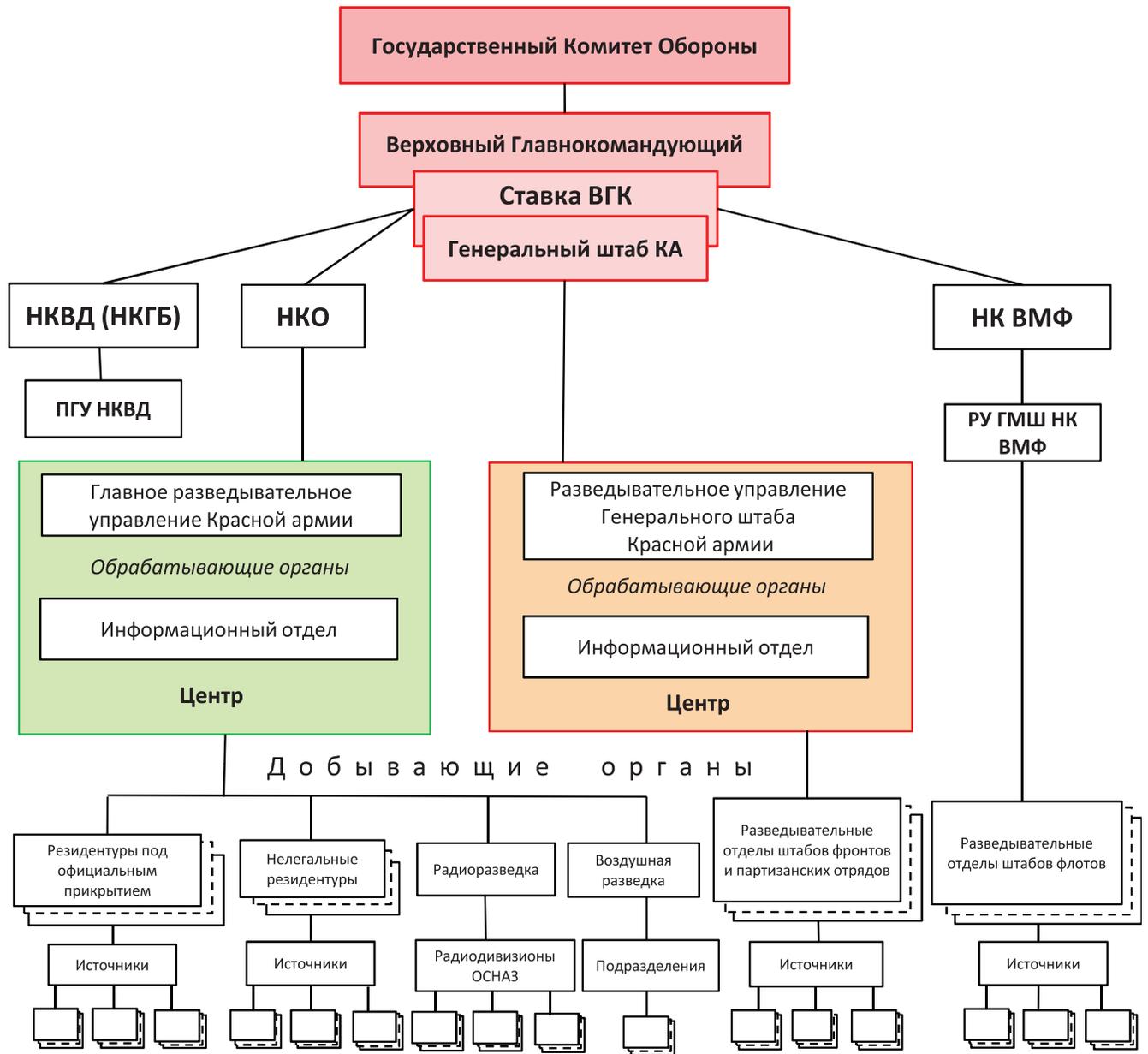
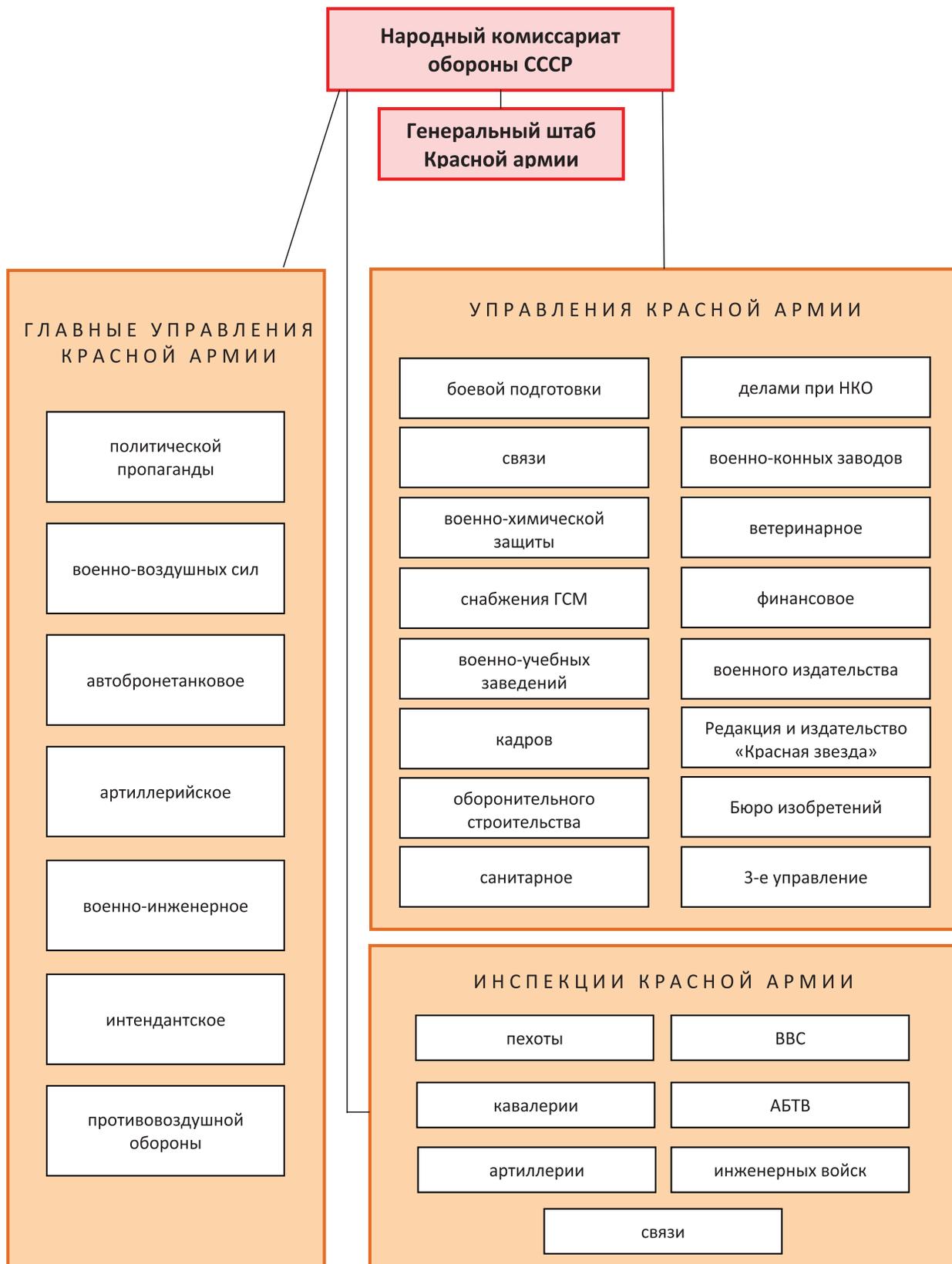
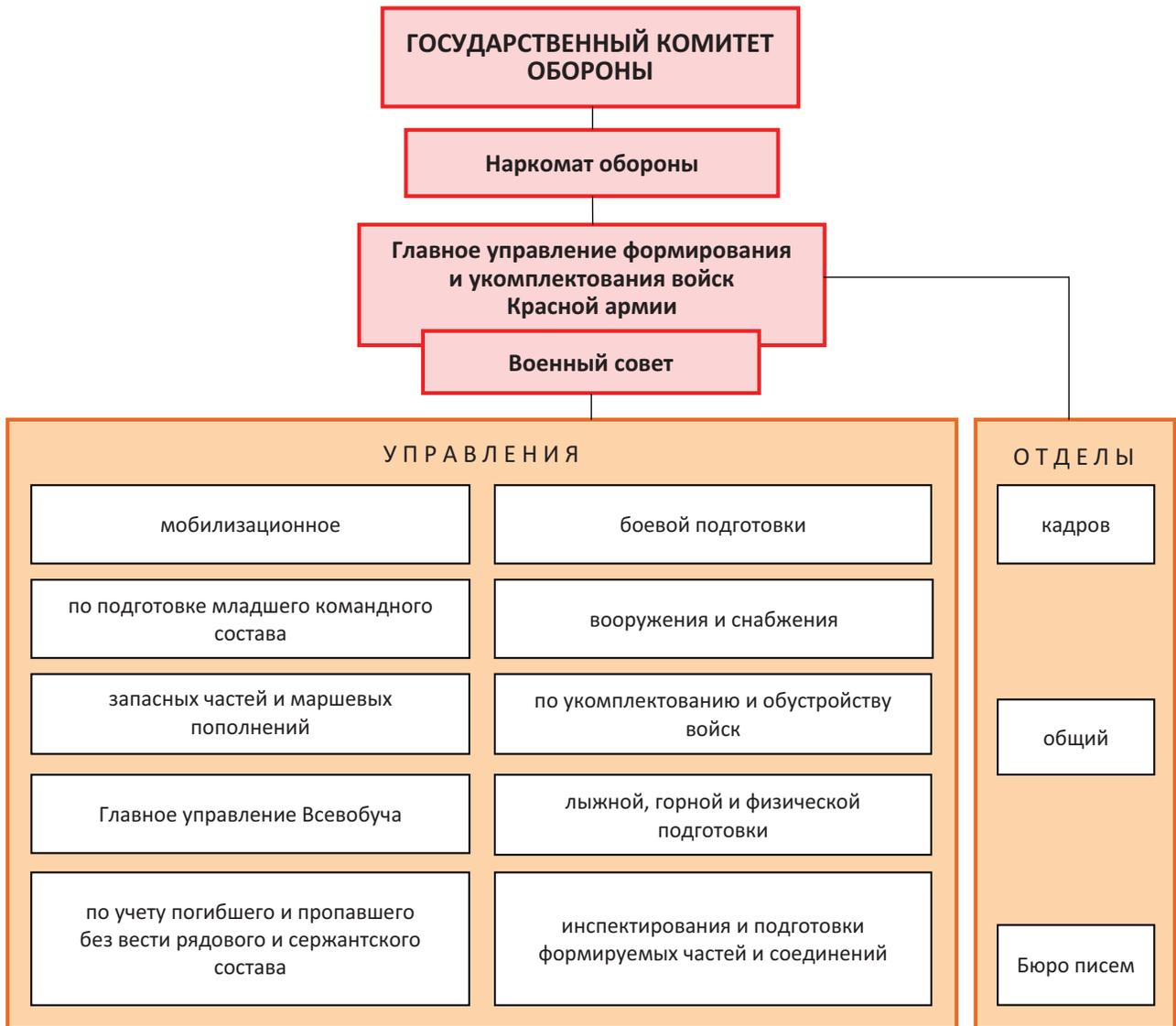

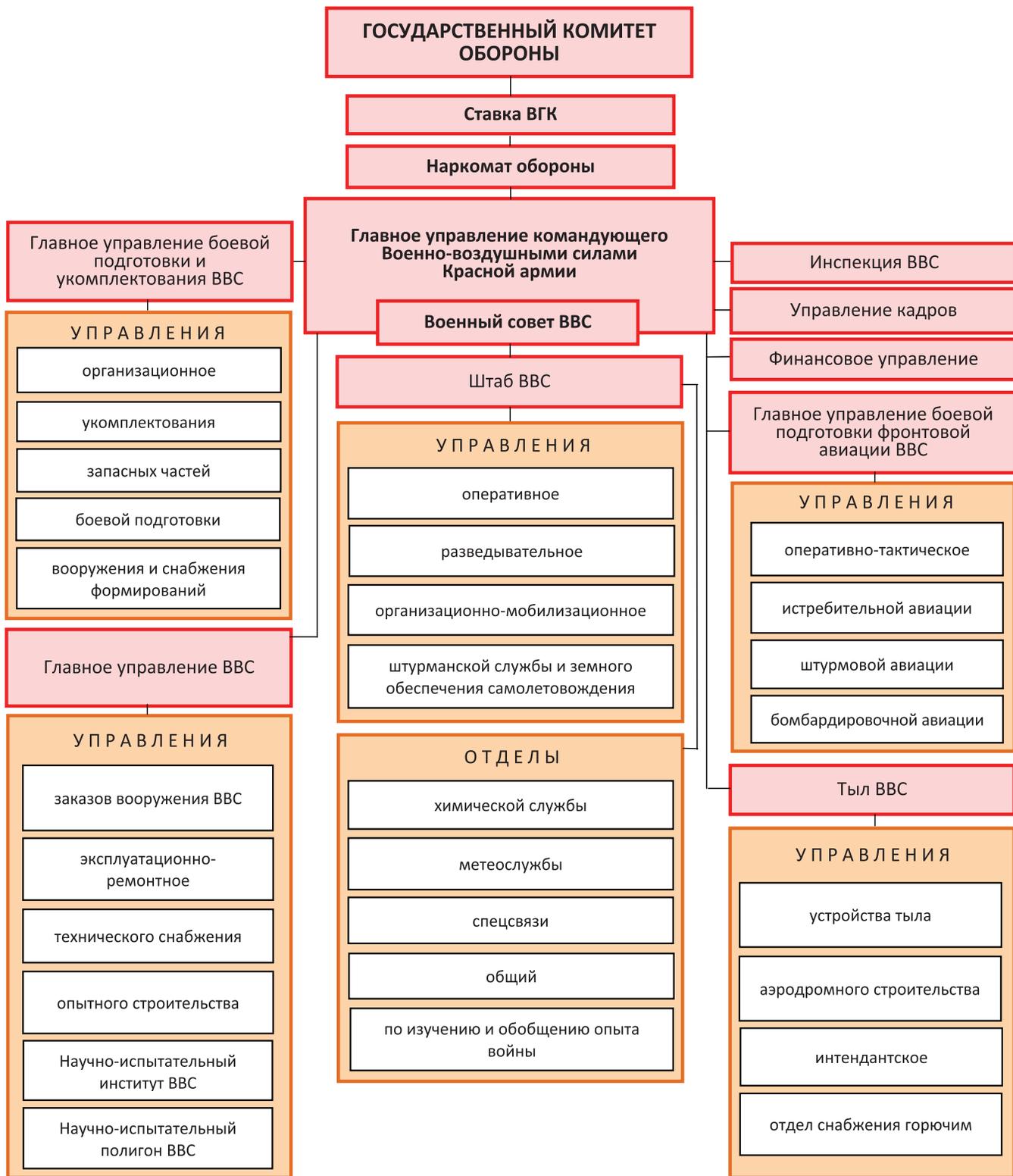
Схема управления силами военной разведки (апрель 1943 – май 1945 г.)

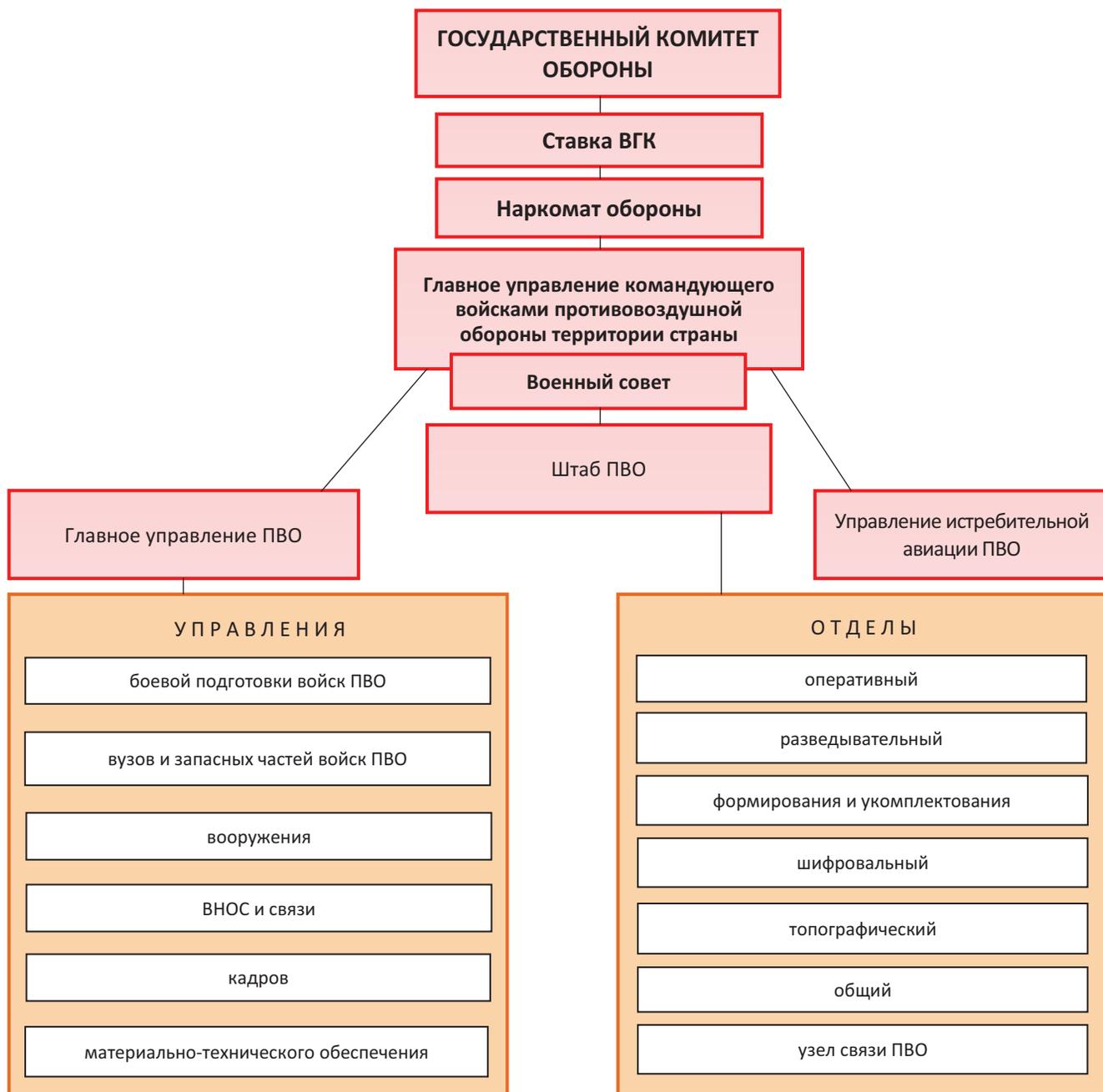
Организационная структура Наркомата обороны СССР на 22 июня 1941 г.

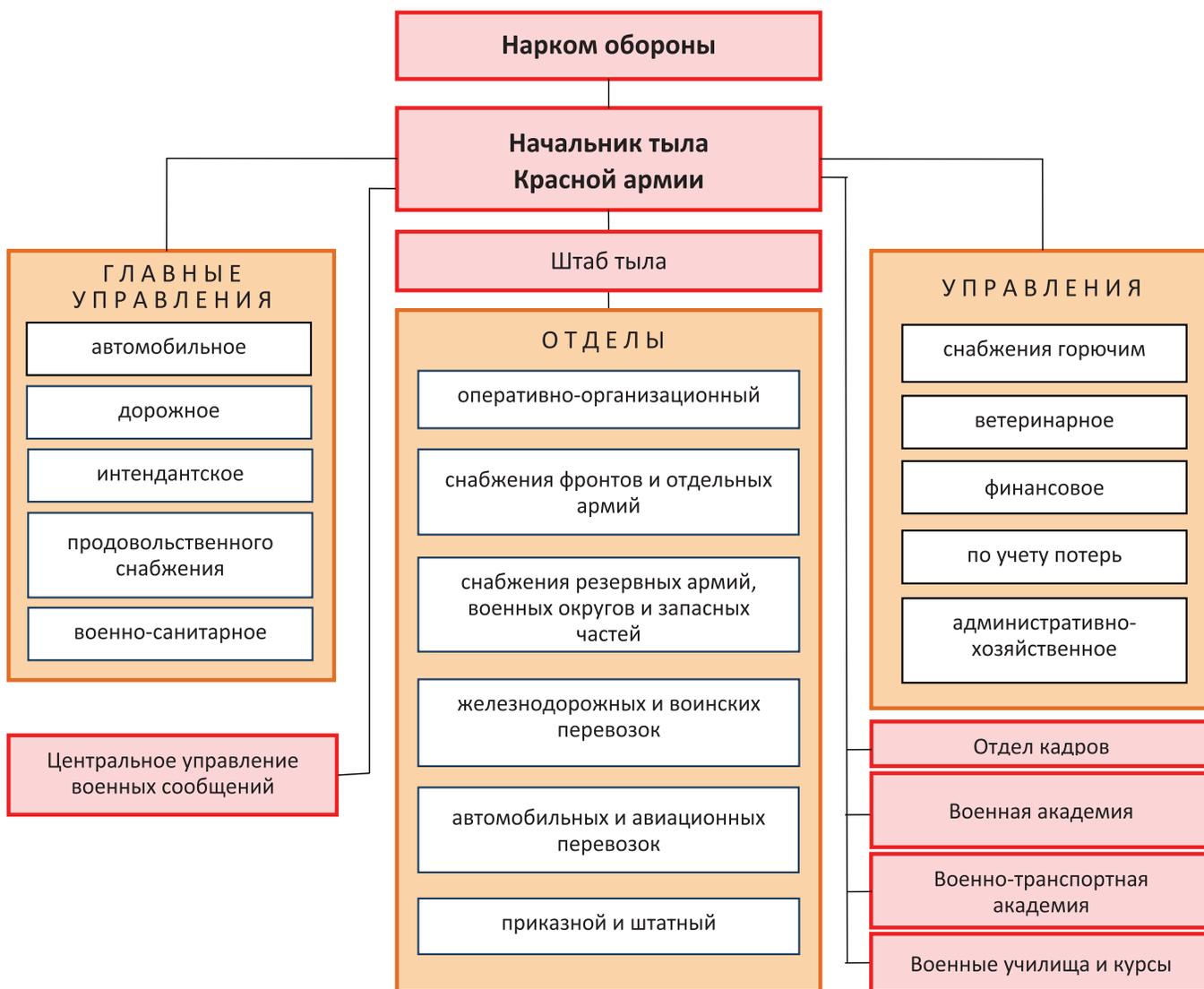
Организационная структура Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии (1943)

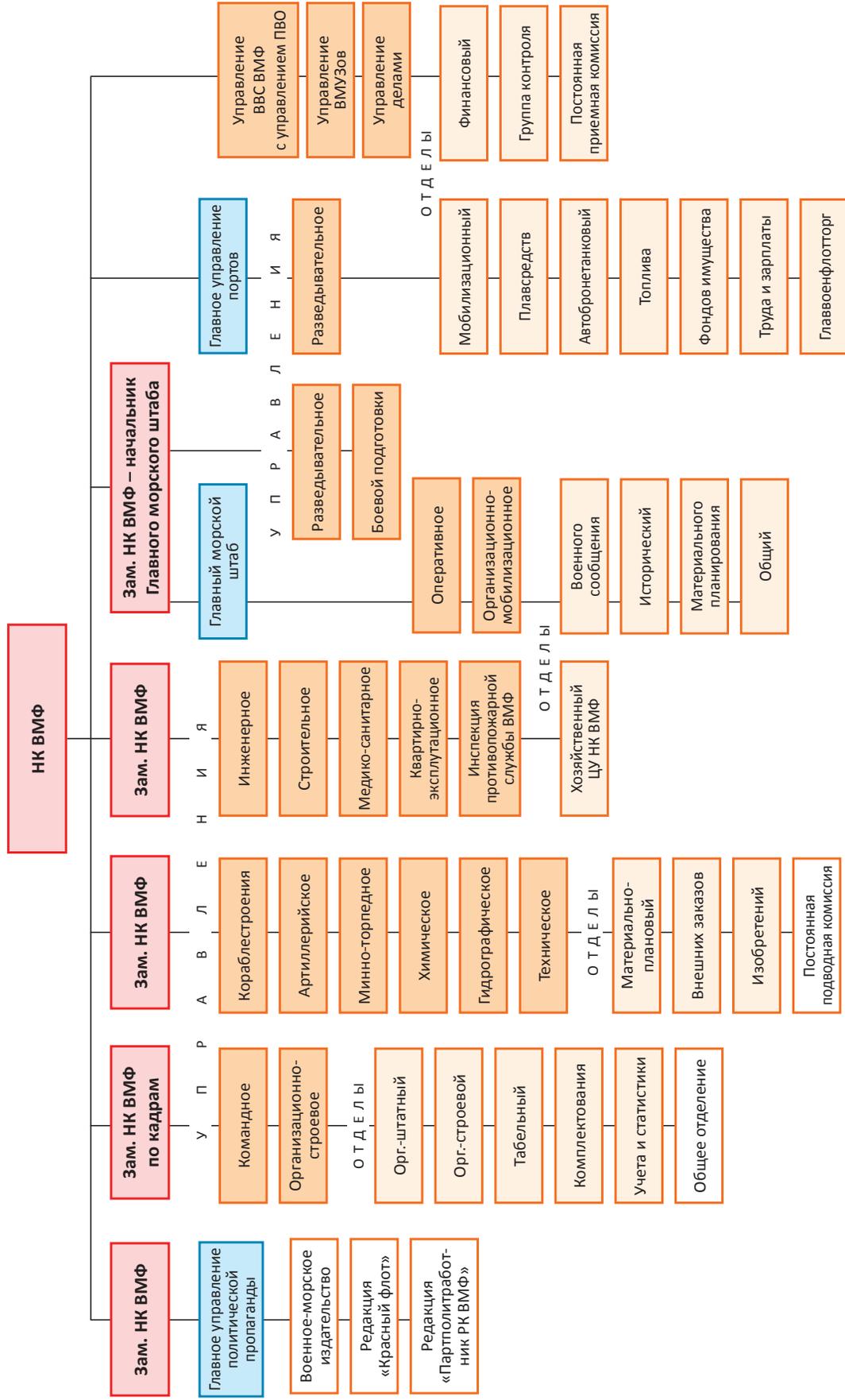
Организационная структура Главного управления командующего Военно-воздушными силами Красной армии (1943)

Организационная структура Главного управления командующего войсками противоз-
воздушной обороны территории страны (1942)

Организационная структура начальника тыла Красной армии (1943)

Организационная структура Наркомата ВМФ

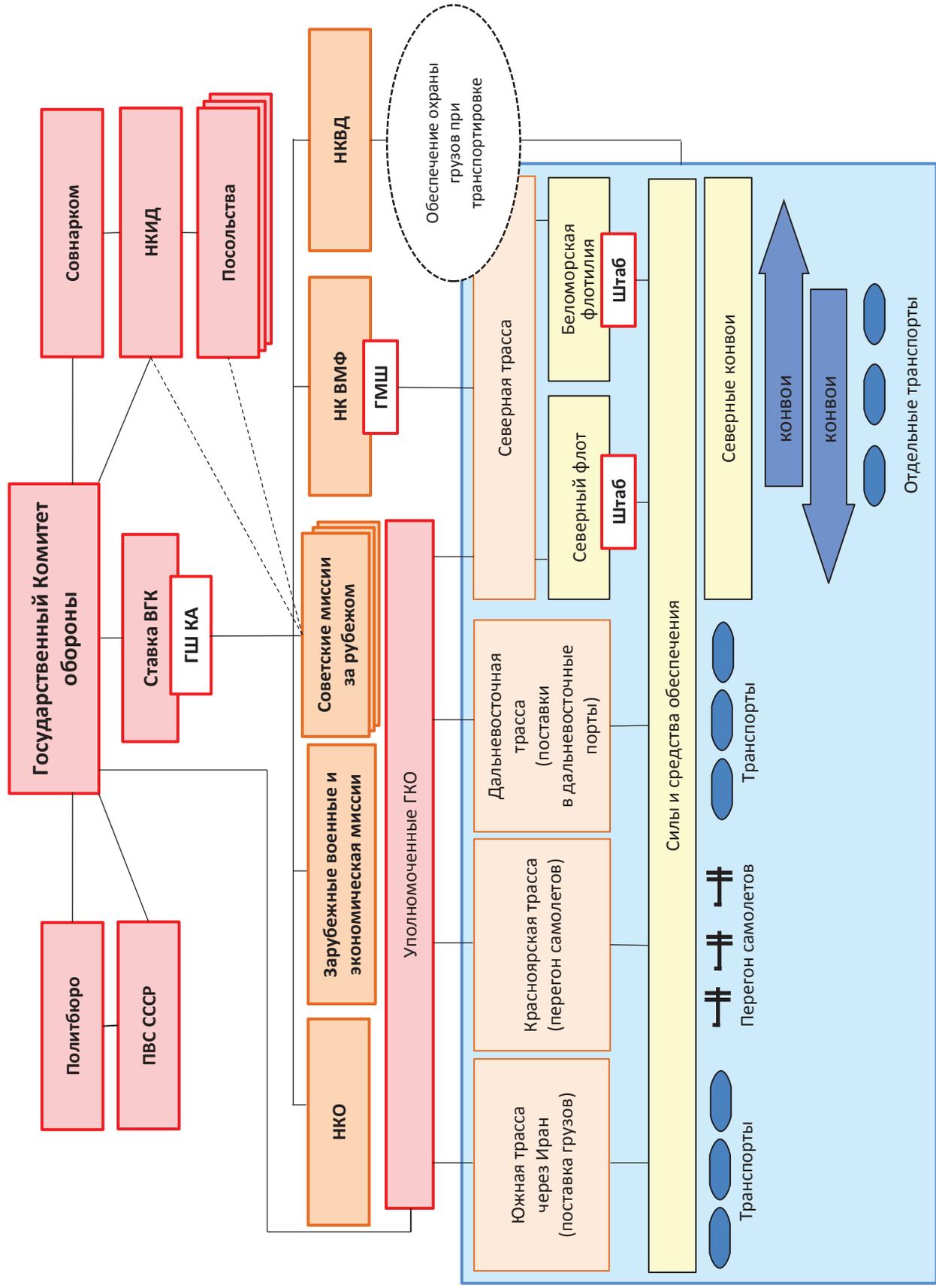
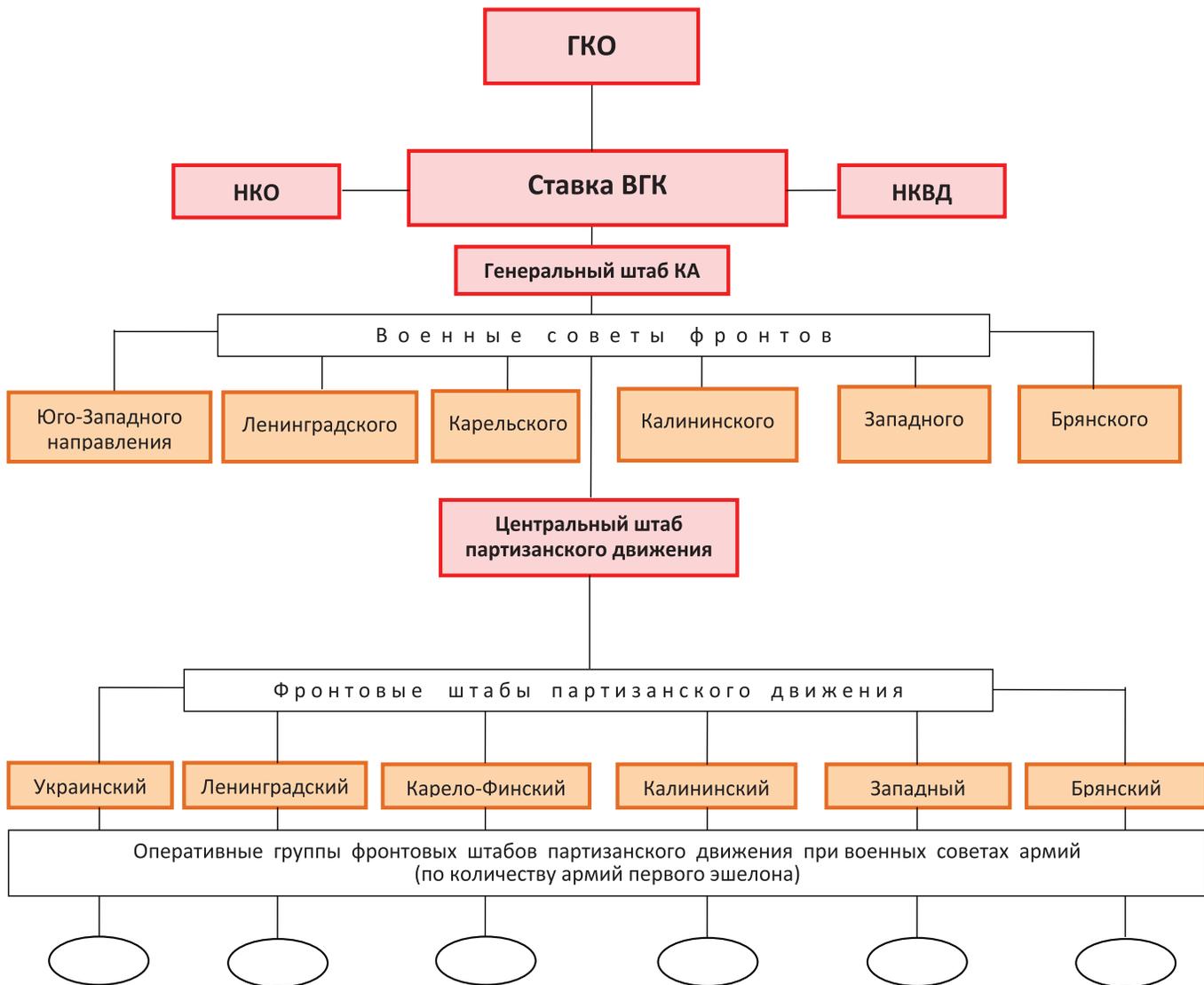
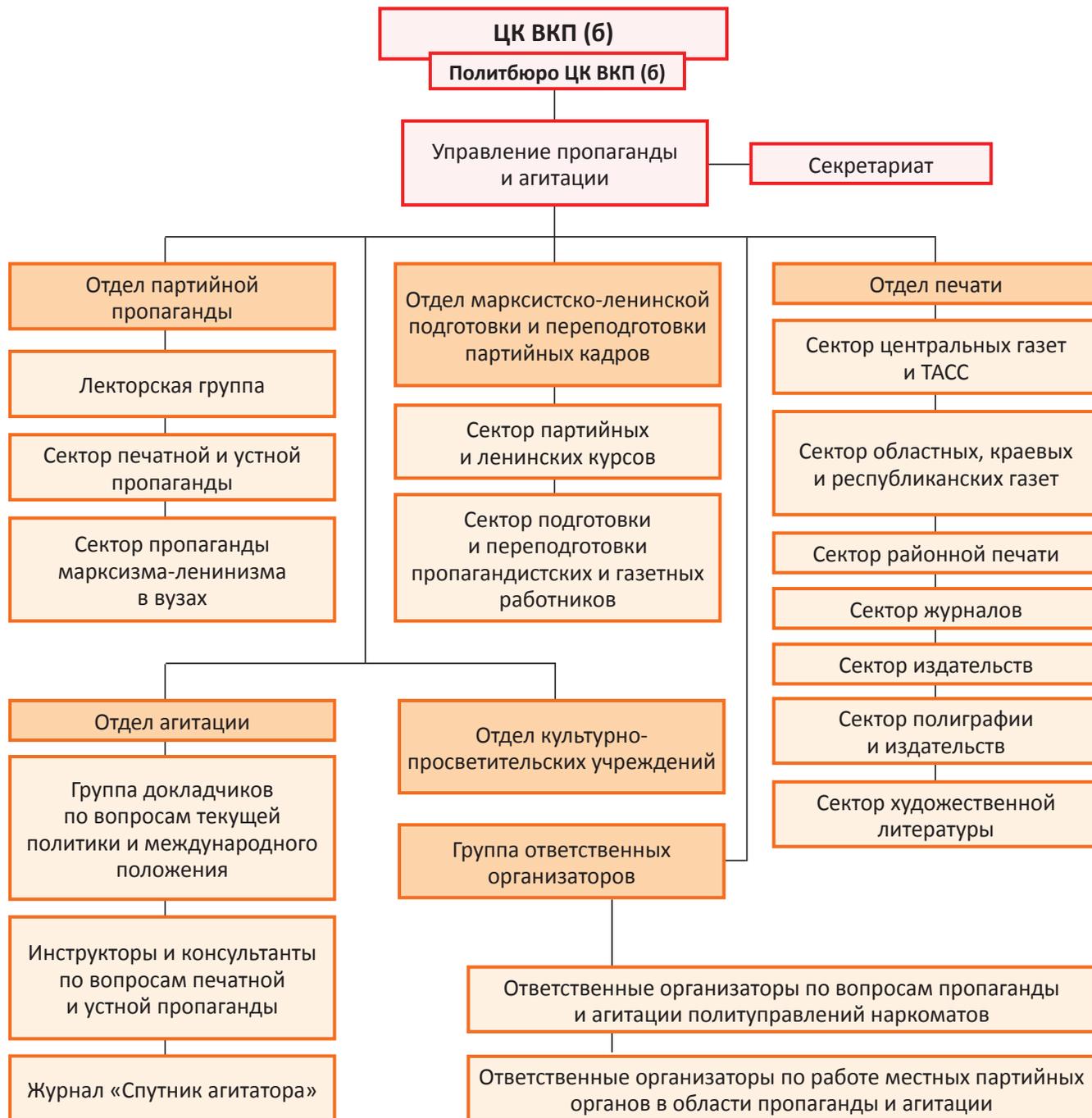

Схема руководства и управления экономическим и военно-техническим сотрудничеством с союзниками в годы Второй мировой войны

Организация руководства партизанским движением по решению Государственного Комитета Обороны от 30 мая 1942 г.

Организационная структура Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)

М. А. Пуркаев, К. А. Мерецков и С. К. Тимошенко за изучением документов

Командующий Резервным фронтом Г. К. Жуков на командном пункте под Ельней

С. М. Будённый

войскам направления определялось «окружение и пленение ржевско-сычевской группы противника»⁶⁵. Должность начальника штаба направления со 2 февраля занял генерал-лейтенант В. Д. Соколовский⁶⁶. Заместителем главкома был назначен генерал-лейтенант Ф. И. Голиков⁶⁷, а затем генерал армии К. А. Мерецков⁶⁸.

По ходу операции главное командование войск Западного направления не сразу осознало трагичность обстановки, складывавшейся под Вязьмой, поэтому предпринимаемые им меры не отличались адекватностью. Только 5 февраля Г. К. Жукову стало ясно, что для деблокирования окруженных войск требуются дополнительные силы и средства. Неоднократно главное командование войск направления обращало внимание Ставки ВГК на целесообразность перехода войск Калининского и Западного фронтов к обороне на достигнутых рубежах, но только 20 апреля было принято такое решение⁶⁹.

Ржевско-Вяземская операция оказалась незавершенной, а трагедия, постигшая значительную часть советских войск, явилась следствием в том числе просчетов, допущенных главным командованием войск Западного направления. Г. К. Жуков и его штаб недооценили возможного сопротивления врага и его способности быстро маневрировать резервами по внутренним линиям на ржевско-вяземском плацдарме. После войны Г. К. Жуков писал: «Критически оценивая сейчас эти события 1942 года, считаю, что нами в то время была до-

пушена ошибка в оценке обстановки в районе Вязьмы. Мы переоценили возможности своих войск и недооценили противника. «Орешек» там оказался более крепким, чем мы предполагали... В феврале и марте Ставка требовала усилить наступательные действия на Западном направлении, но у фронтов к этому времени истощились силы и средства»⁷⁰.

3 мая 1942 г. Ставка ВГК постановила: «Западное направление считать ликвидированным, а Калининский фронт... с 12 часов 5 мая подчинить непосредственно Ставке Верховного главнокомандования»⁷¹. Г. К. Жуков продолжал командовать войсками фронта, а В. Д. Соколовский был назначен начальником штаба этого фронта.

Созданное в июле 1941 г. главное командование войск Юго-Западного направления возглавлял Маршал Советского Союза С. М. Будённый. К моменту своего назначения он являлся заместителем командующего войсками Западного фронта и находился на командном пункте 21-й армии в Гомеле⁷². С. М. Будённый сразу же выехал в штаб Юго-Западного фронта. Ознакомившись с обстановкой, главком потребовал от Военного совета фронта усилить оборону Киева и активизировать оборонительные действия войск, обратив особое внимание на необходимость надежного прикрытия разрыва, образовавшегося между 5-й и 26-й армиями⁷³.

После этого главнокомандующий вместе с начальником штаба направления генерал-майором А. П. Покровским убыл в Полтаву, в нескольких километрах от которой по указанию Ставки ВК развертывались штаб и другие органы управления войск Юго-Западного направления. На их комплектование сюда направлялись генералы и офицеры, выделенные из центральных органов военного управления⁷⁴. С. М. Будённый 15 июля вынужден был вновь выехать на Юго-Западный фронт, где существенно ухудшилось положение в полосе боевых действий 6-й и 12-й армий. Главком распорядился срочно перебросить на помощь этим армиям две дивизии с Южного фронта⁷⁵. Докладывая об этом 18 июля 1941 г. в Ставку, он отмечал, что дальнейшее сопротивление 6-й и 12-й армий на занимаемых рубежах может повлечь их окружение и уничтожение по частям. Он просил разрешить произвести отвод этих армий, а также правофланговые соединения Южного фронта. Разрешение было получено, и отход осуществлен⁷⁶.

Вскоре, однако, положение опять обострилось, и главное командование войск Юго-Западного направления было вынуждено вновь просить Ставку разрешить отход на рубеж Звенигородка — Рошково. И на этот раз был получен положительный ответ⁷⁷. Более того, 23 июля Ставка Верховного командования уведомила С. М. Будённого о выделении в его распоряжение 19 стрелковых и пяти кавалерийских дивизий, формируемых в Харьковском и Одесском военных округах⁷⁸. Однако после прибытия на фронт оказалось, что дивизии слабо оснащены артиллерией и стрелковым оружием, средствами связи, инженерным и интендантским имуществом. «Главком и его штаб, — вспоминал А. П. Покровский, — приняли меры, чтобы обеспечить их недостающим из местных средств. Маршал С. М. Будённый обратился по этому вопросу в областные партийные и советские органы... Благодаря деятельности Военного совета Юго-Западного направления, а также местных партийных и советских органов удалось ускорить формирование резервных соединений и в начале августа приступить к созданию двух армий»⁷⁹.

Под руководством главного командования войск Юго-Западного направления формировались дивизии народного ополчения. Большую работу Военный совет (с 5 августа член Военного совета Н. С. Хрущёв) проводил на оставляемой территории по созданию подпольных обкомов, горкомов и райкомов партии, а также партизанских формирований⁸⁰.

Когда обнаружили поворот немецких войск от Гомеля на юг и угроза для Юго-Западного фронта, С. М. Будённый обратился в Ставку ВГК за разрешением отвести войска правого крыла Юго-Западного фронта на восточный берег Днепра. Ставка согласилась с этим предложением, но потребовала во что бы то ни стало удержать Киев и одновременно прикрыть направления на Чернигов, Конотоп, Харьков⁸¹. Главное командование войск Юго-Западного направления в течение двух месяцев в целом успешно руководило оборонительными действиями войск в исключительно сложной обстановке. И все же главком пришел к выводу, что

И. Х. Баграмян

П. И. Бодин

дальнейшее удержание района Киева на правом берегу Днепра чревато катастрофой для Юго-Западного фронта. 7 сентября Военный совет Юго-Западного фронта обратился в Ставку ВГК с просьбой об отводе 5-й и соединений правого фланга 37-й армий на рубеж р. Десны. Главком войск направления это предложение поддержал. Верховный главнокомандующий 9 сентября санкционировал отвод 5-й и части сил 37-й армий, но с условием обязательного удержания киевского плацдарма⁸².

Утром 10 сентября начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников в ходе переговоров по прямому проводу передал С. М. Будённому распоряжение Ставки ВГК о срочной переброске 2-го кавалерийского корпуса в состав Брянского фронта для закрытия прорыва в районе Конотоп — Новгород-Северский. Главком приказание принял к исполнению, но при этом ответил, что корпус нужен на днепропетровском направлении, где на 60-километровом участке находилась лишь одна стрелковая дивизия, и попросил доложить об этом Верховному главнокомандующему⁸³. Данный факт, как представляется, стал одной из причин принятия И. В. Сталиным кадрового решения. Директивой Ставки ВГК от 11 сентября С. М. Будённый был освобожден от должности главнокомандующего войсками Юго-Западного направления⁸⁴ и назначен командующим Резервным фронтом⁸⁵.

Маршал С. К. Тимошенко этой же директивой был назначен главкомом Юго-Западного направления и прибыл в его штаб вечером 12 сентября⁸⁶. Его вступление в должность совпало с резким осложнением стратегической обстановки на южном крыле советско-германского фронта. Наиболее драматично она развивалась в районе Киева. Только 17 сентября Ставка Верховного главнокомандования отдала директиву на оставление Киевского укрепленного района и отход 37-й армии на восточный берег Днепра⁸⁷. Однако данное решение существенно запоздало: войска Юго-Западного фронта уже были рассеяны на несколько изолированных группировок, а управление войсками фронта и армий потеряно. 20 сентября погибла основная часть управления фронта, в том числе его командующий генерал-полковник М. П. Кирпонос.

26 сентября Ставка ВГК «в целях сосредоточения всего внимания и усилий маршала тов. Тимошенко на деле Юго-Западного фронта»⁸⁸ решила назначить его командующим Юго-

Западным фронтом. Одновременно Южный фронт был подчинен непосредственно Ставке Верховного главнокомандования⁸⁹. И только 15 октября в подчинение главкома Юго-Западного направления был возвращен Южный фронт. В ответ на это маршал С. К. Тимошенко отдал начальнику штаба Юго-Западного фронта и его заместителям генералам П. И. Бодину и И. Х. Баграмяну указание: «Теперь ваш штаб одновременно будет выполнять и роль штаба всего Юго-Западного направления. Вам придется не только помнить о соседе — Южном фронте, но и наладить управление его войсками»⁹⁰.

В конце октября 1941 г. в действиях противника на южном крыле советско-германского фронта наметилось снижение темпов наступления, а отход войск Красной армии становился все более организованным. В этих условиях у командования и штаба Юго-Западного направления появилась идея о переходе к активным боевым действиям. В качестве основного объекта для предполагаемого удара была определена немецкая 1-я танковая армия генерал-полковника Э. фон Клейста.

К 12 ноября план Ростовской наступательной операции был разработан командованием направления и одобрен Верховным главнокомандующим⁹¹. Контрнаступление советских войск под Ростовом-на-Дону началось 17 ноября 1941 г. Главнокомандующий войсками направления и его штаб прилагали максимум творческой и организаторской энергии, чтобы мобилизовать все возможные силы и довести операцию до победного финала. Ростов-на-Дону был освобожден 29 ноября. В тот же день И. В. Сталин направил маршалу С. К. Тимошенко и командующему войсками Южного фронта генерал-полковнику Я. Т. Черевиченко телеграмму: «Поздравляю вас с победой над врагом и освобождением Ростова от немецко-фашистских захватчиков. Приветствую доблестные войска 9-й и 56-й армий во главе с генералами Харитоновым и Ремезовым, водрузившие над Ростовом... советское знамя»⁹². Это было первое с начала войны поздравительное приветствие Верховного главнокомандующего войскам Красной армии.

Во второй половине декабря 1941 г. в командование войсками Юго-Западного фронта вступил генерал-лейтенант Ф. Я. Костенко, а маршал С. К. Тимошенко сосредоточился на руководстве войсками Юго-Западного направления. В это же время из состава штаба Юго-Западного фронта была выделена группа офицеров для формирования самостоятельного штаба главного командования направления. С 28 декабря его возглавил генерал-лейтенант И. Х. Баграмян⁹³. В первой половине 1942 г. главное командование войск Юго-Западного направления осуществляло руководство Брянским (до 1 апреля)⁹⁴, Юго-Западным и Южным фронтами. Эти войска участвовали в разгроме мценско-болховской, донбасско-таганрогской и чугуево-изюмской группировок противника, а также в Харьковском сражении⁹⁵. С 8 апреля Ставка ВГК вновь возложила на С. К. Тимошенко по совместительству обязанности командующего войсками этого фронта.

Особое место в деятельности главного командования войск Юго-Западного направления занимает Харьковская наступательная операция 1942 г. Как писал С. М. Штеменко, при обсуждении в Ставке ВГК соображений относительно действий Красной армии летом 1942 г. с инициативой о наступлении на харьковском направлении выступил маршал С. К. Тимошенко. В конечном варианте основные идеи Харьковской операции штаб направления изложил в «Плане действий войск Юго-Западного направления на апрель — май 1942 года»⁹⁶.

Произошедшее с 12 по 29 мая 1942 г. Харьковское сражение резко изменило обстановку на всем южном крыле советско-германского фронта. Немецкие войска, разгромив войска Юго-Западного направления, захватили стратегическую инициативу и перешли в наступление на сталинградском направлении и на Северный Кавказ. Неудачный исход Харьковского сражения был обусловлен ошибочной оценкой обстановки и необоснованной постановкой задач Ставкой ВГК советским войскам на весну и лето 1942 г. В свою очередь, главное командование войск этого направления не сумело организовать четкого взаимодействия фронтов, что привело к изоляции войск Юго-Западного фронта, не поддержанных в ходе сражения активными действиями Южного фронта.

Командование Юго-Западного фронта (слева направо): начальник штаба П. И. Бодин, командующий войсками Ф. Я. Костенко, член Военного совета К. А. Гуров

Главное командование войск Юго-Западного направления было упразднено директивой Ставки ВГК от 21 июня 1942 г.⁹⁷ Значительную долю вины за поражение в Харьковском сражении Верховный главнокомандующий возложил на начальника штаба направления генерал-лейтенанта И. Х. Баграмяна, который был снят с поста «не только как начальник штаба, призванный укреплять связь и руководство армиями... но и как простой информатор, обязанный честно и правдиво сообщать в Ставку о положении на фронте». Вместе с тем в директиве Ставки ВГК от 26 июня 1942 г. отмечалось: «Понятно, что дело здесь не только в тов. Баграмяне. Речь идет также об ошибках всех членов Военного совета и прежде всего тов. Тимошенко и тов. Хрущёва... Поэтому вы должны учесть допущенные вами ошибки и принять все меры к тому, чтобы впредь они не имели места»⁹⁸.

Весной 1942 г., когда существенно осложнилась обстановка на Дону и в Крыму, Ставка ВГК с целью объединения усилий войск, действовавших в Севастополе, на Керченском полуострове и оборонявших Кавказское побережье, 21 апреля приняла решение создать главное командование войск Северо-Кавказского направления. Оно объединило руководство войсками Крымского фронта, Севастопольского оборонительного района, Северо-Кавказского военного округа, а также Черноморским флотом. Главкомандующим войсками направления был назначен маршал С. М. Будённый, членом Военного совета — секретарь Краснодарского крайкома ВКП(б) П. И. Селезнёв, заместителем главкома по морской части и членом Военного совета — адмирал И. С. Исаков. При штабе главного командования была создана морская группа, в состав которой входили офицеры-операторы по родам сил флота, разведке, связи и тылу — всего около 25 человек⁹⁹.

Основными задачами войск Северо-Кавказского направления Ставка ВГК определила: продолжать операции по очищению Крыма от противника и прочно удерживать Севастопольский оборонительный район, воспретить высадки морских десантов противника на побережье

Азовского и Черного морей на участке Ростов — Ейск — Тамань — Новороссийск — Туапсе и воздушных десантов на Керченском полуострове и территории Северо-Кавказского военного округа.

Приступив к выполнению обязанностей главкома направления, С. М. Будённый директивной от 26 апреля конкретизировал поставленные Ставкой ВГК задачи и стал принимать меры по очищению Крымского полуострова от противника, прочному удержанию Севастопольского оборонительного района, а также недопущению высадки морских и воздушных десантов на Северо-Кавказское побережье Черного и Азовского морей¹⁰⁰. 28 апреля он прибыл в Керчь. Адмирал флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов о встрече с командованием Крымского фронта писал: «И вот мы в штабе фронта. Там царил неразбериха. Командующий Крымским фронтом Д. Т. Козлов уже находился «в кармане» у Мехлиса, который вмешивался буквально во все оперативные дела. Начальник штаба П. П. Вечный не знал, чьи приказы выполнять — командующего или Мехлиса. Маршал С. М. Будённый тоже ничего не смог сделать. Мехлис не желал ему подчиняться, ссылаясь на то, что получает указания прямо из Ставки»¹⁰¹.

В столь неопределенной управленческой ситуации командование войск Северо-Кавказского направления оказалось не способным выполнять возложенные на него задачи. Когда противник 8 мая, перейдя в наступление, создал угрозу прорыва обороны на левом крыле Крымского фронта, С. М. Будённый потребовал немедленно организовать фронтовой контрудар, однако из-за отсутствия связи с войсками он не состоялся. 10 мая Ставка ВГК приказала начать отход, который также не удалось организовать.

Убедившись в неспособности командования Крымского фронта и представителя Ставки ВГК управлять войсками, Верховный главнокомандующий приказал С. М. Будённому вновь отправиться в Керчь. В директиве от 11 мая ему предписывалось: «Ввиду того что Военный совет Крымфронта, в т. ч. Мехлис, Козлов потеряли голову, до сего времени не могут связаться с армиями, несмотря на то что штабы армий отстоят от Турецкого вала не более 20–25 км, ввиду того что Козлов и Мехлис, несмотря на приказ Ставки, не решаются выехать на Турецкий вал и организовать там оборону, Ставка Верховного главнокомандования приказывает главкому СКН маршалу Будённому в срочном порядке выехать в район штаба Крымского фронта (г. Керчь), навести порядок в Военном совете фронта, заставить Мехлиса и Козлова... выехать немедленно на Турецкий вал, принять отходящие войска и материальную часть, привести их в порядок и организовать устойчивую оборону по линии Турецкого вала, разбив оборонительную линию на участки во главе с ответственными командирами»¹⁰².

С. М. Будённый прибыл в Керчь только 13 мая, стабилизировать обстановку ему не удалось. После того как противник прорвал укрепления Турецкого вала, а фактически неуправляемые войска Крымского фронта продолжали неорганизованный отход на восток, Ставка ВГК отдала приказ об эвакуации войск Крымского фронта на Таманский полуостров. Это стало следствием неудовлетворительной деятельности главного командования войск Северо-Кавказского направления и командования Крымского фронта. Негативно на катастрофическом исходе Керченской операции отразилось некомпетентное вмешательство в управление войсками Л. З. Мехлиса. Директивой Ставки ВГК от 19 мая Северо-Кавказское направление было преобразовано в Северо-Кавказский фронт¹⁰³.

Таким образом, формирование и становление главных командований войск направлений в 1941 г. проходило на фоне развертывания противником ширококомандных наступательных действий. Как промежуточные (между Ставкой ВГК и фронтами) органы стратегического руководства Вооруженными силами СССР главные командования войск направлений отчасти способствовали улучшению взаимодействия фронтовых объединений при выполнении общих задач и повышению устойчивости обороны. Принципиально новые органы управления создавались в исключительно сжатые сроки, имея подчас импровизированную организационную структуру. Права и обязанности главнокомандующих войсками направлений нормативно не регламентировались, какие-либо документы о формах и методах их

деятельности отсутствовали. Поэтому по совокупности данных и ряда других причин главные командования войск направлений в операциях 1941 г. объективно не могли сыграть решающей роли в совершенствовании системы стратегического руководства. Как представляется, относительно независимой экспертной оценкой опыта их создания и деятельности в 1941 г. можно рассматривать точку зрения Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова, представленную в его воспоминаниях: «Мне думается, система управления войной через главнокомандования направлений не оправдала себя по двум причинам. Созданные в тяжелой обстановке стратегической обороны, они не были полноценными органами управления, и Ставка сносилась непосредственно с фронтами. В организационном отношении это была полумера, не обещавшая хороших результатов»¹⁰⁴.

Постепенно складывались аппараты управления главнокомандующих войсками направлений. До середины августа 1941 г. штаты полевых управлений разрабатывались самими главными командованиями и утверждались Генеральным штабом Красной армии¹⁰⁵. 16 августа 1941 г. Ставка ВГК приняла единый штат полевого управления войсками направления¹⁰⁶. В качестве основных структурных элементов оно стало включать военный совет, штаб, начальников артиллерии, автобронетанковых войск, командующего ВВС и некоторых других должностных лиц с небольшими аппаратами управления. Основным рабочим органом главнокомандующего являлся штаб, в состав которого входили отделы: оперативный, связи, топографический, тыла, военных сообщений, шифровальный, укомплектования войск и административно-хозяйственный. Одной из главных функций штаба являлась подготовка приказов и директив главнокомандующего войсками направления, а также докладов и доносений в Ставку Верховного главнокомандования¹⁰⁷.

Формы и методы деятельности главных командований войск направлений определялись задачами, поставленными Ставкой ВГК. В связи с исключительно тяжелой обстановкой, сложившейся на центральном участке советско-германского фронта, основные усилия главного командования войск Западного направления летом 1941 г. сосредоточивались на создании сплошного фронта обороны.

Созданные в июле 1941 г. главные командования войск направлений и их штабы не имели в своем составе специальных подразделений информации и достаточного количества сил и средств связи. Поэтому Ставка ВГК и Генеральный штаб продолжали запрашивать необходимые данные об обстановке непосредственно от фронтов¹⁰⁸. Со временем положение в этой области изменилось. Регулярное информирование Ставки ВГК об обстановке в полосах действий объединений, принятых решениях и предложениях по составу и подготовке привлекаемых к их выполнению сил и средств стало одной из важнейших функций главных командований войск направлений. Позитивную роль в этом сыграла директива Ставки ВГК от 13 августа 1941 г., потребовавшая «обязательно передавать в Генеральный штаб копии всех боевых приказов, директив и основных боевых приказаний и распоряжений»¹⁰⁹.

Особое место в структуре главных командований войск направлений в 1941–1942 гг. занимали командования Военно-воздушных сил. Обязанности командующего ВВС направления, как правило, возлагались по совместительству на командующего ВВС одного из фронтов, а его рабочим органом являлся штаб ВВС фронта, усиленный за счет штаба ВВС Красной армии. В этой связи важнейшими функциями командования ВВС направления являлись координация усилий разнородных сил авиации при выполнении общих задач, организация и поддержание взаимодействия между ними, контроль над использованием авиационных соединений и частей в стратегических и фронтовых операциях, оказание помощи командующим и штабам ВВС фронтов в руководстве боевыми действиями авиации. Иногда с разрешения Ставки ВГК согласно плану командований ВВС направлений применялись и резервные авиационные группы РВГК, как это было, например, в марте 1942 г. при попытке деблокировать окруженную в районе Вязьмы группировку войск Западного направления¹¹⁰.

Для усиления Военно-воздушных сил направлений по решению Ставки ВГК в 1942 г. начали формироваться маневренные авиационные группы (МАГ) в составе 4–8 авиационных

полков различных родов авиации (80—160 боевых самолетов) каждая¹¹¹. В целях наиболее эффективного применения маневренных авиационных групп штаб ВВС Красной армии разработал «Положение о маневренной авиационной группе». Документом определялось, что МАГ является оперативным резервом командования ВВС направления, а основным принципом применения — постоянная готовность к маневру на любой участок стратегического направления¹¹².

Создаваемые в 1941—1942 гг. главные командования войск направлений внесли определенный вклад в организацию отпора врагу на основных направлениях действий его ударных группировок, подготовку и проведение первых наступательных операций Красной армии. Вместе с тем одним из факторов невысокой эффективности деятельности данной формы оперативно-стратегического руководства крупными группировками Красной армии стало отсутствие у главных командований необходимых резервов и материальных средств для активного влияния на ход вооруженной борьбы. По мере стабилизации обстановки на фронтах, приобретения Ставкой ВГК опыта по руководству фронтами и обеспечения надежной связи с ними к середине 1942 г. было признано целесообразным отказаться от главных командований войск направлений.

«Не принесли желаемых результатов... главные командования направлений, созданные в начале июля 1941 года, — отмечал маршал А. М. Василевский, — наладить более конкретное оперативное руководство через них не удалось, и не удалось главным образом потому, что они не были наделены соответствующими полномочиями и у них не было кроме этого ни сильных, работоспособных штабов, ни резервов, чтобы активно воздействовать на военную обстановку. А так как события на фронтах менялись быстро, то Ставка, как правило, не имела возможности давать директивы фронтам через промежуточное звено, а вынуждена была обращаться непосредственно к исполнителям — командующим фронтами»¹¹³.

Фактически к аналогичной форме руководства войсками нескольких оперативно-стратегических объединений с учетом ранее приобретенного опыта Ставка ВГК вернулась в 1945 г. при подготовке к развертыванию масштабных по размаху военных действий против Квантунской армии Японии. Но формирование главного командования советских войск на Дальнем Востоке и организация его деятельности осуществлялась заблаговременно и более тщательно.

В целом же анализ опыта формирования и деятельности главных командований войск направлений позволяет заключить, что наличие такого рода промежуточных звеньев оперативно-стратегического руководства войсками действующей армии и силами флота способствовало более эффективному применению группировок вооруженных сил и максимальному использованию местных ресурсов для выполнения боевых задач. Главные командования войск направлений оправдали себя в экстремальных условиях обстановки первого периода Великой Отечественной войны и особенно на Дальнем Востоке, в вооруженной борьбе против Японии.

Немаловажное значение для продуктивной деятельности главных командований войск направлений имели фактор личности главнокомандующего, его способность умело организовать выполнение поставленных Ставкой ВГК задач. В 1941 г. на должности главкомов войсками направлений назначались, как считалось, наиболее известные в стране и армии военные руководители. В этом, безусловно, присутствовала неоспоримая логика. Действительно, широкие полномочия в партии и государстве, близость к И. В. Сталину предоставляли маршалам возможность эффективно выполнять функции главкомов как в отношении подчиненных войск, так и местных партийных и государственных органов власти. Однако для этого необходимо было хорошо представлять себе природу и специфику войны, к чему, как оказалось, С. М. Будённый и К. Е. Ворошилов оказались не вполне готовыми. Более способными руководителями главных командований войск направлений проявили себя Маршалы Советского Союза А. М. Василевский, Г. К. Жуков и С. К. Тимошенко.

Институт представителей Ставки ВГК

Основы представительства высших органов руководства СССР и его вооруженных сил в действующей армии стали закладываться в самом начале Великой Отечественной войны. Уже в первые дни после нападения Германии по решению Политбюро ЦК ВКП(б) и наркома обороны ряд ответственных должностных лиц был направлен на фронты. Им поручалось на месте выяснить обстановку, принять неотложные меры по ее стабилизации, оказать помощь командованию фронтов в организации отпора агрессии противника и восстановлении нарушенного управления войсками.

22 июня по приказу наркома обороны Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко его заместитель генерал армии К. А. Мерецков вместе с генерал-майором П. П. Вечным прибыли в Ленинград. Там они, вследствие отсутствия на месте по объективным обстоятельствам командующего войсками округа, взяли на себя руководство приведением войск Ленинградского военного округа в боевую готовность¹¹⁴.

В этот же день на Западный фронт были командированы заместители наркома обороны СССР Маршалы Советского Союза Б. М. Шапошников и Г. И. Кулик, а от Генерального штаба — генералы В. Д. Соколовский и Г. К. Маландин. Б. М. Шапошников, находясь в штабе фронта, кропотливо занимался изучением характера действий противника и поиском путей противостояния наступлению немецкой группы армий «Центр». 24 июня в Ставку Главного командования он направил донесение, в котором содержались выводы о том, что германским командованием основные усилия сосредоточиваются не на юге, как предполагалось перед войной, а в центре советско-германского фронта¹¹⁵.

В свою очередь, Маршал Советского Союза Г. И. Кулик выехал в Белосток, где неудачно попытался руководить подготовкой и нанесением контрудара силами 6-го, 11-го механизированных корпусов и 36-й кавалерийской дивизии, объединенными в группу под общим командованием заместителя командующего войсками фронта генерала И. В. Болдина. При этом стиль и методы деятельности Г. И. Кулика не отличались разумностью. В результате наиболее укомплектованный, но должным образом не обеспеченный боеприпасами, горючим и средствами противовоздушной обороны 6-й мехкорпус, не выполнив поставленной задачи, понес неоправданные потери¹¹⁶.

О своей первой встрече с представителем Главного командования Г. И. Куликом генерал-полковник И. В. Болдин после войны писал: «На нем запыленный комбинезон, пилотка. Вид утомленный. Докладываю о положении войск и мерах, принятых для отражения ударов противника. Кулик слушает, потом разводит руками, произносит неопределенное: «Да-а». По всему видно, вылетая из Москвы, он не предполагал встретить здесь столь серьезную обстановку. В полдень маршал покинул наш КП. Прощаясь, он сказал, чтобы я попытался что-нибудь сделать. Я посмотрел вслед удалявшейся машине Кулика, так и не поняв, зачем он приезжал»¹¹⁷.

27 июня в Могилёв, в район которого к этому времени переместился штаб Западного фронта, прибыл Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов. Он имел задачу установить причины нарушения управления войсками, а также принять меры по организации устойчивой обороны на центральном участке советско-германского фронта. На следующий день К. Е. Ворошилов и Б. М. Шапошников информировали И. В. Сталина об угрозе окружения войск Западного фронта и принимаемых мерах¹¹⁸. Эти сведения легли в основу решений Ставки Главного командования об отводе войск фронта на восток за сооружения Минского и Слуцкого укрепленных районов, усилении центрального направления стратегическими резервами и немедленной подготовке обороны на тыловом оборонительном рубеже. Кроме того, Б. М. Шапошников и К. Е. Ворошилов, по свидетельству П. К. Пономаренко, много внимания уделяли налаживанию управления войсками, организации разведки противника и обеспечению снабжения войск, особенно боеприпасами. Занимались они также вопросами строительства оборонительных сооружений и развертыванием народной борьбы в тылу врага¹¹⁹.

Г. И. Кулик

К. А. Мерецков

Командующий Западным фронтом Г. К. Жуков и член Военного совета Н. А. Булганин

В начале июля 1941 г. на Западный фронт прибыл начальник Главного управления политической пропаганды Красной армии армейский комиссар 1 ранга Л. З. Мехлис. Его специфическая миссия состояла в том, чтобы выявить «виновников» поражения войск фронта в первые дни войны. Всего три дня потребовалось Л. З. Мехлису для выполнения поручения. В телеграмме на имя И. В. Сталина от 6 июля он предложил привлечь к ответственности 17 различных должностных лиц штаба, объединений и соединений Западного фронта¹²⁰.

Функции представителя Главного командования на Юго-Западном фронте в начале войны выполнял начальник Генерального штаба Красной армии генерал армии Г. К. Жуков. Его деятельность базировалась на глубоком анализе сложившейся обстановки и сопровождалась отдачей жестких приказаний фронтовому и армейскому командованию. Он настойчиво требовал: «прочно закрыть с севера подходы на Ковель», «не бросайтесь со стрелковыми дивизиями в контратаки», «организовывать бой в тесном взаимодействии авиации, стрелковых частей и танков», «предварительно противника расстреливать, а затем добивать», «не бойтесь действовать активнее»¹²¹.

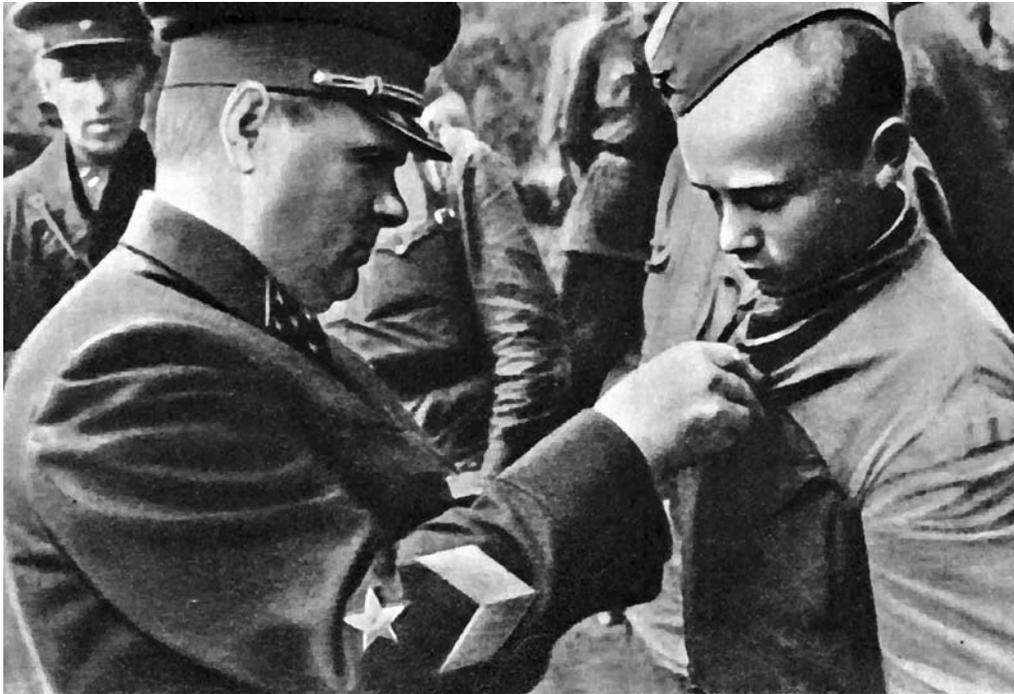
Направление своих представителей в войска действующей армии Ставка ВГК практиковала и в последующие месяцы войны. Однако до конца 1941 г. и в первой половине 1942 г. ее представительство носило не системный, а эпизодический характер. Пребывание на фронтах представителей Верховного главнокомандования в то время чаще всего было непродолжительным, документов, определявших их права и обязанности, разработано еще не было. Поэтому цель деятельности таких должностных лиц обычно ограничивалась либо информационно-аналитическими потребностями, либо увязывалась с острой необходимостью решить какие-либо конкретные организационные или оперативные вопросы.

Так, например, действовал генерал армии К. А. Мерецков, представляя в сентябре 1941 г. вместе с Н. А. Булганиным и Л. З. Мехлисом Ставку ВГК на Северо-Западном фронте. Он занимался укреплением рубежей, прикрывавших пути, связывавшие Москву с Ленинградом, участвовал в создании резервов, предпринимал меры по восстановлению нарушенного управления войсками фронта и активизации оборонительных действий советских войск. Полученная общая стратегическая установка, вспоминая К. А. Мерецков, «предполагала проведение ряда тактических мероприятий, которые мы и наметили вместе с командованием фронта. При этом мы учитывали, что Ставка Верховного главнокомандования не могла дать нам крупных подкреплений, так как шло ожесточенное сражение западнее Москвы. Учитывали также условия местности в нашей зоне»¹²².

Преимущественно организационными вопросами на Резервном, Западном и Брянском фронтах в октябре 1941 г. занимались в качестве представителей Ставки ВГК Г. К. Жуков, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, а также А. М. Василевский и некоторые другие сотрудники Генерального штаба. Вызвано это было окружением противником части войск этих фронтов в районах Вязьмы и Брянска. Результатом работы столь авторитетной группы стало ее предложение об объединении войск Резервного и Западного фронтов в один — Западный фронт¹²³ с назначением его командующим генерала армии Г. К. Жукова¹²⁴.

Опыт первых месяцев войны показал, что представлять Ставку ВГК в войсках действующей армии было чрезвычайно ответственной обязанностью. Однако не все направляемые ею высокопоставленные должностные лица смогли достойно выполнить возложенные на них функции. Это было связано с тем, что подбор кандидатов для выполнения функций представителей Ставки ВГК в войсках действующей армии в 1941 г. осуществлялся, исходя из занимаемого служебного положения и общественного авторитета того или иного должностного лица в предвоенные годы, а уровень их оперативно-стратегического профессионализма учитывался недостаточно.

Важным этапом в становлении представительства Ставки ВГК в действующей армии стала первая половина 1942 г., когда по ее поручению в войсках Кавказского (с 28 января 1942 г. — Крымского) фронта находился армейский комиссар 1 ранга Л. З. Мехлис. Его деятельность в это время свелась главным образом к обвинениям в адрес фронтового командования в неспособности управлять войсками и попытках непосредственно руководить

Командующий Волховским фронтом К. А. Мерецков прикрепляет орден Красной Звезды снайперу В. Н. Пяхову

ими. Громя «оборонительную психологию некоторых генералов», он оказывал негативное влияние и на ход боевых действий¹²⁵.

Безграмотность в военном деле и произвол представителя Ставки ВГК не остались незамеченными Верховным главнокомандующим. 8 мая на имя Л. З. Мехлиса по поручению И. В. Сталина была отправлена телеграмма, в которой указывалось: «Вы держитесь странной позиции постороннего наблюдателя, не отвечающего за дела Крымфронта. Эта позиция очень удобна, но она насквозь гнилая. На Крымском фронте Вы — не посторонний наблюдатель, а ответственный представитель Ставки, отвечающий за все успехи и неудачи фронта и обязанный исправлять на месте ошибки командования... Если «вся обстановка показывала, что с утра противник будет наступать», а Вы не приняли всех мер к организации отпора, ограничившись пассивной критикой, то тем хуже для Вас. Значит, Вы еще не поняли, что Вы посланы на Крымфронт не в качестве Госконтроля¹²⁶, а как ответственный представитель Ставки»¹²⁷.

19 мая 1942 г. Ставка ВГК отозвала Л. З. Мехлиса в Москву¹²⁸, а 4 июня издала директиву, в которой подробно анализировались причины поражения Крымского фронта в Керченской операции. В ней, в частности, отмечались непонимание природы современной войны, бюрократические методы руководства войсками и личная недисциплинированность со стороны представителя Ставки ВГК. В документе констатировалось, что командующий войсками фронта генерал-лейтенант Д. Т. Козлов и армейский комиссар 1 ранга Л. З. Мехлис считали своей главной функцией отдачу приказа, на чем их организаторская и оперативная деятельность фактически заканчивалась. «В критические дни операции, — подчеркивалось в директиве, — командование Крымского фронта и т. Мехлис вместо личного общения с командующими армиями и вместо личного воздействия на ход операции проводили время на многочасовых бесплодных заседаниях Военного совета»¹²⁹.

Данные телеграмма и директива Ставки ВГК внесли существенный вклад в становление института представителей Ставки ВГК в последующие годы Великой Отечественной войны. Эти документы, как справедливо отмечали Г. К. Жуков и С. М. Штеменко, впервые достаточно четко фиксировали обязанности представителей Ставки ВГК и меры их ответственности¹³⁰.

В некотором роде дополнением к «инструкции» представителям Ставки ВГК на будущее можно рассматривать постановление ЦК ВКП(б) от 1 апреля 1942 г., в котором содержалась оценка деятельности Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова на Волховском фронте в феврале — марте 1942 г. Один из пунктов данного документа гласил: «Ввиду просьбы товарища Ворошилова он был командирован в феврале месяце на Волховский фронт в качестве представителя Ставки для помощи командованию фронта и пробыл там около месяца. Однако пребывание товарища Ворошилова на Волховском фронте не дало желаемых результатов. Желая еще раз дать возможность товарищу Ворошилову использовать свой опыт на фронтовой работе, ЦК ВКП(б) предложил товарищу Ворошилову взять на себя непосредственное командование Волховским фронтом. Но товарищ Ворошилов отнесся к этому предложению отрицательно и не захотел взять на себя ответственность за Волховский фронт, несмотря на то что этот фронт имеет сейчас решающее значение для обороны Ленинграда, сославшись на то, что Волховский фронт является трудным фронтом и он не хочет провалиться на этом деле»¹³¹.

После Крымской трагедии, неудач Красной армии в попытке прорвать блокаду Ленинграда, в Демянской операции и Харьковском сражении 1942 г. Ставка ВГК для работы в качестве своих представителей в войсках действующей армии с учетом прежнего опыта стала привлекать наиболее авторитетных и квалифицированных военачальников, занимавших ответственные должности в структуре военного управления. Так, в Сталинградской оборонительной операции действия войск Сталинградского и Юго-Восточного фронтов координировали генерал армии Г. К. Жуков и генерал-полковник А. М. Василевский¹³². Ответственность за всестороннее обеспечения советский войск под Сталинградом нес член ГКО Г. М. Маленков. Там же в качестве представителя Ставки ВГК находился командующий ВВС Красной армии генерал-лейтенант авиации А. А. Новиков. Распоряжением Верховного главнокомандующего от 6 сентября ему было поручено «временно сосредоточить всю истребительную авиацию Сталинградского и Юго-Восточного фронтов в том районе, где этого требует обстановка», и предоставлялись неограниченные права по маневру авиационными соединениями на угрожаемые направления¹³³.

Начиная с контрнаступления под Сталинградом, представительство Ставки ВГК в войсках действующей армии получило еще более широкое распространение. К нему в это время, по сути, перешли функции упраздненных главных командований войск направлений. Выйдя на качественно новый уровень развития в общей системе оперативно-стратегического руководства вооруженными силами, институт представителей Ставки ВГК завершил свое организационное оформление, а предусмотренный постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1941 г. институт постоянных советников Ставки фактически утратил свою значимость.

Зародившись в начале Великой Отечественной войны, без предварительного и глубокого теоретического обоснования, представительство Ставки ВГК практически до конца войны являлось наиболее устойчивой, гибкой и результативной формой управления войсками одного или нескольких фронтов. В издаваемых Ставкой ВГК директивах ее представителям стали определяться конкретные обязанности и ответственность за исход военных действий. Их деятельность непосредственно в действующей армии стала регулярной, более продолжительной и конкретной. Представителями Ставки ВГК назначались не просто ответственные должностные лица в структуре вооруженных сил, но преимущественно имеющие высокие военно-профессиональные качества, боевой и управленческий опыт, пользующиеся признанием и авторитетом среди командного состава действующей армии. В большинстве случаев эту роль выполняли члены Ставки ВГК или начальники главных управлений Наркомата обороны — заместители наркома обороны, обладавшие широкими полномочиями и возможностями для оперативного реагирования на возникавшие проблемы при реализации замыслов Ставки ВГК в конкретных условиях обстановки.

В штабе Донского фронта (слева направо): представитель Ставки ВГК А. А. Новиков, командующий войсками К. К. Рокоссовский, представитель Ставки ВГК Н. Н. Воронов, член Военного совета К. Ф. Телегин, начальник штаба М. С. Малинин и начальник артиллерии В. И. Казаков

Представители Ставки ВГК в поселке Свобода Курской области (слева направо): И. Т. Пересыпкин, К. Ф. Телегин, К. К. Рокоссовский, А. М. Василевский и А. И. Антонов

В наибольшей степени этим критериям отвечали Маршалы Советского Союза А. М. Василевский и Г. К. Жуков, которые принимали самое непосредственное участие в выработке стратегических замыслов и на контрнаступление под Сталинградом, Курскую битву, Белорусскую и ряд других важнейших операций Великой Отечественной войны. Следует отметить, что Г. К. Жуков являлся наиболее «универсальным» представителем Ставки ВГК. География его нахождения в действующей армии распространялась от северо-запада до самого южного крыла советско-германского фронта. Так, в первой половине 1943 г. Г. К. Жуков как представитель Ставки ВГК последовательно находился на Западном, Волховском, Воронежском, Северо-Западном, Воронежском, Северо-Кавказском, Воронежском, Центральном, Воронежском и Юго-Западном фронтах¹³⁴. Также неоднократно менялось его местонахождение в действующей армии и во второй половине 1944 г.

Периодически назначались и в целом положительно в качестве представителей Ставки ВГК проявили себя Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов, генералы А. И. Антонов и С. М. Штеменко. На непродолжительное время функции представителя Ставки ВГК возлагались на Маршалов Советского Союза Л. А. Говорова и К. К. Рокоссовского с оставлением за ними обязанностей командующих войсками фронтов. Для координации применения объединений и соединений соответствующих видов вооруженных сил и родов войск в стратегических операциях и операциях групп фронтов Ставкой ВГК привлекались нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов, командующий ВВС Красной армии А. А. Новиков, его заместители Д. Ф. Кондратьев, Ф. Я. Фалалеев и С. А. Худяков, командующий авиацией дальнего действия А. Е. Голованов и его заместитель Н. С. Скрипко, командующий бронетанковыми и механизированными войсками Я. Н. Федоренко, заместители командующего артиллерией М. Н. Чистяков и Н. Д. Яковлев, начальник инженерных войск М. П. Воробьев, начальник войск связи И. Т. Пересыпкин и их заместители.

В этой связи представительство Ставки ВГК в годы войны по статусу не было равнозначным. Полномочными представителями являлись лишь те из них, кому поручалась координация действий двух, реже одного или трех фронтов. При проведении операций на приморских направлениях они также самостоятельно или через представителей Наркомата ВМФ координировали действия флотов (флотилий). Представители Ставки ВГК, назначаемые от видов и родов войск, направлялись в действующую армию в основном для оказания помощи фронтовому руководству в организации эффективного использования соединений и частей соответствующих видов и родов войск. Часть из них выезжала на фронт по указаниям Верховного главнокомандования самостоятельно, а большинство — вместе с основными представителями Ставки ВГК. Их роль Г. К. Жуков характеризовал следующим образом: «Помимо основных представителей, которые непосредственно на местах проводили в жизнь решения Ставки по той или иной операции, направлялись и специальные уполномоченные. Они выезжали в войска с целью помочь командованию войск и основным представителям Ставки в организации использования различных видов вооруженных сил и родов войск»¹³⁵.

С А. М. Василевским в большинстве случаев на фронты выезжали начальник штаба и заместитель командующего ВВС Ф. Я. Фалалеев, заместитель командующего артиллерией Красной армии М. Н. Чистяков, командующий бронетанковыми и механизированными войсками Я. Н. Федоренко или его заместитель. Так это, к примеру, было при подготовке и в ходе Белорусской стратегической операции 1944 г.¹³⁶ Г. К. Жукова в зависимости от выполняемых им задач сопровождали командующие родами войск или их заместители.

С осени 1942 г. алгоритм подготовки представителей Ставки ВГК к работе на фронтах действующей армии в общих чертах выглядел следующим образом. А. М. Василевский и Г. К. Жуков, как правило, принимали самое непосредственное участие в выработке замыслов стратегических операций. Им, в частности, принадлежат идеи в определении сроков и способа разгрома противника под Сталинградом, переходе к преднамеренной обороне в районе Курской дуги, выработке последовательности и характера действий советских войск при освобождении Украины, Крыма, Белоруссии и Прибалтики. А. М. Василевский и Г. К. Жуков часто инициировали решение кадровых вопросов в оперативных органах управления.

На Западном фронте (слева направо): представители Ставки ВГК А. А. Новиков, Н. Н. Воронов, член Военного совета Н. А. Булганин и командующий войсками В. Д. Соколовский

Представитель Ставки ВГК С. К. Тимошенко совместно с командованием Северо-Кавказского фронта работает над планом операции по переправе через Керченский пролив

Функционирование института представителей Ставки ВГК характеризовалось отсутствием при них постоянных рабочих аппаратов. На период выполнения возложенных на представителей Ставки ВГК обязанностей создавались лишь небольшие рабочие группы, включавшие ответственных работников центрального аппарата Наркомата обороны, которые выступали в роли помощников (советников, консультантов). От Генерального штаба в рабочие группы традиционно включались наиболее подготовленные офицеры-операторы. Персональный состав этих групп подбирался в зависимости от важности того направления, куда выезжал представитель Ставки ВГК, и характера планируемых к проведению там операций. К. Е. Ворошилова при выездах на фронты обычно сопровождал один из высокопоставленных генералов Генерального штаба. Непосредственно на месте в состав рабочих групп представителей Ставки ВГК включались офицеры Генштаба при объединениях. Обслуживающий персонал был также немногочислен, а текущее довольствие рабочих групп осуществлялось службами полевых управлений объединений, при которых они находились.

При необходимости для решения каких-либо специфических задач состав группы представителя Ставки ВГК по вызову пополнялся другими специалистами Наркомата обороны и Генерального штаба. Для А. М. Василевского такие вызовы были достаточно частым явлением в связи с выполнением им обязанностей начальника Генерального штаба. По вызову А. М. Василевского, а иногда и по предписанию Ставки ВГК к нему для визирования доставлялись доклады о разрабатываемых Генштабом проектах директив или приказов, подлежащих утверждению Верховным главнокомандующим, а также некоторые другие документы. Вызовы различных должностных лиц на фронты иногда практиковали Г. К. Жуков — по части выполнения обязанностей заместителя Верховного главнокомандующего, Н. Н. Воронов — командующего артиллерией, А. А. Новиков — командующего ВВС Красной армии.

К моменту прибытия представителя Ставки ВГК в действующую армию для участия в подготовке, а в дальнейшем и проведении операции на одном из фронтов, действия которых он обязан был координировать, организовывался пункт управления. Он практически всегда имел мощный узел связи, обеспечивавший устойчивую постоянную проводную, специальную и радиосвязь с Москвой — Ставкой ВГК, Генеральным штабом, управлениями Наркомата обороны и штабами координируемых фронтов, а через узел связи Генштаба — с другими фронтами и штабами военных округов. Такие узлы связи обслуживались наиболее квалифицированным личным составом. «Для поддержания связи представителей Ставки ВГК с Верховным главнокомандующим, Генеральным штабом, главными управлениями Наркомата обороны и полевыми управлениями объединений, — отмечал И. Т. Пересыпкин, — использовались мощные автомобильные радиостанции (из состава подвижного узла связи Генерального штаба), линии общегосударственной связи, узлы связи особого назначения (которые создавались заранее в виде полевых полустанционных узлов) и системы связи фронтов»¹³⁷.

Отмечая постоянство и высокую надежность связи, в частности с Верховным главнокомандующим, А. М. Василевский вспоминал: «Не преувеличу, если скажу, что начиная с весны 1942 года и в последующее время войны я не имел с ним телефонных разговоров лишь в дни выезда его в первых числах августа 1943 года на встречи с командующими войсками Западного и Калининского фронтов и в период его пребывания на Тегеранской конференции глав правительств трех держав (с последних чисел ноября по 2 декабря 1943 года)»¹³⁸.

Функции представителей Ставки ВГК не были неизменными. Главная из них — оказание помощи командованию фронтов в подготовке и проведении операции — за ними сохранялась на протяжении всей войны. На этапе подготовки операций представители Ставки ВГК участвовали в заседаниях военных советов фронтов и армий, присутствовали на рекогносцировках, занятиях и учениях, проводимых с командным составом и штабами объединений и соединений. В их процессе они знакомились с руководящим составом фронтов, при необходимости информировали его об обстановке на других участках советско-германского фронта, уточняли задачи войск в операциях.

Так, при подготовке к контрнаступлению под Сталинградом в целях согласования действий войск Г. К. Жуков на стыке Юго-Западного и Донского фронтов в штабе 21-й армии 3 ноября 1942 г. провел совещание, к которому кроме командующих войсками фронтов привлекались командующие армиями и командиры дивизий¹³⁹. Аналогичное мероприятие представители Ставки ВГК провели и на Сталинградском фронте. В своих воспоминаниях Г. К. Жуков писал: «Для окончательной отработки плана наступления войск Сталинградского фронта, как мы договорились с А. М. Василевским, я прибыл на командный пункт 57-й армии в Татьяновку утром 10 ноября... Перед совещанием мы с А. М. Василевским, командующими 51-й и 57-й армиями Н. И. Труфановым и Ф. И. Толбухиным, М. М. Поповым и другими генералами выехали на участки войск этих армий с тем, чтобы еще раз осмотреть местность, где предстояло развернуть наступление главных сил Сталинградского фронта»¹⁴⁰.

Значительную работу представители Ставки ВГК выполняли по разрешению на месте сложных вопросов стратегического взаимодействия между фронтами, видами вооруженных сил и родами войск, исходя из общего замысла операции. Особую актуальность проблемы взаимодействия приобретали в операциях на окружение группировок противника. Так, в преддверии Сталинградской контрнаступательной операции Г. К. Жуков и А. М. Василевский большое внимание уделяли согласованию действий Юго-Западного и Сталинградского фронтов, встрече их передовых частей в районе Калача, взаимодействию войск двух фронтов после завершения окружения вражеской группировки. После этого ими были рассмотрены планы операций армий, которым предстояло наступать навстречу друг другу.

Не обходилось при организации взаимодействия объединений, решавших общую задачу, и без острых противоречий между координирующими их представителями Ставки ВГК. Характерным в этом отношении является опыт согласования действий 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии при подготовке операции по освобождению Крыма в 1944 г. В ходе встречи с А. М. Василевским в Кривом Роге К. Е. Ворошилов высказал сомнение в достаточности сил и возможностей 4-го Украинского фронта для выполнения возложенной на него задачи и заявил о намерении доложить об этом в Ставку ВГК. Однако А. М. Василевский выразил готовность взять на себя всю полноту ответственности за операцию вплоть до непосредственного возложения на себя командования войсками фронта. Как отмечается в его воспоминаниях, это повлияло на К. Е. Ворошилова: «Он сказал, что не будет вмешиваться в действия 4-го Украинского фронта, а выскажет свои опасения в примечании к нашему донесению в Ставку, хотя и от этого потом отказался»¹⁴¹. По итогам совместной работы А. М. Василевский и К. Е. Ворошилов представили Верховному главнокомандующему доклад, в котором предложили в интересах блокады группировки противника в Крыму усилить авиационную и корабельную группировки Черноморского флота.

Важное место в практической деятельности представителей Ставки ВГК отводилось своевременному и всестороннему обеспечению предстоящих операций, прежде всего доукомплектованию координируемых объединений материально-техническими средствами и личным составом. Опыт свидетельствует, что наиболее проблематично эта задача решалась во фронтах, действовавших не на решающих направлениях, как это было, к примеру, на Западном фронте, который в ноябре 1943 г. вынужден был вести боевые действия в исключительно сложных условиях при недостатке сил и средств. Координировавший действия этого фронта Н. Н. Воронов отмечал, что Западный фронт «продолжал испытывать большие трудности с подвозом горючего, боеприпасов, продовольствия. Я слал в Ставку тревожные донесения. Прежде всего фронту надо было оказать помощь готовыми к бою соединениями истребительной авиации за счет маневра с других фронтов или из резерва. Я просил прислать хотя бы 130–150 танков Т-34 для действий с пехотой и направить в наступающие войска пополнение в 20–25 тысяч человек»¹⁴².

При выполнении возложенных на них Верховным главнокомандованием функций представители Ставки ВГК по возможности стремились проявлять инициативу и творчество. Так, на завершающем этапе контрнаступления под Сталинградом А. М. Василевский предложил перебросить 2-ю гвардейскую армию с внутреннего фронта окружения на разгром деблоки-

рующей группировки противника в районе Котельниково и взял на себя ответственность по подготовке этой армии к выполнению новой задачи еще до утверждения Ставкой ВГК такого решения¹⁴³.

Творческий подход к выполнению функций представителей Ставки ВГК наглядно продемонстрировали Г. К. Жуков и Н. Н. Воронов в июле 1943 г. при подготовке 11-й гвардейской армии Западного фронта к Орловской наступательной операции. Особое внимание ими было уделено повышению эффективности артиллерийской подготовки атаки. «После долгих обсуждений, — писал Г. К. Жуков, — всеми нами было решено: атаку начинать не после артиллерийской подготовки, как это было до сих пор, что помогало противнику определить начало перехода наших войск в наступление, а в процессе самой артиллерийской подготовки, в момент усиления ее темпа и мощности. Этот метод хорошо себя оправдал»¹⁴⁴. После войны бывший командующий 11-й гвардейской армией Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян вспоминал: «Это предложение всем нам, в том числе и генералу Н. Н. Воронову¹⁴⁵, пришлось по душе. Наши артиллеристы внесли в свой план соответствующие изменения и согласовали их с командирами стрелковых корпусов и дивизий. Новшество вполне оправдало себя и вызвало у противника, как показывали пленные, растерянность, а местами и панику»¹⁴⁶.

Наглядным примером инициативы и творчества со стороны А. М. Василевского и Г. К. Жукова является Белорусская наступательная операция 1944 г. Прежде всего следует отметить, что от Г. К. Жукова исходила инициатива использовать в начале операции в интересах фронтов всю авиацию дальнего действия, отнеся на более поздний срок ее налеты на объекты, расположенные на территории Германии¹⁴⁷. И. В. Сталин согласился с этим и приказал командующим ВВС и дальней авиацией Красной армии главному маршалу авиации А. А. Новикову и маршалу авиации А. Е. Голованову срочно вылететь к Г. К. Жукову¹⁴⁸.

В ходе операции «Багратион» А. М. Василевский и Г. К. Жуков неоднократно поднимали вопрос перед Верховным главнокомандующим о целесообразности развития мощного наступления на прибалтийском и восточно-прусском направлениях. В этом случае, как они полагали, с выходом советских войск на побережье Балтийского моря под угрозу изоляции и окружения могла быть поставлена немецкая группа армий «Север». Для этой цели А. М. Василевский еще 29 июня предлагал И. В. Сталину усилить 1-й Прибалтийский фронт резервами Ставки ВГК и подключить к наступлению войска 2-го Прибалтийского фронта¹⁴⁹. Судя по воспоминаниям Г. К. Жукова, он, находясь в первой декаде июля в Москве, также предлагал И. В. Сталину усилить фронты, координируемые А. М. Василевским, с тем, чтобы они смогли отсечь немецкую группу армий «Север» и захватить Восточную Пруссию¹⁵⁰.

В ходе операций большую часть времени представители Ставки ВГК находились на пунктах управления или в штабах фронтов. Они внимательно наблюдали за развитием боевых действий и в случае осложнения обстановки на каком-либо участке немедленно выезжали туда, лично изучали ее, заслушивали соображения командующих, одобряли их или при необходимости вносили соответствующие коррективы, рекомендовали провести те или иные мероприятия. При этом особенность деятельности представителей Ставки ВГК выражалась в том, что они, не подменяя командующих войсками фронтов и не сковывая их инициативу, обязаны были быстро находить и своевременно подсказывать им наиболее оптимальные пути решения сложных и внезапно возникавших проблем. В частности, Н. Н. Воронов по этому поводу высказывался следующим образом: «Главной обязанностью представителей Ставки на фронтах считать координацию действий фронтов и оказание помощи фронтовому командованию в обеспечении наиболее полного выполнения директив Ставки. Не командовать, не заслонять своей фигурой командующих фронтами, а поднимать их авторитет и ответственность»¹⁵¹.

Осуществляя координацию действий фронтов, представители Ставки ВГК всеми возможными мерами стремились направлять усилия войск на достижение главных целей стратегических операций. Для наращивания силы удара на наиболее выгодных направлениях при отсутствии необходимых сил и средств они обращались в Ставку ВГК с просьбой о привлечении авиации дальнего действия либо стратегических резервов и лично или вместе с командующими войсками фронтов организовывали их применение. Представители Став-

Командующий войсками 3-го Белорусского фронта генерал-полковник И. Д. Черняховский докладывает представителю Ставки ВГК А. М. Василевскому о подготовке к форсированию реки Березины

Накануне Яско-Кишинёвской операции. Слева направо: М. Н. Шарохин, И. Г. Шлемин, С. К. Тимошенко, Ф. И. Толбухин, Н. А. Гagen, К.Э. Берзарин. Август 1944 г.

ки ВГК осуществляли постоянный и беспристрастный анализ хода проводимых операций, контроль над выполнением объединения поставленных боевых задач. При необходимости в интересах боевых действий координируемых войск представители Ставки ВГК обращались в Генеральный штаб. Вопросы были разные, но чаще всего они интересовались, как обстоит дело с ходом выполнения задач соседними фронтами, с резервами, направлением на фронты боевой техники, боеприпасов, горючего и маршевого пополнения.

Одной из ключевых функций представителей Ставки ВГК являлось регулярное информирование Верховного главнокомандующего об оперативно-стратегической обстановке, характере и результатах выполнения координируемыми фронтами боевых задач. В этих целях А. М. Василевским и Г. К. Жуковым достаточно часто, другими представителями — реже, велись прямые телефонные переговоры с Верховным главнокомандующим и руководителями Генерального штаба. Инициатива в таких разговорах исходила как от И. В. Сталина, так и от представителей Ставки ВГК. Содержанием телефонных разговоров обычно являлось обсуждение хода выполнения определенных Ставкой ВГК задач теми фронтами, на которых в данный момент находился тот или иной представитель Ставки. Иногда затрагивались проблемы ведения военных действий на других фронтах. Нередко А. М. Василевский и Г. К. Жуков высказывали предложения о подключении к проводимым при их участии или под их руководством операциям соседних фронтов, организации новых мощных ударов по противнику на других стратегических направлениях. Обсуждались также вопросы материально-технического обеспечения войск, использования резервов ВГК, назначения или перемещения руководящих военных кадров и другие.

Наиболее традиционной и оправдавшей себя формой информирования Верховного главнокомандования являлись ежедневные доклады представителей Ставки ВГК, передаваемые по средствам связи в Генеральный штаб. От них, писал Г. К. Жуков, Верховный главнокомандующий «требовал ежедневных докладов или донесений о ходе подготовки и проведения операций... Если по каким-либо причинам в течение суток не поступало докладов представителей Ставки, Верховный сам звонил им по ВЧ»¹⁵². Кроме ежедневных докладов Ставка ВГК не требовала от своих представителей в войсках никаких донесений. Только при необходимости внесения в утвержденные планы каких-либо уточнений или дополнений, а тем более изменений представители Ставки ВГК обязаны были немедленно докладывать Верховному главнокомандующему и сообщать в Генеральный штаб. В свою очередь, и Генеральный штаб считал своим долгом и обязанностью оказывать представителям Ставки ВГК постоянную помощь путем широкого информирования их о событиях на других участках советско-германского фронта, а также о возможностях Верховного главнокомандования по усилению координируемых ими фронтов.

Всякое нарушение сроков передачи представителями Ставки ВГК ежедневных докладов вызывало резкую реакцию со стороны Верховного главнокомандующего. В этой связи уместно сослаться на один примечательный факт из практической деятельности А. М. Василевского по координации действий войск Юго-Западного и Южного фронтов в ходе Донбасской стратегической наступательной операции 1943 г. При задержке с отправлением доклада за 16 августа на несколько часов И. В. Сталин резко высказал недовольство и приказал направить А. М. Василевскому им же самим продиктованную директиву, в которой весьма образно противопоставил ему стиль деятельности Г. К. Жукова. Вот основная выдержка из этого документа: «16 августа является первым днем важной операции на Юго-Западном фронте, где Вы состоите уполномоченным Ставки. И вот Вы опять изволили забыть о своем долге перед Ставкой и не присылаете в Ставку донесений. Вы не можете сослаться на недостаток времени, так как маршал Жуков работает на фронте не меньше Вас и все же ежедневно присылает в Ставку донесения. Разница между Вами и Жуковым состоит в том, что он дисциплинирован и не лишен чувства долга перед Ставкой, тогда как Вы мало дисциплинированы и часто забываете о своем долге перед Ставкой. Последний раз предупреждаю Вас: если Вы хоть раз еще позволите себе забыть о своем долге перед Ставкой, будете отстранены от должности начальника Генерального штаба и будете отозваны с фронта»¹⁵³.

На командном пункте 4-го Украинского фронта. Слева направо: К. Е. Ворошилов, С. С. Бирюзов, Ф. И. Толбухин, К. С. Мельник, А. М. Василевский, М. М. Потапов, Ф. Я. Фалалеев. 1944 г.

Сам А. М. Василевский о данном упущении вспоминал: «Эта телеграмма потрясла меня. За все годы своей военной службы я не получал ни одного даже мелкого замечания или упрёка в свой адрес. Вся моя вина в данном случае состояла в том, что 16 августа, находясь в войсках армии В. В. Глаголева в качестве представителя Ставки, я действительно на несколько часов задержал очередное донесение». Далее, характеризуя отношение Верховного главнокомандующего к представителям Ставки ВГК на фронтах, он писал: «По возвращении на КП фронта я тотчас связался по телефону со своим первым заместителем по Генштабу А. И. Антоновым... Антонов, успокаивая меня, добавил, что получил указание Сталина никого с этим письмом не знакомить и хранить у себя». В заключение А. М. Василевский отмечал, что «Сталин был так категоричен не только в отношении меня. Подобную дисциплину он требовал от каждого представителя Ставки... Считаю, что отсутствие какой-либо снисходительности к представителю Ставки было оправдано интересами оперативного руководства вооруженной борьбой»¹⁵⁴.

После завершения операций представители Ставки ВГК вместе с командующими войсками фронтов и, как правило, при активном участии офицеров Генерального штаба готовили итоговые отчеты о своей деятельности.

Свои функции представители Ставки ВГК выполняли, исходя из имевшихся у них полномочий, которые до августа 1944 г. были ограничены. Это выразалось в том, что они не имели права без санкций Верховного главнокомандующего изменять разграничительные линии между фронтами. У них не было полномочий принимать в ходе операций какие-либо принципиально новые решения, а тем более проводить их в жизнь без одобрения Верховным главнокомандующим.

Расширение полномочий представителей Ставки ВГК способствовало повышению оперативности и конкретности их деятельности. Вместе с этим существенно возросла и ответственность за принимаемые решения, а также за результаты боевых действий руководи-

мых войск. «Расширение функций представителей Ставки, — по мнению А. М. Василевского, — позволило повысить конкретность и оперативность стратегического руководства войсками»¹⁵⁵. Точка зрения Г. К. Жукова на данное решение Верховного главнокомандующего выражалась следующим образом: «На мой взгляд, эта мера Ставки, предоставившая в то время широкую инициативу своим представителям, способствовала мобильному, оперативному управлению войсками»¹⁵⁶.

Роль представителей Ставки ВГК от видов вооруженных сил и родов войск заключалась главным образом в координации применения соответствующих сил и средств. Одним из показательных в этом отношении примеров является поездка вместе с Г. К. Жуковым наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова и командующего ВВС Красной армии А. А. Новикова в апреле 1943 г. на Северо-Кавказский фронт. В центре внимания наркома ВМФ адмирала Н. Г. Кузнецова стояли проблемы оказания помощи находившимся на плацдарме войскам силами Черноморского флота и Новороссийской военно-морской базы. Вместе с Г. К. Жуковым он принимал меры по активизации перевозок на Мысхако необходимых материальных средств. В обстановке, складывавшейся на тот момент на Северном Кавказе, Н. Г. Кузнецов считал нецелесообразной высадку на плацдарм нового крупного десанта. Ему удалось убедить в этом и Г. К. Жукова, о чем они позже докладывали в Ставку ВГК¹⁵⁷.

В это же время командующий ВВС Красной армии маршал авиации А. А. Новиков занимался изучением состояния авиации фронта, принимал меры по совершенствованию ее базирования, организации авиационной поддержки сухопутных войск и завоеванию господства в воздухе. Много внимания он уделял организации скоординированного применения авиации Северо-Кавказского, Южного и Юго-Западного фронтов¹⁵⁸. 21 и 22 апреля А. А. Новиков докладывал Верховному главнокомандующему, что в результате принятых мер «инициатива в воздухе принадлежит нашей авиации», а авиация противника «значительно снизила свою активность», «перешла к оборонительным действиям» и предпринимает преимущественно одиночные полеты самолетов-разведчиков¹⁵⁹.

Деятельность представителей Ставки ВГК в годы Великой Отечественной войны была исключительно ответственной и нелегкой. В своих воспоминаниях А. М. Василевский привел, как он выразился, подготовленные «любителями исторической статистики» цифры, согласно которым он из 34 месяцев войны «12 — работал непосредственно в Генеральном штабе и 22 — на фронтах, выполняя задания Ставки». Далее автором мемуаров дано содержательное разъяснение факту своего продолжительного пребывания в действующей армии в качестве представителя Ставки ВГК: «Действительно, в период войны я часто и подолгу бывал на фронтах, выполняя задания Ставки в качестве ее представителя. Бывало это и тогда, когда на том или другом направлении фронта неожиданно создавалась крайне неприятная для нас, опасная в стратегическом отношении обстановка, и Ставка, прежде чем принять соответствующее решение, для уточнения истинного положения и выработки более конкретных и правильных предложений срочно направляла на фронт своих ответственных представителей. Еще чаще она прибегала к использованию своих представителей при проведении наступательных операций. Как только задумывалась Ставкой где-либо крупная наступательная операция, мы с Г. К. Жуковым, а иногда и другие военачальники, как правило, отправлялись на фронт, сначала для ознакомления с обстановкой, детального изучения противника и данного направления, уточнения замысла, затем возвращались в Ставку для участия в принятии окончательного решения на операцию и для разработки в Генштабе плана, а затем, после утверждения Ставкой директив фронтам, летели на фронт с целью оказать фронтам помощь в ее проведении»¹⁶⁰.

В свою очередь, Г. К. Жуков, делясь наблюдениями и впечатлениями о совещании в Москве, на котором подводились итоги летне-осенней кампании 1943 г. и намечались планы на зиму 1944 г., отмечал: «Александр Михайлович выглядел усталым. Ему, как и мне, пришлось, начиная с апреля, почти непрерывно находиться в движении — то в полетах, то в поездках по фронтовым дорогам. Обстановка в это время была довольно сложная, напряженная и изобиловала чрезвычайно острыми сменами больших успехов и досадных неудач.

Все это вместе взятое плюс систематическое недосыпание, физическое и умственное перенапряжение особенно сказывались тогда, когда мы оказывались в Москве, в тиши кабинетов, где не слышно было ни налетов авиации, ни артиллерийских обстрелов, ни тревожных докладов с опасных участков фронта»¹⁶¹.

Особенностью деятельности представителей Ставки ВГК было то, что они, как правило, не отдавали письменных приказов, директив и других боевых документов фронтам (армиям) за исключением отдельных случаев. Однако все их рекомендации носили распорядительный характер вышестоящей инстанции и являлись обязательными для исполнения нижестоящими. Наиболее же распространенной была практика отдачи Ставкой ВГК по предложениям своих представителей соответствующих приказов или директив непосредственно фронтам (армиям), тем самым как бы санкционируя и одобряя их деятельность.

Наиболее широкое распространение деятельность представителей Ставки ВГК в действующей армии получила в 1943–1944 гг. В это время они направлялись на все три стратегических направления. К началу 1945 г. представительство Ставки ВГК резко сократилось. С февраля по май этого года такими полномочиями был наделен только С. К. Тимошенко. Это было связано с сокращением общей протяженности советско-германского фронта, а также с тем, что во главе фронтов находились квалифицированные и опытные военачальники. Поэтому Ставка ВГК по предложению И. В. Сталина посчитала возможным взять на себя руководство операциями, проводимыми войсками 2-го, 1-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов на центральном, берлинском направлении. Вместе с тем в принятии такого решения не обошлось, видимо, и без субъективных мотивов. В частности, Г. К. Жуков отмечал: «Война подходила к концу, осталось провести несколько завершающих операций, и И. В. Сталин наверняка хотел, чтобы во главе этих операций стоял только он один»¹⁶².

Представители Ставки ВГК несли полную ответственность за результаты боевой деятельности координируемых или руководимых ими войск. Вспоминая события конца 1943 г., а также оценивая свою роль в них, Н. Н. Воронов после войны писал: «Ведь над командованием Калининского и Западного фронтов, а также и надо мною, представителем Ставки, постоянно дамокловым мечом висела угроза «снести голову с плеч», если хоть одну дивизию противник отсюда перебросит на юг, где решались главные задачи. Мы были вынуждены вести активные наступательные действия весьма ограниченными силами и средствами, прогрызая долговременную оборону противника»¹⁶³.

Следует заметить, что со стороны отдельных представителей военного командования периода Великой Отечественной войны отрицательные оценки высказывались и по поводу самого факта учреждения и функционирования института представителей Ставки ВГК в целом. Такого рода оценки были сделаны уже после войны. Что же касается «подмены», «стеснения инициативы», «понижения ответственности» командующих войсками фронтов и «осложнения работы штабов», то такие факты, как и во взаимоотношениях любых подчиненных и вышестоящих управленческих инстанций, в деятельности отдельных представителей Ставки ВГК и их рабочих аппаратов иногда отмечались, однако не они определяли их роль и место в системе оперативно-стратегического руководства вооруженными силами в целом. Институт представителей Ставки ВГК играл, безусловно, положительную роль в организации военных действий, в значительной степени способствовал эффективному использованию сил и средств в решающих операциях Великой Отечественной войны. Благодаря своим представителям Верховное главнокомандование при минимальных управленческих затратах достигало впечатляющих стратегических и оперативных результатов. Важнейшим достоинством института представителей Ставки ВГК являлось то, что на его создание (в отличие, например, от главных командований войск направлений) практически не требовалось много времени, привлечения значительных управленческих сил, а также больших материально-технических затрат.

Представительство приближало Ставку ВГК к фронтам и способствовало успешному решению задач стратегического руководства вооруженными силами. С помощью своих представителей Верховное главнокомандование могло быстро создавать оперативные центры

для решения сложных, внезапно возникающих задач на соответствующих стратегических направлениях. «Значение института представителей Ставки, — отмечал А. М. Василевский, — определяется не только тем, что они оказывали помощь в проведении стратегических операций на решающих направлениях, хотя это само по себе очень важно и вряд ли можно всерьез не соглашаться с таким мнением. Представители Ставки играли также большую роль в неуклонном претворении замысла и всего плана операции, в подчинении интересов того или иного фронта общим интересам успешного проведения операции, задачам Верховного главнокомандования»¹⁶⁴.

Таким образом, деятельность представителей Ставки ВГК способствовала достижению единства действий в рамках стратегического замысла, повышению устойчивости и гибкости управления, творческому и оперативному решению задач в операциях групп фронтов. Приобретенный в ходе Великой Отечественной войны опыт создания и функционирования института представителей Ставки ВГК явился ценным вкладом в отечественную теорию и практику оперативно-стратегического руководства вооруженными силами.

Управление войсками фронтов и силами флотов

К началу Великой Отечественной войны фронт рассматривался как оперативно-стратегическое объединение вооруженных сил, предназначенное для действий на стратегическом направлении. В соответствии с этими взглядами на западной границе СССР в начале войны было развернуто пять фронтов. Однако в ходе войны пришлось формировать новые фронтные управления, что было вызвано увеличением размаха вооруженной борьбы и численности действующей армии, а также сложностями в руководстве большим количеством объединений и соединений различных родов войск при дефиците средств связи и недостаточном опыте военных кадров фронтного звена. К декабрю 1941 г. действовало девять, на 1 июля 1943 г. — 12, а к концу войны — 10 фронтов¹⁶⁵.

Состав фронтов был неодинаков. Наиболее крупными по составу были фронты, действовавшие на решающих направлениях в стратегических операциях 1944—1945 гг. Они включали 5—9 общевойсковых армий (40—70 и более стрелковых дивизий), 1—3 танковые армии, 1—2 воздушные армии, 2—5 отдельных танковых и механизированных корпусов, 1—2 кавалерийских корпуса, соединения и части артиллерии, а также специальные войска фронтного подчинения. В составе фронтов в Восточно-Прусской, Висло-Одерской и Берлинской операциях насчитывалось до 800 тыс. человек, 9—12 тыс. орудий и минометов (калибра 76 мм и выше), 1—3,6 тыс. танков и САУ, 1,5—3,2 тыс. самолетов¹⁶⁶.

Под управлением войсками фронта накануне войны понималось постоянное воздействие командующего, штаба и других органов полевого управления фронта на организацию, ход и исход операции. «Управлять боем — это значит твердо держать в своих руках ход событий, подчинять своей воле и удерживать за собой инициативу действий»¹⁶⁷ — так официально определялся военно-управленческий процесс в предвоенные годы.

В ходе войны сущность управления войсками фронтов выражалась в целенаправленной деятельности командующих, штабов, политических и других органов, основанной на творческом использовании принципов военного искусства, законов и закономерностей вооруженной борьбы. Основным содержанием этой деятельности при подготовке операций являлись добытие, изучение и анализ данных обстановки, принятие решения на операцию, планирование боевых действий, доведение боевых задач до подчиненных командиров, организация взаимодействия, непрерывного управления и всестороннего обеспечения операции. По-возможности проводилась целенаправленная боевая и морально-психологическая подготовка войск. Важным мероприятием подготовительного периода являлась организация пунктов управления, системы связи и всестороннего обеспечения боевых действий.

В Великую Отечественную войну фронты вступили с полевыми управлениями, штатные расписания которых были утверждены народным комиссаром обороны СССР 12 июня 1941 г. Во главе фронта стоял военный совет, который нес полную ответственность за политико-моральное состояние, боевую готовность и деятельность войск. Военный совет возглавлял командующий войсками фронта. Ему непосредственно подчинялись штаб, восемь управлений (политической пропаганды, ВВС, артиллерийское, автобронетанковое, инженерное, связи, ПВО, интендантское) и восемь самостоятельных отделов (воздушно-десантной службы, боевой подготовки, химический, санитарный, снабжения горючим, ветеринарный, финансовый и кадров). В штат полевого управления фронта также входили военная прокуратура и трибунал¹⁶⁸.

С началом войны фронты создавались как на базе имевшихся военных округов, так и путем формирования их заново. По ходу развертывания вооруженной борьбы стало выявляться, что предвоенная организация полевых управлений фронтов имеет существенные недостатки. Прежде всего она не обеспечивала четкого разграничения оперативной и обеспечивающей функций между различными органами управления. Командующие фронтами, начальники родов войск и специальных служб были вынуждены тратить много времени и сил на решение задач материально-технического обеспечения боевых действий и вследствие этого не могли полностью сосредоточивать внимание на вопросах оперативного характера. Отсутствовала централизация в руководстве тылом фронта. Тыловым обеспечением занимались штаб, интендантское управление и отделы: снабжения горючим, санитарный, ветеринарный и финансовый. Обозначились и некоторые новые требования к функционированию полевого управления фронта, большая часть которых обуславливалась расширением круга и увеличения объема выполняемых им задач. Все это потребовало приведения органов управления в соответствие новым условиям ведения военных действий.

Так, в целях конкретизации полномочий и ответственности морально-политическое обеспечение боевой деятельности войск указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1941 г. управления политической пропаганды, входившие в состав полевых управлений фронтов, преобразовали в политические управления. В документе отмечалось, что расширение объема политической работы и усложнение деятельности командного состава «требуют того, чтобы были повышены роль и ответственность политработников»¹⁶⁹. В конце июля 1941 г. в соответствии с постановлением ГКО началась реорганизация органов снабжения. Во фронтах создали управления тыла во главе с соответствующими начальниками тыла, которые одновременно являлись заместителями командующего войсками фронта по тылу, а фронтовые санитарные отделы развернули в санитарные управления. Одновременно из штаба фронта исключили отделы, занимавшиеся вопросами организации тыла, снабжения, дорожной службы, перевозок войск и материальных средств. Всё это нашло отражение в новых штатах, введенных в сентябре 1941 г.¹⁷⁰

Начало и последующий ход войны со всей очевидностью продемонстрировали существенный рост роли и значения родов войск в общевойсковых операциях. В связи с этим начальники артиллерии, бронетанковых и механизированных войск были возведены в ранг командующих и вместе с начальником инженерных войск получили статус заместителей командующего войсками фронта¹⁷¹. Больше внимания стало уделяться комплектованию подчиненных им штабов, а также отделов войск связи и химических войск личным составом и техническими средствами управления.

Изменения коснулись и основного органа управления — штаба фронта. С упразднением летом 1941 г. отделов военных сообщений и устройства тыла, снабжения и дорожной службы усилили штабов были сосредоточены на выполнении оперативных задач. Для целенаправленного изучения, обобщения и использования опыта войны в апреле 1942 г. в них были учреждены соответствующие отделения. С учетом возрастания значения оперативно-аналитической работы при подготовке и в ходе ведения фронтовых операций оперативный отдел штаба фронта в 1944 г. потребовалось преобразовать в оперативное управление.

Командование Карельского фронта, Северного флота и 14-й армии.
В первом ряду: Г. Н. Куприянов, А. Г. Головкин, В. А. Фролов, А. С. Желтов; во втором ряду: А. И. Крюков,
М. И. Старостин, А. А. Николаев, Р. И. Панин, А. Г. Румянцев. 1941 г.

В штабе Западного фронта. Слева направо: Н. А. Булганин, Г. К. Жуков, В. Д. Соколовский, И. С. Хохлов.
Декабрь 1941 г.

Для улучшения руководства партизанским движением и оказания постоянной помощи партизанам постановлением ГКО от 30 мая 1942 г. при военных советах ряда фронтов стали создаваться штабы партизанского движения. В связи с созданием воздушных армий в мае — июне 1942 г. были упразднены управления ВВС фронтов. В этом же году для улучшения руководства восстановлением, ремонтом и эксплуатацией фронтовых железных, шоссейных и грунтовых дорог в составе полевых управлений фронтов были сформированы управления военно-восстановительных работ, а в соответствии с постановлением ГКО от 9 июня 1943 г. созданы дорожные управления¹⁷². 31 января 1943 г. решением Ставки ВГК штабам фронтов были подчинены органы управления военных сообщений, однако с 7 марта их передали в ведение начальников тылов фронтов¹⁷³.

Систематически совершенствуясь и обогащаясь практическим опытом, полевые управления фронтов в годы войны в основном успешно решали возложенные на них задачи по руководству подчиненными объединениями и соединениями и их всестороннему обеспечению. К концу войны полевое управление фронта включало: командование, штаб, политическое управление, командующих (начальников) родами войск, специальных войск и служб с соответствующими штабами (управлениями), начальника тыла со штабом и службами тыла, управление кадров, финансовый орган, военную прокуратуру и трибунал. Как и прежде, полевое управление возглавлял командующий, являвшийся председателем военного совета фронта. Учитывая предложения членов военного совета, он принимал решения по управлению подчиненными войсками и проводил их в жизнь, отдавая приказы и распоряжения лично и через штаб.

Эффективность управления войсками фронтов в годы Великой Отечественной войны в значительной степени зависела от обеспечения их силами и средствами связи. По предвоенному оперативному расчету для связи с Генеральным штабом, подчиненными войсками и соседями фронт должен был иметь отдельный полк связи (опс), пять-шесть отдельных линейных батальонов связи (олбс), три отдельные телеграфно-строительные (отср), три отдельные телеграфно-эксплуатационные (отэр), три отдельных кабельно-шестовые (окшр) роты связи, авиаотряд, полевую почтовую станцию, почтово-сортировочный пункт и стационарную голубиную станцию. Численность окружных полков связи, на которые возлагалось формирование комплекта фронтовых частей и подразделений связи, установленный порядок развертывания, а также срыв отмотелизования в западных приграничных округах начавшимися боевыми действиями вынудили связистов действовать в том составе, в каком застала их война. В результате более двух недель войска связи Северо-Западного и Западного фронтов не имели даже минимально необходимого количества линейных частей и подразделений связи, а обеспеченность фронтов радиостанциями и средствами проводной связи в 1941 г. составляла 35—39%¹⁷⁴.

В ходе войны штаты управлений связи фронтов изменялись 11 раз, численность личного состава опс — три раза, олбс, отср и отэр — четыре раза, окшр — три раза¹⁷⁵. Были введены должности политконтролеров, начальника узла связи, начальников направлений связи к каждой армии, заместителей начальника управления связи по радио и вспомогательному пункту управления и начальника радиоузла. В зависимости от выполняемых задач, накопления боевого опыта комплектование войск связи фронта в различные периоды войны уточнялось. В качестве узловых частей в него входили отдельный полк связи, отдельный батальон связи резерва, отдельный радиодивизион или радиорота, отдельная рота связи тыла. Линейные части связи фронта рассчитывались следующим образом: за каждым фронтом — по одному линейному батальону, одной отср и одной отэр; на ось связи фронта — два облс; резерв начальника связи фронта — две окшр¹⁷⁶. С октября 1943 г. вместо авиаэскадрилий во фронты стали вводиться авиаполки связи. С первых чисел февраля 1944 г. для обеспечения связи с каждой танковой армией — по одной отср и одной окшр¹⁷⁷. Совершенствовались средства связи, увеличивалось их количество во фронтах. Так, к началу Висло-Одерской операции 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты насчитывали соответственно около 14 тыс. и 12 тыс. радиостанций¹⁷⁸.

Командующий войсками Ленинградского фронта Л. А. Говоров и член Военного совета А. А. Жданов

В ходе Великой Отечественной войны каждый фронт выполнял, как правило, часть оперативно-стратегической или оперативную задачу в наступательной или оборонительной операции группы фронтов. Цели фронтовых наступательных операций определялись Ставкой ВГК в соответствии с замыслом стратегической операции. Наиболее типичными целями для большинства фронтовых наступательных операций были разгром оперативных группировок противника в составе 6–12, а в третьем периоде войны — 16–18 дивизий противника, овладение объектами (районами) оперативно-стратегического значения или важными оперативными рубежами на глубине 150–300 км и более¹⁷⁹.

Важнейшим этапом подготовки наступательной операции являлось принятие решения. Это был чрезвычайно ответственный процесс, в значительной степени зависящий от индивидуальных качеств и практического опыта командующего войсками фронта. Решение составляло основу управления войсками фронта в ходе боевых действий и принималось лично командующим. Однако в ряде случаев это делалось после обмена мнениями с начальником штаба, членами военного совета, командующим артиллерией фронта. Иногда принятию решения предшествовало заслушивание докладов и предложений командующих (начальников) родов войск. Значительное внимание при выработке решения на операцию с осени 1942 г. отводилось практической работе командования фронта на местности. Это вытекало из требований Ставки ВГК о том, что каждый командующий войсками фронта должен «принятое решение отработать на местности, после чего принять окончательное решение и отдать боевой приказ»¹⁸⁰.

Основу решения представлял замысел боевых действий, в котором определялось, какого противника и в какой последовательности разгромить, где сосредотачивать усилия войск, в каком оперативном построении проводить операцию. Так, в соответствии с решением командующего войсками Западного фронта генерала армии Г. К. Жукова большинство армий в контрнаступлении под Москвой наносили фронтальные удары в широкой полосе и фактически в той же группировке, в которой незадолго до этого выполняли оборонительные задачи¹⁸¹.

Командующий Калининским фронтом И. С. Конеv среди бойцов 31-й армии

Сталинградский фронт: командующий войсками А. И. Ерёменко и член Военного совета Н. С. Хрущёв

В последующих наступательных операциях командующие войсками фронтов при выработке решений стремились к массированию сил и средств на направлении главного удара, который считалось предпочтительнее наносить по слабому месту в обороне противника. Так, обосновывая решение на контрнаступление под Сталинградом, командующий войсками Юго-Западного фронта генерал-полковник Н. Ф. Ватутин докладывал в Ставку ВГК, что нанесение удара по слабым частям 4-й румынской армии обеспечит успех наступления 21-й армии и быстрый выход подвижных соединений на переправы через Дон для соединения с войсками Сталинградского фронта и окружение основных сил противника, действующих в Сталинграде¹⁸².

Для нанесения главного удара в Ясско-Кишинёвской операции 1944 г. командующий войсками 2-го Украинского фронта Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский в качестве наиболее уязвимого места в обороне противника определил стык между румынской 4-й и немецкой 8-й армиями, где и предусмотрел наибольшую концентрацию войск фронта. Для прорыва тактической зоны обороны противника предназначалась 27-я армия, а задача выхода к переправам на р. Прут в целях окружения совместно с войсками 3-го Украинского фронта ясской группировки врага возлагалась на фронтовую подвижную группу — 6-ю гвардейскую танковую армию¹⁸³.

На основе принятого решения осуществлялось планирование операций (боевых действий). Суть планирования заключалась в детальной разработке последовательности, сроков и способов выполнения задачи подчиненными фронту объединениями и соединениями, а также в установлении основ их взаимодействия. На этапе планирования также намечались и конкретизировались мероприятия по всестороннему обеспечению боевых действий и организации управления войсками. В обобщенном виде результаты данной работы оформлялись в виде текстуально-графического документа, состоявшего, как правило, из оперативной части и планов по видам обеспечения, включая планы связи и организации пунктов управления.

При планировании операций 1941 г. часто имели место существенные недостатки, связанные прежде всего с определением войскам нереальных сроков выполнения боевых задач. В этой связи в директиве Генерального штаба от 13 декабря 1941 г. было высказано требование: «...задачи во фронтовом масштабе ставить армиям на срок, не превышающий трех суток, при постановке ближайших задач ежедневно устанавливать рубеж, который должны достигнуть ее соединения к исходу дня»¹⁸⁴. В последующем по мере стабилизации обстановки на советско-германском фронте и приобретения командным составом и штабами фронтовых объединений боевого опыта качество обработки оперативных планов улучшилось. В них стали определяться конкретные цели по этапам боевых действий. Первый этап операции планировался, как правило, по дням, последующие — в целом на пять-шесть суток каждый. В некоторых операциях, предполагавших по замыслу Ставки ВГК небольшую глубину продвижения войск, планирование осуществлялось не по этапам, а только по дням. В планах стали отражаться конкретные расчеты привлекаемых сил и средств, их возможности, задачи, пространственные характеристики боевых действий. Во фронтах детально планировалось применение родов войск, специальных частей, а в некоторых из них — и партизанских формирований¹⁸⁵.

При подготовке фронтовых наступательных операций 1943–1945 гг. их планирование осуществлялось чаще всего в два этапа. Вначале по требованию Ставки ВГК или личной инициативе командования фронта в общих чертах разрабатывались предложения по применению войск, сил и средств, а после их утверждения или одобрения и получения директивы Ставки ВГК начиналось детальное планирование боевых действий.

Важным этапом подготовки операций являлась организация взаимодействия войск фронта, заключающаяся в согласовании по задачам (объектам), направлениям, рубежам (районам) и времени действий подчиненных объединений и соединений различных родов войск в интересах достижения общей цели операции. Взаимодействие войск на глубину ближайшей задачи организовывалось, как правило, детально, а дальнейшей — в общих чертах. Основные вопросы взаимодействия отражались в планах операций, директивах и распоря-

жениях командующего войсками фронта. Порядок взаимодействия общевойсковых армий с вводимыми в их полосах подвижными группами оформлялся обычно в отдельном плане или в плановой таблице. В них согласовывались усилия стрелковых соединений, артиллерии, инженерных войск и авиации в интересах действий танковых, механизированных и кавалерийских соединений.

При подготовке к Берлинской операции, например, штабами 3-й гвардейской танковой и 3-й гвардейской армий под руководством начальника штаба 1-го Украинского фронта генерала армии И. Е. Петрова отработывался специальный документ по взаимодействию танкового и общевойскового объединений, а также с артиллерией и авиацией. Особо детально в нем раскрывались действия различных родов войск при достижении каждого из десяти намеченных рубежей¹⁸⁶.

С 1942 г. большое внимание уделялось согласованию усилий войск соседних фронтов, участвовавших в общих операциях. Так, бывший командующий войсками Волховского фронта Маршал Советского Союза К. А. Мерецков отмечал, что при подготовке к прорыву блокады Ленинграда (операция «Искра») он дважды встречался с командующим Ленинградским фронтом генерал-лейтенантом артиллерии Л. А. Говоровым. В ходе этих встреч они согласовали вопросы о привлекаемых к операции силах и средствах, направлениях ударов, рубежах встречи войск фронтов, сигналах взаимодействия и другие¹⁸⁷. Если предоставлялась возможность, то организацию взаимодействия соседних фронтов брал на себя представитель Ставки ВГК. Вот как вспоминал о подготовке к контрнаступлению под Сталинградом бывший командующий войсками Донского фронта Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский: «3 ноября меня с группой офицеров штаба вызвали на совещание в район 21-й армии... Совещание проводил Г. К. Жуков. Присутствовали здесь командующие армиями и командиры дивизий, которые должны были наступать на направлении главного удара. Особое внимание уделялось взаимодействию соседних частей на стыках фронтов»¹⁸⁸.

Совещания с элементами организации взаимодействия войск, которым предстояло действовать на направлении главного удара фронта, широко практиковались и в последующих операциях Великой Отечественной войны. Такое совещание командующий войсками Воронежского фронта генерал армии Н. Ф. Ватутин, в частности, проводил при подготовке к Белгородско-Харьковской операции. Им в течение 1 августа 1943 г. самым тщательным образом были согласованы действия войск 5-й и 6-й гвардейских армий с 5-й гвардейской и 1-й танковыми армиями, а также со 2-й воздушной армией. Перед Пражской операцией, которая началась для войск 1-го Украинского фронта фактически без паузы, Маршал Советского Союза И. С. Конев для организации взаимодействия между армиями ограничился лишь короткой встречей с командармами. 4 мая 1945 г. он на своем командном пункте заслушал решения командующих армиями, а затем отдал указания по взаимодействию, которые сводились к согласованию действий войск по задачам, рубежам и времени¹⁸⁹.

В третьем периоде войны в интересах организации взаимодействия во фронтах широко проводились командно-штабные учения и игры на картах и местности. При подготовке к Белорусской операции 1944 г. под руководством командующего войсками 1-го Белорусского фронта генерала армии К. К. Рокоссовского осуществлялся розыгрыш различных вариантов предстоящих действий на картах и макетах местности. Г. К. Жуков об одном из таких мероприятий писал: «14 и 15 июня командующий 1-м Белорусским фронтом провел занятия по розыгрышу предстоящей операции в 65-й и 28-й армиях... К розыгрышу были привлечены командиры корпусов, командиры дивизий, командующие артиллерией и начальники родов войск армий. В ходе этих занятий детально отработывались задачи стрелковых и танковых соединений, план артиллерийского наступления и взаимодействие с авиацией. Основное внимание сосредоточивалось на тщательном изучении характера местности в полосе предстоящих действий войск, организации обороны противника... В последующие трое суток такие же занятия были проведены в 3, 48 и 49-й армиях»¹⁹⁰.

На этапе подготовки к Варшавско-Познаньской операции с 8 по 10 декабря 1944 г. на 1-м Белорусском фронте была проведена командно-штабная игра со всеми командующими ар-

миями. С целью установления более тесного взаимодействия между группировками войск, наступавшими с магнусhevского и пулавского плацдармов, 4 января 1945 г. на командном пункте 69-й армии было проведено еще одно аналогичное мероприятие. На него привлекались командующий и командиры соединений 69-й армии, командующие 1-й и 2-й гвардейскими танковыми, 8-й гвардейской и 5-й ударной армиями и их начальники штабов¹⁹¹. Кроме того, во 2-й гвардейской танковой армии было проведено радиоучение с участием представителей соседней 1-й гвардейской танковой армии и 5-й ударной армии, в полосе которой планировался ввод в сражение 2-й гвардейской танковой, а также командований 6-го штурмового и 3-го истребительного авиационных корпусов, предназначенных согласно плану операции для поддержки танковых соединений¹⁹².

Накануне Берлинской операции на 1-м Белорусском фронте под руководством его командующего Маршала Советского Союза Г. К. Жукова в период с 5 по 7 апреля 1945 г. проводилась командно-штабная игра на картах. В ней принимали участие командармы, начальники армейских штабов и члены военных советов, командующие артиллерией фронта и армий, начальники других родов войск, специальных войск и тыла фронта, командиры всех отдельных корпусов. Согласование усилий войск осуществлялось на всю глубину операции, но особенно тщательно на период прорыва обороны противника на Зееловских высотах¹⁹³.

Для создания предпосылок успешного ведения операций при их подготовке особое значение придавалось организации пунктов управления. По взглядам, сложившимся к концу 1930-х гг., управление войсками фронта в наступлении предусматривалось осуществлять с единого пункта управления, расположенного на удалении 100–150 км от переднего края¹⁹⁴. В период Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. обозначилась потребность в организации, кроме командных, и наблюдательных пунктов. Однако документального закрепления данный опыт не получил, поэтому в первые месяцы Великой Отечественной войны в подходах к организации пунктов управления обозначились две крайности. Это выразилось в том, командующие войсками и штабы фронтов чаще всего размещались на значительном удалении от войск, но от подчиненных требовали управлять войсками «личным примером». Например, командующий войсками Резервного фронта генерал армии Г. К. Жуков в начале августа 1941 г. указывал, чтобы атаку противника возглавляли лично командиры и комиссары. Аналогичные требования исходили и от командующего войсками Западного фронта Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко¹⁹⁵.

Такое положение не способствовало эффективности управления войсками, лишало командный состав возможности своевременно и адекватно реагировать на изменения обстановки. Сложность управления войсками фронтов в это время обуславливалась и другими обстоятельствами. Так, действиями диверсионных групп и налетами авиации противнику удалось в первые дни войны в полосе Северо-Западного фронта вывести из строя до 40% линий связи. Кроме того, как отмечалось в одном из докладов командующего войсками Западного фронта, командный состав «исключительно плохо владеет радио... радиосигналами штабы пользоваться не умеют»¹⁹⁶. В свою очередь, начальник штаба войск Юго-Западного направления генерал-майор А. П. Покровский 24 августа констатировал, что «использование радио штабами всех инстанций явление пока случайное»¹⁹⁷.

Управление войсками фронтов преимущественно с командных пунктов, находившихся на значительном удалении от линии фронта, не отличалось устойчивостью. Поиск путей повышения его эффективности в сложных условиях летне-осенней кампании 1941 г. привел к необходимости эшелонирования пунктов управления фронтов и существенной перестройки организации работы на них. Во фронтах стали создаваться вспомогательные пункты управления (ВПУ), которые, располагая меньшим количеством людей, средств связи и транспорта, могли скрытно размещаться на удалении 3–10 км от линии фронта и обеспечивать непрерывное управление войсками. Так, уже в период проведения Ельнинской операции на Резервном фронте, наряду с командным пунктом, были созданы три (по числу ударных группировок) вспомогательных пункта управления. Управление ударной группировкой в Ростовской наступательной операции командующий войсками Южного

фронта генерал-полковник Я. Т. Черевиченко осуществлял с наблюдательного пункта, оборудованного вблизи командного пункта 37-й армии. Практика создания вспомогательных или наблюдательных пунктов для управления войсками являлась типичной для наступательных операций Волховского, Калининского, Западного и Юго-Западного фронтов в зимней кампании 1941–1942 гг.¹⁹⁸

В последующие годы Великой Отечественной войны с целью обеспечения устойчивости и непрерывности управления войсками полевые управления фронтов, как правило, стали делиться на два эшелона. Первый эшелон, в который входили командующий, штаб (отделы, обеспечивающие управление), командующие родами войск, начальники служб, их штабы и отделы (за исключением командующего и штаба воздушной армии, которые располагались ближе к аэродромам своих соединений), а также офицеры политуправления (1–4 человека), размещался на основном командном пункте фронта. С командного пункта осуществлялось руководство подчиненными войсками при подготовке и в ходе операции, организовывалась связь с Генеральным штабом, соседями, приданными и поддерживающими частями, соединениями и объединениями. Основу второго эшелона полевого управления фронта составляли штаб и управление тыла, а также отделы и управления, которые не входили в состав первого эшелона. Фактически это был тыловой пункт управления (ТПУ) фронта, начальником которого являлся заместитель командующего войсками фронта по тылу — начальник тыла¹⁹⁹. Важнейшей задачей второго эшелона полевого управления фронта являлось бесперебойное обеспечение войск материальными средствами.

С переходом к эшелонированию полевых управлений фронтов не утратили своего значения вспомогательные и наблюдательные пункты. ВПУ возглавлялись обычно заместителями командующих войсками фронтов. В помощь им выделялись офицеры из оперативного, разведывательного управлений, от командующих родами войск, служб, а также офицеры управления связи. ВПУ располагался на одном из флангов фронта или выдвигался вперед, выполняя роль наблюдательного пункта²⁰⁰.

Вспомогательный или наблюдательный пункт фронта оборудовался в тех случаях, когда командующий считал необходимым лично наблюдать за полем сражения на направлении главного удара. Удаление наблюдательных пунктов от переднего края определялось конкретной обстановкой. Так, НП 1-го Украинского фронта в Львовско-Сандомирской операции располагался в 2–3 км от переднего края, 2-го Украинского фронта в Яско-Кишинёвской операции — в 5 км, а 3-го Украинского фронта — в 10 км²⁰¹. В Витебско-Оршанской операции для управления войсками 3-го Белорусского фронта в период прорыва обороны противника оборудовалось два наблюдательных пункта. Один из них располагался в 3 км от переднего края в полосе 11-й гвардейской армии. На нем находился командующий войсками фронта генерал-полковник (с 26 июня 1944 г. — генерал армии) И. Д. Черняховский с оперативной группой штаба, командующими и начальниками родов войск, командующим 1-й воздушной армией и командиром 5-го артиллерийского корпуса прорыва. Второй НП, на котором работали заместитель начальника оперативного управления с оперативной группой штаба, представитель командующего артиллерией и оперативная группа штаба 1-й воздушной армии, размещался в полосе 5-й армии на удалении 1,5 км от переднего края²⁰².

В начале фронтовой операции, когда войска прорывали оборону противника, важнейшими задачами управления являлись: обеспечение его эффективного поражения всеми огневыми средствами и организованного перехода в наступление, достижение высоких темпов прорыва, ввод в сражение подвижных групп армий и фронта, отражение массированных воздушных налетов и контрударов ближайших оперативных резервов врага. Находясь на наблюдательном пункте или в случае необходимости выезжая на пункты управления армий и соединений, командующий войсками фронта постоянно следил за ходом прорыва вражеской обороны. Если на каком-либо из участков темпы наступления снижались, он принимал меры по наращиванию силы удара, прежде всего за счет привлечения бомбардировочной и штурмовой авиации, маневра огнем артиллерии, ввода в сражение вторых эшелонов армий, подвижных групп армий и фронта.

Командование Северо-Западного фронта: члены Военного совета А. М. Пронин, В. Н. Богаткин и начальник политуправления А. Д. Окорочков над картой

Командующий Центральным фронтом К. К. Рокоссовский на передовых позициях накануне Курской битвы

Командующий Воронежским фронтом Н. Ф. Ватутин у входа в штабную землянку

В штабе 1-го Белорусского фронта. Крайний слева — командующий войсками К. К. Рокоссовский; на переднем плане — начальник штаба М. С. Калинин

О целесообразности выдвижения командующего войсками фронта на наблюдательный пункт, располагавшийся вблизи войск, аргументировано свидетельствовал Маршал Советского Союза И. С. Конев. Освещая начало Висло-Одерской операции, он писал: «Помимо естественного желания видеть своими глазами начало наступления, я приехал на наблюдательный пункт фронта и для того, чтобы на месте принять необходимые решения в том случае, если действия передовых батальонов покажут, что противник отошел... Словом, могла возникнуть ситуация, при которой мне как командующему фронтом пришлось бы принимать срочные решения, желательно с проверкой на местности, чтобы тут же безошибочно дать соответствующие указания»²⁰³.

По опыту ряда операций второго и третьего периодов войны командующий фронтом, управляя войсками с ВПУ или НП, поддерживал непрерывный и тесный контакт с начальником штаба, работавшим на командном пункте. Он вел переговоры по телефону ВЧ, оперативная группа командующего непрерывно информировала штаб о принимаемых им решениях, а штаб, в свою очередь, — об обстановке во всей полосе фронта, у соседей и о распоряжениях, получаемых от Ставки ВГК и Генерального штаба. Одновременно начальник штаба фронта осуществлял контроль над исполнением отданных подчиненным объединениям и соединениям распоряжений, материальным обеспечением войск, прохождением всей информации, своевременными докладами данных об обстановке и решений командующего войсками фронта в Генеральный штаб.

Одной из наиболее важных и сложных задач командующего и штаба фронта в ходе наступательной операции являлось твердое и непрерывное управление подвижными группами армий и фронта. При вводе их в сражение штаб фронта главное внимание уделял контролю за своевременным освобождением маршрутов выдвижения танковых колонн, организацией комендантской службы, взаимодействием вводимых объединений и соединений с войсками первого эшелона, артиллерией и авиацией. Обычно через 5–7 часов после начала наступления командующий войсками фронта лично уточнял задачу подвижной группе на ввод в сражение. С этого момента главное внимание штаба, командующих и начальников родов войск и служб сосредоточивалось на обеспечении ее ввода.

Командующий 60-й армией И. Д. Черняховский с офицерами штаба

К. Н. Леселидзе, Н. Е. Басистый, Л. А. Владимирский, И. Е. Петров, В. В. Ермаченков и Н. М. Кулаков
в освобожденном Новороссийске

Так, командующий войсками 3-го Белорусского фронта генерал-полковник И. Д. Черняховский на этапе прорыва вражеской обороны в Витебско-Оршанской операции, находясь с оперативной группой на НП фронта в полосе 11-й гвардейской армии, получил информацию об обозначившемся успехе в первый день наступления (23 июня 1944 г.) на участке 39-й и 5-й армий. На оршанском направлении 11-я гвардейская и 31-я армии натолкнулись на исключительно сильную в инженерном и огневом отношении оборону противника, поэтому командующий фронтом решил сосредоточить свое внимание на управлении войсками на наиболее активном участке. Чтобы быть ближе к войскам, видеть ход сражения и лично руководить вводом в сражение подвижных войск, он вместе с оперативной группой переехал на НП фронта в полосе 5-й армии. Там он проверил готовность конно-механизированной группы (КМГ) генерал-лейтенанта Н. С. Осликовского к вводу в прорыв и отдал приказ на ее выдвижение. 25 июня КМГ продвинулась на запад до 20 км и перерезала железную дорогу Лепель — Орша. Для развития ее успеха генерал-полковник И. Д. Черняховский приказал ввести в сражение 5-ю гвардейскую танковую армию, что позволило резко повысить темп наступления войск фронта²⁰⁴.

При ведении наступления в оперативной глубине управление войсками фронтов осуществлялось с наблюдательных или командных пунктов фронтов. При этом весьма ответственным мероприятием являлось своевременное перемещение пунктов управления. Командные пункты обычно перемещались через 2–8 суток на расстояние 80–120 км, а наблюдательные — по мере необходимости с тем, чтобы не нарушалось управление войсками. Так, в Яско-Кишинёвской операции командный пункт 2-го Украинского фронта перемещался три раза, в среднем каждый раз на 115 км, и находился на одном месте 2–4 суток. Командный пункт 1-го Белорусского фронта в Висло-Одерской операции перемещался четыре раза на расстояние 60–120 км с пребыванием на одном месте 3–7 и более суток²⁰⁵. Перемещения осуществлялись, как правило, ночью, в периоды затишья боевых действий и поешелонно. Первыми выдвижение в новый район начинали подразделения полевого управления, непосредственно связанные с обеспечением руководства войсками фронта. Все остальные перемещались позже по графику, утвержденному начальником штаба, колоннами в 3–5 автомашин ночью и в светлое время суток. Такой порядок не нарушал непрерывности в управлении войсками.

Управление объединениями и соединениями бронетанковых и механизированных войск при их действиях в оперативной глубине осуществлялось преимущественно по техническим средствам связи. Для этого организовывалось несколько каналов связи в радиосетях и радионаправлениях. В случае большого отрыва подвижных групп от главных сил фронта в качестве ретрансляторов использовались промежуточные радиостанции. Управление по радиосредствам осуществлялось, как правило, передачей кратких боевых распоряжений и сигналов с применением заранее разрабатываемых кодированных карт, таблиц радиосигналов и других документов по скрытому управлению войсками. В некоторых операциях для связи в подвижные группы направлялись представители командования фронта, которые по средствам связи регулярно докладывали о ходе боевых действий²⁰⁶. Практиковались вылеты в подвижные группы офицеров связи на самолетах и личные выезды командующих войсками фронтов на их пункты управления. Например, командующий войсками 1-го Украинского фронта Маршал Советского Союза И. С. Конев в ходе Сандомирско-Силезской операции выезжал в 3-ю гвардейскую танковую армию при изменении ее направлений наступления, а в Берлинской операции — в период форсирования р. Шпрее²⁰⁷.

В годы войны шел непрерывный поиск оптимальных методов работы командующих, штабов и других органов управления фронтов при подготовке и в ходе наступательных операций. Методы работы, то есть приемы практической деятельности командующего и штаба фронта, определялись конкретными условиями: целями операции и боевой задачей, оперативно-стратегической обстановкой, наличием времени, слаженностью штаба как органа управления, боевым опытом генералов и офицеров и прочим. В ходе войны выработалось фактически два основных метода работы: параллельный и последовательный. Первый применялся, как правило, при крайне ограниченном времени на подготовку операции, второй — когда фронт имел достаточно времени (15–20 суток и более).

Параллельный метод работы заключался в том, что все подготовительные мероприятия во фронте, подчиненных армиях и соединениях проводились почти одновременно, лишь с небольшим уступом по времени, на основании устного ориентирования о предстоящей задаче и предварительных боевых распоряжений. Одними из первых, подготовленных параллельным методом, были контрнаступательные операции Южного фронта под Ростовом-на-Дону (ноябрь 1941 г.) и Западного фронта под Москвой (декабрь 1941 г.). Также в короткие сроки были подготовлены наступательная операция Центрального фронта на орловском направлении (июль 1943 г.), Вильнюсская операция 3-го Белорусского фронта (июль 1944 г.), Верхнесилезская (март 1945 г.) и Пражская (май 1945 г.) операции 1-го Украинского фронта и другие. Эти операции готовились в течение 5–7 суток, тем не менее все подготовительные мероприятия, как правило, проводились в полном объеме.

При последовательном методе работы решение на наступательную операцию, ее планирование и другие вопросы вначале отрабатывались в полном объеме во фронте и только после этого — в армиях, а затем и в соединениях. При этом, прежде чем принять решение, командующий тщательно изучал противника, местность, заслушивал соображения командармов и своих заместителей. Вспоминая о своей работе по принятию решения, Маршал Советского Союза И. С. Конев писал: «Нужно было очень внимательно и тщательно изучить противника, сравнить и сопоставить все разноречивые сведения, взвесить все за и против, неоднократно побывать на местности, установить позиции противника, наиболее выгодные места для наступления наших войск, места их сосредоточения, словом, изучить всё основательно и лишь после этого принять соответствующие решения»²⁰⁸.

Вопросы организации обороны и управления войсками в оборонительной операции фронтового масштаба в предвоенные годы были разработаны крайне поверхностно. Поэтому, когда в начале Великой Отечественной войны необходимость ведения стратегической и оперативной обороны стала реальностью, командующие и штабы фронтов оказались не готовыми организовывать оборонительные действия в ответ на внезапное нападение противника на суше и с воздуха. Наиболее трагично в первые дни войны развивалась обстановка в полосах обороны Северо-Западного и Западного фронтов. Как не справившиеся с организацией отражения вторжения противника их командующие и начальники штабов были отстранены от занимаемых должностей, но данная мера не смогла кардинально улучшить управление войсками.

Вступивший 2 июля 1941 г. в должность командующего войсками Западного фронта Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, как свидетельствует запись его переговоров по прямому проводу с И. В. Сталиным, первоначально мог лишь отчасти реагировать на обстановку. Принимаемые им решения и практические меры не отличались адекватностью обстановке. С учетом крупных потерь, понесенным фронтом в приграничном сражении, основную ставку в организации обороны С. К. Тимошенко был вынужден делать преимущественно на вновь подходящие войска²⁰⁹. В аналогичной ситуации в это же время находилось и командование Северо-Западного фронта во главе с генерал-майором П. П. Собенниковым²¹⁰.

По мере стабилизации обстановки на советско-германском фронте условия организации обороны улучшались. Целями фронтовых оборонительных операций 1941–1942 гг. являлись недопущение прорыва противника к крупным промышленным и политико-административным центрам, объектам и рубежам стратегического значения, нанесение потерь наступающим группировкам врага, выигрыш времени для сосредоточения и развертывания резервов, предназначенных для нанесения контрударов и перехода в контрнаступление. Операции в это время готовились в условиях превосходства противника в силах и средствах: оборонительные операции Калининского, Западного и Юго-Западного фронтов в конце ноября — начале декабря 1941 г., Сталинградского фронта в октябре — первой половине ноября 1942 г. и другие. Командующие и штабы фронтов в таких условиях организовывали оборону чаще всего в сжатые сроки — от нескольких часов до 1–2 суток (изредка до 1–2 недель)²¹¹. Это ограничивало их возможности по проведению необходимых подготовительных мероприятий.

Командование 1-го Украинского фронта накануне Проскурово-Черновицкой операции

Командующий 3-м Украинским фронтом Ф. И. Толбухин в кабинете

Во втором периоде войны оборонительные операции фронты проводили, как правило, в ходе стратегического наступления с решительными целями: отразить контрнаступление или часть сил контрудар противника, разгромить его наступательные группировки и возобновить наступление. Характерными в этом отношении являются оборонительные операции Центрального и Воронежского фронтов в 1943 г. В 1944–1945 гг. фронты переходили к обороне в основном на завершающих этапах наступательных операций, что вызывалось ослаблением их боевых возможностей, утратой превосходства над противником и израсходованием материальных средств.

Подготовка фронтовых оборонительных операций включала комплекс мероприятий, проводимых командующими и штабами фронтов, по их организации и всестороннему обеспечению, а также подготовке войск и района предстоящих действий к отражению наступления противника. Важнейшими из них являлись: принятие решения и постановка боевых задач войскам, планирование операций, создание группировок войск, систем оборонительных рубежей, огня, противотанковой и противовоздушной обороны, организация взаимодействия и управления, а также мероприятий по всем видам обеспечения. В основе подготовки оборонительной операции лежало решение командующего войсками фронта. Принимая его, командующий определял: направления (районы) сосредоточения основных усилий фронта, группировку сил и средств (оперативное построение войск), боевые задачи подчиненным объединениям и соединениям, порядок и сроки организации противотанковой и противовоздушной обороны, инженерного оборудования местности, основы взаимодействия и управления войсками.

Наибольшие трудности в работе командующего и штаба фронта возникали в условиях, когда переход к обороне осуществлялся под воздействием превосходящих сил наступающего противника. Принимая решение на операцию (обычно по карте), командующий войсками фронта прежде всего определял наиболее угрожаемые направления (районы, участки), на удержании которых и стремился сосредоточить основные усилия. Здесь же им сосредоточивались все возможные силы и средства для создания и ведения противотанковой обороны, оборудовались отдельные опорные пункты и узлы сопротивления.

Так, характеризуя обстановку, сложившуюся под Ленинградом в сентябре 1941 г., Маршал Советского Союза Г. К. Жуков отмечал, что она была весьма сложной и противоречивой, требовала принятия от командования Ленинградского фронта самых энергичных мер. В этих условиях, подчеркивал он, «мы стремились прежде всего выяснить возможности противника, глубоко проникнуть в замыслы его командования, установить наиболее сильные и слабые стороны вражеских войск, блокировавших город. Нужно было определить, какие силы, средства и способы действий следует противопоставить противнику, рвущемуся в Ленинград, чтобы сорвать его намерения... Надо было при малейшей возможности контратаковать врага, изматывать и наносить ему потери в живой силе и боевой технике, срывать его наступательные операции»²¹².

Существенное внимание командующие и штабы фронтов уделяли обеспечению стыков и флангов, организации маневра войсками, силами и средствами, планированию применения резервов. Боевые задачи армиям, а также резервным соединениям в таких случаях ставились немедленно частными оперативными директивами и боевыми распоряжениями. В последующем решение уточнялось, а основной объем мероприятий по организации обороны проводился параллельно, с небольшим смещением по времени, на фронтовом, армейском и тактическом уровнях. Одним из примеров подготовки оборонительной операции в условиях ограниченного времени является работа командующего и штаба Западного фронта в октябре 1941 г. на Можайской линии обороны.

Наиболее полно мероприятия по подготовке фронтовой оборонительной операции выполнялись при преднамеренном переходе к обороне и наличии для этого достаточного времени. Так, при подготовке в Курской оборонительной операции работа в полевых управлениях Центрального и Воронежского фронтов и в подчиненных им инстанциях организовывалась последовательно. Решения на операцию командующими войсками фронтов принимались

после предварительного всестороннего анализа обстановки и возможного характера действий противника, заслушивания предложений начальников штабов, командующих родами войск и начальников служб, а также тщательной рекогносцировки местности. Планирование оборонительной операции осуществлялось штабом фронта совместно с командующими родами войск и начальниками служб. В его основе лежали решение командующего войсками фронта и указания Ставки ВГК. Фронтвые оборонительные операции планировались по задачам и вариантам действий войск в зависимости от вероятных ударов противника.

Важнейшей составной частью плана операции являлась его оперативная часть, в которой обычно отражались: цель и замысел операции, вероятные направления главного и других ударов противника, порядок действий войск фронта по каждому из вариантов, задачи объединений первого и второго эшелонов (резервов), артиллерии и авиации, силы и средства, выделяемые для обеспечения стыков и флангов, мероприятия по организации взаимодействия, управления. Кроме того, командующими родами войск и начальниками служб, штабом воздушной армии разрабатывались планы боевого применения соответствующих сил и средств и всестороннего обеспечения оборонительной операции.

Оперативная часть плана оборонительной операции разрабатывалась, как правило, графически на карте. При наличии времени готовились также текстовые приложения к плану. Например, при подготовке к Курской оборонительной операции на Центральном фронте в качестве приложения к плану была разработана легенда к карте-схеме, в которой детально раскрывались варианты нанесения армейских и фронтвых контрударов²¹³. На Воронежском фронте осуществлялось конкретное планирование всех видов огня артиллерии, тщательно организовывалась противотанковая и противовоздушная оборона²¹⁴. Штабы обоих фронтов самое пристальное внимание уделяли разработке документов по подготовке систем оборонительных рубежей, полос, позиций, а также расчетов по их инженерному оборудованию²¹⁵.

При организации взаимодействия в оборонительной операции главный акцент делался на согласовании действий всех элементов оперативного построения фронта, сил и средств различных родов войск и авиации между собой, а также с соседними объединениями. В годы войны обозначился переход от организации взаимодействия методом отдачи общих указаний преимущественно по карте к детальному согласованию действий всех привлекаемых к обороне войск, сил и средств непосредственно на местности в ходе рекогносцировок, военных игр и командно-штабных учений. Такие мероприятия, в зависимости от обстановки и наличия времени, проводились на картах, рельефных планах и макетах местности. Штабами фронтов практиковалась разработка специального плана или таблицы взаимодействия. Наряду с этим в отдельных случаях готовились планы (схемы) взаимодействия на период выполнения войсками фронта наиболее важных задач.

Устойчивость управления войсками и результаты оборонительных операций в значительной степени определялись способностями командующих и штабов фронтов своевременно и правильно реагировать на изменения обстановки, уточнять ранее принятые решения и задачи подчиненным войскам. Так, Г. К. Жуков в числе причин неудач советских войск в Воронежско-Ворошиловоградской оборонительной операции 1942 г. отмечал: «Командование фронтами юго-западного направления нередко теряло управление войсками и не всегда знало действительное положение своих армий и противника, вследствие чего принимало запоздалые решения, подчас не отвечавшие реальной обстановке»²¹⁶.

Для управления войсками фронта в ходе оборонительной операции организовывались и всесторонне оборудовались основной и запасной командные пункты, вспомогательный (наблюдательный) пункты и второй эшелон полевого управления или тыловой пункт управления фронта, основу которого составляли штаб, отделы и службы тыла. Командный пункт фронта чаще всего оборудовался за армейской полосой обороны или в пределах фронтвых оборонительных рубежей. Наблюдательные (вспомогательные) пункты обычно размещались в районах, обеспечивавших управление войсками на предполагаемом направлении главного удара противника.

Удаление пунктов управления от войск в оборонительных операциях имело тенденцию к уменьшению. Так, если в первом периоде Великой Отечественной войны командные пункты фронтов находились на расстоянии 150–250 км от переднего края, то в операциях 1943–1945 гг. они чаще всего размещались на удалении 40–60 км²¹⁷. Запасные командные пункты оборудовались обычно в 80–100 км от линии фронта. Удаление наблюдательных (вспомогательных) пунктов фронтов от переднего края обороны, как правило, не превышало 3–5 км.

Управление войсками в ходе оборонительной операции командующие фронтами осуществляли обычно с основного командного пункта. Такого принципа, в частности, придерживался командующий войсками Центрального фронта генерал армии К. К. Рокоссовский в ходе Курской оборонительной операции. После войны он писал: «Сражение на Курской дуге заставило меня снова задуматься о месте командующего... С самого начала и до конца оборонительного сражения я неотлучно находился на своем КП. И только благодаря этому мне удавалось все время чувствовать развитие событий на фронте, ощущать пульс боя и своевременно реагировать на изменения обстановки. Я считаю, что всякие выезды в войска в такой сложной, быстро меняющейся обстановке могут на какое-то время отвлечь командующего фронтом от общей картины боя, в результате он не сумеет правильно маневрировать силами, а это грозит поражением. Конечно, вовсе не значит, что командующий всегда должен отсиживаться в штабе. Присутствие командующего в войсках имеет огромное значение. Но все зависит от времени и обстановки»²¹⁸. Переход командующего войсками фронта на запасный пункт управления осуществлялся только с разрешения Верховного главнокомандующего. Временные пункты управления (наблюдательные пункты) командующими войсками фронтов использовались лишь в наиболее ответственные моменты сражения: при значительном вклинении противника в оборону и угрозе ее прорыва или при нанесении контрударов.

Итак, совершенствование управления войсками фронтов в годы Великой Отечественной войны проявилось в приведении организационно-штатной структуры, подготовленности органов управления, содержания и методов их работы в соответствие с требованиями боевой практики. Улучшалось обеспечение штаба, управлений и отделов полевого управления средствами связи. В годы войны проявилась и тенденция сокращения количества органов и должностных лиц, непосредственно подчиненных командующим войсками фронтов, что способствовало концентрации их внимания преимущественно на непосредственном управлении войсками.

При подготовке фронтовых наступательных и оборонительных операций был выработан достаточно рациональный для конкретных условий обстановки алгоритм работы командующего, штаба и других органов полевого управления фронта. Методы их работы определялись прежде всего условиями подготовки операций, а также профессионализмом и практическим опытом руководящего состава фронта. Стержневым этапом всех подготовительных мероприятий являлось принятие обоснованного решения командующим войсками фронта. Боевой практикой достаточно четко определились перечень документов, разрабатываемых в полевом управлении фронта при планировании операции, их формы и содержание. В годы войны сложилась стройная система пунктов управления фронта в наступательных и оборонительных операциях, выработались эффективные способы и приемы влияния командования фронтов на ход и исход боевых действий.

Великая Отечественная война позволила по достоинству оценить деятельность советских военных кадров по управлению фронтовыми объединениями. Высокую компетентность и профессионализм, творчество и незаурядные организаторские способности в должностях командующих войсками фронтов продемонстрировали Маршалы Советского Союза А. М. Василевский, Л. А. Говоров, Г. К. Жуков, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, К. А. Мерецков, К. К. Рокоссовский и Ф. И. Толбухин, генералы армии И. Х. Баграмян, Н. Ф. Ватутин, А. И. Ерёменко, И. Е. Петров, И. Д. Черняховский. Обязанности начальников штабов в годы войны образцово выполняли генералы С. С. Бирюзов, А. Н. Боголюбов, С. П. Иванов, М. В. Захаров, В. В. Курасов, Г. К. Маландин, М. С. Малинин, А. П. Покровский, Л. М. Сандалов и другие.

А. М. Василевский и Ф. И. Толбухин наблюдают за ходом боевых действий на подступах к Севастополю

Управление силами флотов в годы Великой Отечественной войны организовывалось и осуществлялось, исходя из их места и роли в вооруженной борьбе, а также характера выполняемых задач. К началу войны в состав Военно-морского флота СССР входили Северный, Балтийский, Черноморский и Тихоокеанский флоты, а также Дунайская, Пинская, Каспийская, Амурская и Северная Тихоокеанская военные флотилии. Оперативными органами управления силами флотов являлись штабы, структура которых в предвоенный период неоднократно менялась и утвердилась только к середине 1940 г. В состав штабов флотов входили отделы: оперативный, боевой подготовки, организационно-мобилизационный, разведывательный, подводного плавания, военных сообщений, общий, связи, гидрографический, а также архив и аппарат флагманских специалистов.

Основным органом штаба являлся оперативный отдел, функции которого охватывали все стороны жизни и деятельности флота, особенно касающиеся проблем поддержания его боеготовности и боеспособности. В годы Великой Отечественной войны приоритетными функциями оперативного отдела являлись: подготовка операций и боевых действий, организация взаимодействия с приморскими объединениями сухопутных войск, совершенствование системы управления силами флота, сбор, анализ и оценка данных о состоянии своих сил и противника, обобщение опыта боевого применения и другие. Для координации оперативной деятельности органов управления в штабе флота была учреждена должность заместителя начальника штаба по оперативным вопросам.

В ходе войны структура штабов флотов претерпела некоторые изменения. Так, в целях организации обороны на сухопутных направлениях в штабах флотов были образованы отделы сухопутных войск. Офицеры этих отделов направлялись в штабы объединений и соединений Красной армии для организации и поддержания с ними тесного взаимодействия. Общее

руководство их деятельностью осуществляли начальники оперативных отделов штабов флотов²¹⁹. На Черноморском флоте дополнительно была введена должность заместителя командующего флотом по сухопутным войскам. На Северном флоте в октябре 1941 г. было сформировано управление гидрометеорологической службы. Интенсивное движение на внутренних и внешних коммуникациях морей обусловило формирование в оперативных отделах штабов флотов отделений конвойной службы. Рост численности самолетного парка флотов потребовал создания в оперативных отделах авиационных отделений. Для руководства силами флотов при решении некоторых специфических задач практиковалось создание временных органов управления.

Руководство действиями сил флотов (флотилий) осуществлялось с защищенных флагманских командных пунктов, которые размещались, как правило, в районе главных военно-морских баз флотов и флотилий: командный пункт Балтийского флота — в районе Таллина, Черноморского флота — в Севастополе, Тихоокеанского флота — во Владивостоке. Для Северного флота защищенный командный пункт к 18 ноября 1941 г. был оборудован в Полярном²²⁰. В ходе оборонительных действий при угрозе захвата противником главных военно-морских баз флагманские командные пункты требовалось перемещать в другие районы. Так, в конце августа 1941 г. после перехода кораблей Балтийского флота из Таллина в Кронштадт туда же был передислоцирован командный пункт флота. На переходе морем управление его силами осуществлялось с корабельного командного пункта. Командный пункт Черноморского флота трижды менял свое местоположение: из Севастополя он был передислоцирован сначала в Туапсе, а затем в Сухуми и Поти. Для руководства силами Северного флота в октябре 1944 г. (операция «Вест») на полуострове Рыбачий и в порту Лиинахамари были оборудованы передовые командные пункты, на которые последовательно перемещалась оперативная группа офицеров штаба флота (походный штаб) во главе с командующим адмиралом А. Г. Головкиным²²¹.

Управление силами Северного, Балтийского, Черноморского и Тихоокеанского флотов обеспечивали созданные в их составе службы наблюдения и связи (СНиС), которые включали береговые и корабельные СНИС, а также службы связи ВВС флотов. В береговую СНИС входили посты наблюдения и связи и станции технического наблюдения, развернутые вдоль побережья, участки, объединяющие группы постов, и районы, которые включали участки. Все элементы береговой СНИС имели постоянную связь между собой и со штабами флотов. На всех флотах, кроме того, имелся узел связи, который обеспечивал сообщение с Главным морским штабом, с узлами связи военно-морских баз и соединений. Узлы связи состояли из приемных и передающих радиопостов и радиостанций, телефонных, телеграфных центров и станций, которые соединялись между собой воздушными, подземными и подводными кабельными линиями. Отдельные элементы узлов связи (телефонные и телеграфные центры и станции, радиобюро) размещались непосредственно на командных пунктах и в штабах флотов и соединений. Магистральные линии проводной связи дублировались радиосвязью.

Корабельные СНИС включали средства связи надводных кораблей, подводных лодок и вспомогательных судов. К началу войны они были оснащены отечественными средствами связи системы «Блокада-1» и поступившей ей на замену более совершенной системы «Блокада-2», в состав которых входили длинноволновые, коротковолновые радиопередатчики и радиоприемники, а также УКВ-радиостанции²²².

Служба связи морской авиации включала в себя узлы связи ВВС флотов, авиасоединений и частей, проводные линии оперативной телефонно-телеграфной, магистральной связи, взводы и роты связи на аэродромах и средства связи самолетов. На вооружении соединений и частей морской авиации состояли коротковолновые автомобильные, стационарные и переносные радиостанции, а также различная телефонная и телеграфная аппаратура.

Опыт управления силами флотов в первые дни войны вскрыл недостаточность сил, средств и каналов связи, поэтому на флотах проводилось развертывание дополнительных постов СНИС, радио- и телефонно-телеграфных станций, а также строительство воздушных и подземных линий связи. Например, в операционной зоне обороны Ленинграда было раз-

вернуто 25 постов НиС и проложен через Ладожское озеро подводный кабель, позволивший восстановить связь города с центром страны. При освобождении Прибалтики связисты Балтийского флота в сжатые сроки восстановили на побережье посты НиС, узлы, станции и линии проводной связи. На Северном флоте в годы войны было дополнительно развернуто 67 постов НиС, построено 300 км воздушных, 200 км подводных и 50 км подземных линий связи. На Тихоокеанском флоте производилось оборудование защищенных командных пунктов флота и его ВВС, построено 30 тыс. км воздушных линий связи²²³. На Черноморском флоте неоднократное перемещение его командного пункта, а вместе с ним и узла связи потребовало кроме передислокации техники форсированного строительства проводных линий связи, которые использовались одновременно флотом и сухопутными войсками.

Комплексное оборудование береговых служб наблюдения и связи позволило обеспечить управление силами флотов в их повседневной боевой деятельности, а также в проводимых операциях. Штабы флотов имели проводную и радиосвязь со штабами взаимодействующих объединений и соединений Красной армии. Так, штаб Балтийского флота при обороне Ленинграда имел проводную связь со штабами Ленинградского фронта, 42, 55, 67 и 23-й армий, штаб Северного флота — со штабами Карельского фронта, 14-й армии и дивизий, действовавших на мурманском направлении. Штаб Черноморского флота использовал главным образом радиосвязь, при этом в штабы сухопутных войск направлялись офицеры связи штаба флота с радиостанциями и документами по связи.

Разработанная и введенная в действие перед войной система оперативной готовности флотов обеспечила их своевременное приведение в полную боевую готовность и с началом войны позволила организованно приступить к выполнению боевых задач. Так, 22 июня в 3 часа 7 минут Константиновский пост НиС Черноморского флота доложил оперативному дежурному об обнаружении самолетов противника, а уже в 3 часа 15 минут командующий флотом лично доложил по телефону наркому ВМФ о налете вражеской авиации на Севастополь. Это был первый доклад в Москву о нападении врага на нашу страну²²⁴. Своевременно обнаружили вражеские самолеты посты НиС Балтийского и Северного флотов, что позволило отразить первые налеты авиации противника и сбить пять его самолетов в первый день войны. При этом флоты потерь не имели. Большая заслуга в организации первых групповых налетов морской авиации на Берлин принадлежит командованию и штабу Балтийского флота.

В начальном периоде Великой Отечественной войны командующие и штабы флотов осуществляли руководство действиями подчиненных сил по реализации предвоенных оперативных планов. На позициях были развернуты подводные лодки, в дозор выделены надводные корабли, осуществлена установка минных заграждений. В соответствии с планами, разработанным штабом Черноморского флота и штабом его ВВС, в период с 23 по 25 июня авиацией были нанесены удары по Констанце, Сулине, Плоешти и нефтепромыслам на территории Румынии. Тщательная маскировка, правильно выбранные маршруты полета и время нанесения ударов позволили осуществить их без истребителей прикрытия, а за счет достижения внезапности удалось добиться значительных результатов при небольших потерях в самолетах.

Вместе с тем следует отметить, что выполнение других задач силами Черноморского флота оказалось менее эффективным. Так, постановка минных заграждений на Черном море была выполнена без глубокого анализа штабом флота оперативной обстановки и возможного характера действий сил флота противника. Серьезного урона противнику эти заграждения не нанесли, однако затруднили деятельность и использование своих сил и привели к необоснованным потерям нескольких кораблей, вследствие чего штаб флота был вынужден категорически запретить судам ходить в районах постановки мин без военного лоцмана или конвойного корабля²²⁵.

На Балтийском морском театре военных действий неудовлетворительная организация разведки противника и пассивные действия со стороны командования Балтийского флота не смогли воспрепятствовать ВМС Германии и Финляндии создавать и наращивать мощную систему минных полей в Финском заливе. Особенно опасным оказалось заграждение

«Юминда» восточнее Таллина, которое вскоре сыграло роковую для Балтийского флота роль. На Севере слабая активность противника на море и первоначальная пассивность его сухопутных сил на мурманском направлении были оценены командованием Северного флота как возможная его подготовка к высадке морского десанта. В этой связи, несмотря на крайне ограниченный запас мин, Северным флотом 23 и 24 июня были заминированы подходы к Горлу Белого моря, а 28 июня — отдельные районы Кандалакшского залива²²⁶.

Для организации совместных с сухопутными войсками действий флоты с июля 1941 г. были подчинены главным командованиям войск направлений, которые, в свою очередь, передали их в оперативное подчинение командующих войсками приморских фронтов. Северный флот был подчинен командующему войсками Северного, а затем Карельского фронта, Балтийский флот — командующему войсками Северного, а затем Ленинградского фронта. Наибольшее же количество переподчинений претерпел Черноморский флот, первоначально подчинявшийся командующему войсками Южного фронта, затем последовательно командующим 51-й отдельной армией, войсками Крыма, Закавказского и Крымского фронтов, главному командованию войск Северо-Кавказского направления, командующим войсками Закавказского и Северо-Кавказского фронтов.

Неудачи на сухопутном фронте в первые недели войны потребовали от командующих и штабов Северного, Балтийского и Черноморского флотов внесения существенных изменений в ранее разработанные планы их оперативного применения. Однако это стало делаться с запозданием, в то время, когда сухопутные группировки противника выходили к приморским районам и создавали угрозу опорным пунктам флотов. В этих условиях основные усилия Балтийского и Черноморского флотов были направлены на оборону совместно с войсками фронтов и армий морского побережья и своих военно-морских баз. Однако заблаговременно разработанных взглядов и подходов к организации обороны военно-морских баз с суши к началу войны не было. Утвержденные перед войной планы применения флотов были ориентированы только на отражение противника с моря. Не имели командующие и штабы флотов и практики организации взаимодействия с командованиями фронтов на случай совместного решения задач по обороне военно-морских баз.

На основе получаемых задач командующими флотами принимались решения, в которых определялись составы выделяемых сил и меры по обеспечению их боевых действий. Детальное планирование применения сил и средств осуществлялось под руководством начальников штабов флотов. Планы применения сил флотов после этого согласовывались с командованиями сухопутных объединений. В условиях быстрого и неблагоприятного развития обстановки детальное планирование вообще не проводилось. В таких случаях решения командующими флотами на выделение необходимых сил принимались в кратчайшие сроки с немедленной постановкой им задач без оформления письменного боевого приказа.

В целом же деятельность командования и штабов флотов по управлению подчиненными силами и средствами в тесном взаимодействии с войсками приморских фронтов (армий) играла позитивную роль в выполнении общих задач по обороне морского побережья. Полученный опыт совместных действий был всесторонне обобщен отделами боевой подготовки штабов флотов, а в последующем закреплён в изданном в 1943 г. «Наставлении по совместным действиям сухопутных войск с ВМФ и военными речными флотилиями». Этот опыт широко использовался не только в оборонительных, но и в наступательных операциях на приморских направлениях.

В период Великой Отечественной войны командующие и штабы флотов, организуя совместные с фронтами боевые действия, основное внимание, как правило, сосредоточивали на планировании артиллерийской и авиационной поддержки сухопутных войск, оборонявшихся или наступавших на приморских направлениях. С этой целью привлекалось до 90% самолето-вылетов флотской авиации, а на корабельную и береговую артиллерию возлагалось до 80% всех решаемых ею огневых задач.

Вместе с тем в руководстве силами флотов в реальных условиях обстановки их командующие и штабы подчас сталкивались с весьма непростыми проблемами. Возникали они

чаще всего по причине одностороннего подхода к постановке задач флотам командованиями приморских фронтов. Суть проблемы заключалась в том, что возможности сил флотов учитывались лишь с точки зрения обеспечения артиллерийской и авиационной поддержки боевых действий сухопутных войск. Так, например, осенью 1941 г. Военный совет Ленинградского фронта всю авиацию Балтийского флота подчинил заместителю командующего фронтом по ВВС. Это, как показал опыт, лишило флот возможности наносить авиационные удары по базам и морским коммуникациям противника²²⁷. Подобный же подход к постановке задач командованиями объединений Красной армии имел место и по отношению к Черноморскому флоту. В наибольшей степени взаимопонимания и взаимодействия удалось достигнуть командование Северного флота с Северным фронтом и его 14-й армией, а несколько позже — с Карельским фронтом.

Помимо этого периодически возникали конфликты из-за двойного подчинения флотов. К примеру, осенью 1941 г. весьма остро встал вопрос о доставке морем топлива из Батуми. Решение задачи по организации и обеспечению морских перевозок Главный морской штаб возложил на командование Черноморским флотом. Однако главное командование войск Юго-Западного направления настойчиво требовало от командующего Черноморским флотом сосредоточения усилий на обеспечении и поддержки войск, оборонявших Одессу. Не находя целесообразного выхода из создавшегося положения, командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский был вынужден в резкой форме заявить руководству Главного морского штаба, что он уже не знает, какие приказы ему надлежит выполнять в первую очередь. В ответ на это руководство Главного морского штаба по согласованию с Генштабом не нашло ничего лучшего, как дать командующему флотом совет — «решать две задачи как одну».

Наиболее сложными для командования флотов являлись планирование, подготовка и руководство высадкой морских десантов. Тактические морские десанты готовились и применялись, как правило, не по указаниям фронтовых начальников, а по инициативе командующих флотами. Так, 14 июля 1941 г. в связи с неблагоприятным развитием обстановки в полосе обороны 14-й армии командующим Северным флотом контр-адмиралом А. Г. Головкин по согласованию с военным советом было принято решение на высадку морского десанта в районе озера Титовка у мыса Пикшуев. Планирование десантирования и подготовка сил заняли всего несколько часов, что обеспечило внезапность действий. Для усиления десанта командующий флотом приказал 16 июля высадить на восточный берег губы Западная Лица дополнительные силы. В результате, понеся большие потери, немецкие войска не смогли прорваться на полуостров Средний и перешли к обороне. В дальнейшем на этом участке вплоть до 1944 г. линия фронта оставалась без изменений.

В ходе обороны Одессы командованием Черноморского флота, учитывая сложившуюся обстановку, было принято решение в ночь с 21 на 22 сентября 1941 г. в районе Григорьевки высадить десант в составе полка морской пехоты. Планирование и подготовка операции, которые возлагались на штаб Черноморского флота, были проведены также в кратчайшие сроки. Несмотря на некоторые недостатки и организационные накладочки при высадке десанта, быстрое выделение необходимых для десантирования сил и средств, правильный выбор места высадки и направления последующих действий десанта обеспечили успешное решение поставленной задачи. Противник был отброшен на 10 км, что сыграло важную роль в дальнейшей обороне Одессы.

Морские десантные операции большего масштаба требовали привлечения разнообразных сил и средств. Их подготовка осуществлялась, как правило, штабами фронтов или командований войсками направлений с привлечением штабов флотов и представителей Главного морского штаба. Так, инициатива проведения операции по овладению Керченским полуостровом (Керченско-Феодосийская десантная операция) исходила от Военного совета Закавказского фронта. В докладе начальнику Генерального штаба командующий фронтом генерал-лейтенант Д. Т. Козлов изложил замысел и краткий план действий этой операции, в разработке которой участвовали начальник Главного морского штаба адмирал И. С. Исаков

и консультант при штабе Закавказского фронта от Главного морского штаба вице-адмирал С. П. Ставицкий²²⁸.

На основании представленного доклада руководство Генерального штаба поручило командующему Черноморским флотом Ф. С. Октябрьскому представить в Ставку ВГК «соображения о возможности проведения в середине декабря десантной операции по овладению Керченским полуостровом»²²⁹. Соображения командующего флотом и набросок плана проведения операции с предложением «высадку производить с боевых кораблей непосредственно в Феодосийский порт» с одновременным наступлением войск Севастопольского оборонительного района были доложены А. М. Василевскому 6 декабря²³⁰.

17 декабря полевое управление Закавказского фронта передислоцировалось в Новороссийск. Там командованием фронта совместно с командующим флотом адмиралом Ф. С. Октябрьским и представителями штаба Черноморского флота были детально отработаны вопросы подготовки и проведения операции²³¹. Вместе с тем в ходе работы над планом операции не удалось избежать некоторых противоречий между командующими фронтом и флотом. В частности, Ф. С. Октябрьский, руководивший в это время Севастопольским оборонительным районом и подчинявшийся непосредственно Ставке ВГК, выразил несогласие с требованием Д. Т. Козлова о привлечении к операции дополнительных сил флота. Ставка ВГК по-своему разрешила этот спорный вопрос, подчинив Севастопольский оборонительный район командующему войсками Закавказского фронта.

Одновременно с выполнением задач по содействию войскам Красной армии в операциях на приморских направлениях советские флоты решали ряд самостоятельных задач на морских театрах, основными из которых были нарушение морских сообщений противника и оборона своих морских коммуникаций. На определенный период времени для того или иного флота эти задачи ставились в качестве главных. Так, задача по нарушению морских сообщений являлась основной: зимой и весной 1944 г. — для Черноморского флота, летом и осенью 1944 г. — для Северного флота, весной 1945 г. — для Балтийского флота. Оборона внешних морских сообщений с 1942 г. и до конца войны являлась главной для Северного флота.

Планирование применения сил флотов в самостоятельных действиях осуществлялось штабами флотов на основе указаний наркома ВМФ, директив Ставки ВГК или Генерального штаба. Вместе с тем возможности флотов по выделению сил для решения этих задач были крайне ограничены. Так, в 1941—1942 гг., когда основные усилия надводных кораблей и морской авиации были направлены на содействие сухопутным войскам в оборонительных операциях, для действий на коммуникациях противника выделялись преимущественно подводные лодки. С 1943 г. к решению этой задачи начали широко привлекаться торпедные катера и морская авиация, которая взяла на себя основную нагрузку в борьбе с морскими перевозками противника. В то же время до конца войны Ставкой ВГК было запрещено использовать для этих целей крупные надводные корабли.

Помимо этого недостаток опыта в организации действий сил флотов не позволил в 1941—1942 гг. в полной мере реализовать их возможности по нарушению морских сообщений противника. В этой связи, подводя итоги боевой деятельности Северного флота в декабре 1942 г., нарком ВМФ отмечал, что главным недостатком в боевом управлении со стороны его командования и штаба являлось неумение организовать своевременные удары по противнику, взаимодействие между привлекаемыми к операции соединениями и частями. Здесь же им было указано: «Система работы штаба флота, сводящая управление боевыми действиями всех боевых единиц любых соединений через штаб СФ, к управлению помимо этих соединений создает полную централизацию боевого управления СФ, снижает необходимую инициативу командиров соединений и загружает ФКП флота до такой степени, что творческая оперативная работа на нем делается затруднительной»²³². Эти недостатки в управлении были присущи и штабам других флотов.

В ходе руководства силами флотов при обороне своих морских коммуникаций в первые месяцы войны их командования и штабы столкнулись с рядом проблем, обусловленных отсутствием проработки вопросов организации взаимодействия флотов и пароходств Морского

флота СССР. Организацию обороны морских коммуникаций удалось в целом наладить только к осени 1941 г., когда все управление движением транспортов и обеспечением перевозок на морских театрах было сосредоточено в оперативных отделах и отделах военных сообщений штабов флотов. В целом организация обороны морских коммуникаций включала в себя: организацию конвойной службы, организацию всех видов обороны в операционных зонах военно-морских баз, где проходили коммуникации, а также непосредственное охранение и прикрытие судов на переходе морем (организацию конвойной службы).

С целью совершенствования организации конвойной службы в оперативных отделах штабов флотов в 1942 г. были созданы отделения конвойной службы, которые занимались формированием конвоев, планировали их движение, определяли маршруты переходов и вели учет перевозимых грузов. На каждый конвой назначался командир конвоя, а на каждый транспорт — военный помощник капитана. Командир крупного конвоя имел походный штаб, который разрабатывал необходимую документацию на переход и осуществлял все мероприятия по боевому управлению. Для организации тесного взаимодействия штабов флотов с руководством торгового флота в пароходствах Морского флота были созданы военные отделы.

Повседневная боевая деятельность по обороне коммуникаций на морских театрах планировалась штабами соответствующих флотов, как правило, на месяц и имела непрерывный характер. Управление силами и организация всех видов обороны в операционных зонах военно-морских баз возлагались на командования и штабы баз. В случае необходимости обеспечения перехода больших конвоев или особо ценных судов с войсками и важными грузами в условиях значительного противодействия противника планировались и проводились операции по обороне морских сообщений. Подобная форма применения сил флота широко использовалась на Северном морском театре военных действий, где штабом флота было спланировано и осуществлено шесть операций при обеспечении внутренних арктических перевозок и 20 операций по обороне внешних коммуникаций.

Основным фактором, повлиявшим на изменение управленческой деятельности командований и штабов флотов в 1944—1945 гг., стали вывод флотов из оперативного подчинения командующих приморских фронтов и их передача под непосредственное управление главкома ВМФ. Организация взаимодействия на оперативно-стратегическом уровне была возложена на Генеральный штаб. Вместе с тем конкретные боевые задачи, как правило, по-прежнему согласовывались на совместных совещаниях с присутствием командующих фронтов и флотов.

С переходом к новой системе руководства флотами их штабами был подготовлен и проведен ряд самостоятельных операций. Одна из наиболее успешных морских операций по нарушению сообщений противника была проведена Черноморским флотом в апреле — мае 1944 г. в рамках Крымской стратегической наступательной операции. В последующих стратегических операциях на приморских направлениях (Яско-Кишинёвская, Петсамо-Киркинеская, Восточно-Померанская) Черноморский, Балтийский и Северный флоты также проводили операции, которые являлись составной частью стратегических.

Подготовка операций, в отличие от первого периода войны, когда она ограничивалась несколькими сутками, а иногда и вообще отсутствовала, стала занимать до месяца и отличаться большей продуманностью и целеустремленностью. Приказы на операции и боевые действия командующих флотами доводились штабами флотов до командующих объединениями, командиров соединений, что способствовало конкретизации работы по выполнению всего комплекса подготовительных мероприятий в нижестоящих инстанциях²³³. В руководстве силами флотов в ходе операций были учтены недостатки, имевшие место в первом и втором периодах войны. Так, управление частями, подразделениями и отдельными боевыми единицами было полностью передано командирам объединений и соединений. Штабы флотов осуществляли общее руководство, координируя действия подчиненных группировок войск и сил.

В управлении силами флотов при решении задач по нарушению коммуникаций противника также произошли некоторые изменения. От планирования систематических боевых

действий штабы флотов перешли к подготовке и проведению операций по разгрому конвоев противника разнородными силами с нанесением ряда согласованных по времени и месту ударов. Этому способствовала активная деятельность штабов по разработке новых способов применения сил флотов. Наиболее активно эта работа была организована в штабе Северного флота. Здесь для подводных лодок был разработан так называемый способ «нависающей завесы», предполагавший развертывание подводных лодок в районах, находившихся вне активной деятельности противолодочных сил противника и за пределами минных заграждений. Установка на подводных лодках перископных антенн позволяла принимать информацию как с берегового командного пункта, так и непосредственно от самолетов-разведчиков. Сокращение времени прохождения информации позволяло выходить на перехват конвоя сразу несколькими подводными лодками. Для морской авиации основными способами ее использования стали сосредоточенные и эшелонированные по высоте удары.

Всего активными действиями на неприятельских морских сообщениях силы советских флотов уничтожили 676 транспортов и танкеров и 615 кораблей охранения противника. Для более полной оценки нанесенного врагу ущерба уместно привести следующие данные: один транспорт нес на себе боезапас для 500 800 бомбардировщиков, средний танкер обеспечивал заправку 1500 самолетов. На Балтийском море в январе — феврале 1945 г. за один выход подводной лодки С-13 были уничтожены немецкий лайнер «Вильгельм Густлов» и транспорт «Штойбен», на которых погибли около 10 тыс. человек. Проведенные расчеты свидетельствуют, что наибольший ущерб противнику нанесла морская авиация — 55% уничтоженных судов, 33% приходится на долю подводных лодок, а остальные 12% — на долю надводных кораблей и потери по другим причинам.

Таким образом, система руководства силами флотов за годы войны претерпела определенные изменения, вызываемые объективно складывавшимися условиями. Это позволило им в целом успешно решать задачи как в совместных, так и в самостоятельных военных действиях различного масштаба. Изменение условий вооруженной борьбы на море и в прибрежных районах обусловило существенные коррективы в управлении силами флотов. При этом совершенствовалась структура их штабов, органов управления родами сил, уточнялись методы работы по управлению кораблями и береговыми частями.

Итак, в ходе Великой Отечественной войны шел активный поиск оптимальной структуры органов управления, системы связи и пунктов управления, совершенствовались формы и методы работы органов управления по руководству войсками фронтов и силами флотов. Он был нацелен на решение главной задачи — эффективного использования имеющихся сил и средств в сражениях, операциях, кампаниях и войне в целом. И эта задача была успешно выполнена.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Победа над фашизмом в 1945 году: ее значение для народов СНГ и мира // Материалы международной конференции. Москва. 8–10 апреля 2010 г. М., 2011. С. 115–116.

² РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–1 об.

³ Там же. Оп. 2. Д. 3. Л. 23–26.

⁴ Там же. Л. 56.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 69.

⁶ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 15-ти т. Т. 7. М., 1985. С. 231; Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сб. документов и материалов. Т. 2. Кн. 1. Начало (22 июня — 31 августа 1941 года). М., 2000. С. 460–461.

⁷ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 372. Л. 73.

⁸ *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 2014. С. 125.

⁹ Органы руководства Вооруженными силами СССР (1941–1945). М., 1988. С. 82.

¹⁰ ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 28. Л. 2–3, 30–31.

¹¹ Военный энциклопедический словарь. М., 2007. С. 237, 576.

¹² *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 3-х т. Т. 2. М., 1995. С. 88.

¹³ Стратегическое управление в военной сфере. Хрестоматия. М., 2005. С. 331.

¹⁴ *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1989. С. 109.

¹⁵ Там же. С. 433.

¹⁶ Солдаты XX века. Многотомное издание. Вып. 2: Посвящается 60-летию Великой Отечественной войны и 60-летию Московской битвы. М., 2001. С. 15–16.

¹⁷ *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1989. С. 102–104.

¹⁸ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 202.

¹⁹ *Христофоров В. С.* Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. М., 2011. С. 138.

²⁰ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. Начало (22 июня — 31 августа 1941 года). С. 482–486.

²¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 66. Л. 149–152; Военно-исторический журнал. 1988. № 9. С. 29–30.

²² *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 126.

²³ Там же. С. 125.

²⁴ *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 88.

²⁵ Там же. С. 90.

²⁶ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях. М., 1993. С. 157, 367.

²⁷ *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 98.

²⁸ РГАЭ. Ф. 3527. Оп. 30. Д. 55. Л. 220–226.

²⁹ Там же. Д. 40. Л. 67–69.

³⁰ Там же. Оп. 37. Д. 28. Л. 146.

³¹ *Хохлов В. С.* Тайна узла связи «Виктория» // Военно-исторический журнал. 2007. № 6. С. 18–21.

³² РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 202.

³³ РГАЭ. Ф. 3527. Оп. 32. Д. 67. Л. 190–192.

- ³⁴ Связь в Вооруженных силах Российской Федерации — 2010. Тематический сб. М., 2010. С. 28.
- ³⁵ РГАЭ. Ф. 3527. Оп. 32. Д. 67. Л. 175–176.
- ³⁶ Там же. Оп. 30. Д. 55. Л. 94–95.
- ³⁷ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 56. Л. 162–166.
- ³⁸ *Пересыпкин И. Т.* Связь в Великой Отечественной войне. М., 1973. С. 84.
- ³⁹ Сборник боевых документов по управлению и связи в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). М., 2012. С. 56–59.
- ⁴⁰ *Быстров В. Е.* Полководцы и военачальники Великой Отечественной. Маршал войск связи Иван Пересыпкин. Вып. 3. М., 1985. С. 53.
- ⁴¹ Боевой путь войск связи (к 60-летию со дня создания). М., 1979. С. 5.
- ⁴² *Пересыпкин И. Т.* Связь СССР в Великой Отечественной войне. М., 2014. С. 162.
- ⁴³ Там же. С. 172.
- ⁴⁴ Положение о начальнике Оперативного направления ГУСКА. М., 1944.
- ⁴⁵ Организация связи в основных операциях Великой Отечественной войны (1941–1945). Л., 1986. С. 105.
- ⁴⁶ ЦАМО. Ф. 71. Оп. 295900с. Д. 39. Л. 61–66.
- ⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 19. Л. 61–64.
- ⁴⁸ Там же. Д. 85. Л. 46–63.
- ⁴⁹ Там же. Д. 2. Л. 1–1 об.
- ⁵⁰ *Данилов В. Д.* Главные командования направлений в Великой Отечественной войне // Военно-исторический журнал. 1987. № 9. С. 18.
- ⁵¹ *Данилов В.* Ворошилов (Маршалы Великой Отечественной) // Коммунист Вооруженных Сил. 1990. № 3. С. 78.
- ⁵² *Грязнов Б. З.* Маршал Захаров. М., 1979. С. 63.
- ⁵³ *Маништейн Э.* Утерянные победы / Пер. с нем. М., 1957. С. 181.
- ⁵⁴ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. В 6-ти т. Т. 2. М., 1961. С. 81.
- ⁵⁵ Государственное и военное управление России и СССР в войнах XVIII–XX веков. В 2-х ч. Ч. 2. М., 2003. С. 187.
- ⁵⁶ ЦАМО. Ф. 296. Оп. 1544. Д. 111. Л. 28–29.
- ⁵⁷ Там же. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 29. Л. 63–64.
- ⁵⁸ *Михалёв С. Н.* Силами групп фронтов. Исследование опыта наступательных операций групп фронтов Красной армии 1941–1945 гг. М., 1995. С. 193.
- ⁵⁹ Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). М., 1995. С. 62.
- ⁶⁰ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 74. Л. 372–376.
- ⁶¹ Там же. Ф. 48а. Оп. 3804. Д. 4. Л. 60–61.
- ⁶² *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 168.
- ⁶³ *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 67.
- ⁶⁴ ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 93. Л. 33.
- ⁶⁵ Там же. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 12. Л. 180–181.
- ⁶⁶ Там же. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 111. Л. 30.
- ⁶⁷ Там же. Ф. 96а. Оп. 1711. Д. 7а. Л. 1133.
- ⁶⁸ *Мерецков К. А.* На службе народу. М., 1983. С. 264–265.
- ⁶⁹ Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5–2). М., 1996. С. 191.
- ⁷⁰ *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 274.
- ⁷¹ ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 31. Л. 180.
- ⁷² Там же. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 111. Л. 13.
- ⁷³ *Покровский А. П.* Трудными дорогами Великой Отечественной // Страницы большой жизни: Воспоминания о Маршале Советского Союза С. М. Будённом. М., 1983. С. 63.
- ⁷⁴ *Покровский А.* На Юго-Западном направлении (июль — сентябрь 1941 г.) // Военно-исторический журнал. 1978. № 4. С. 63–66.

- ⁷⁵ *Габов С.* Будённый (Маршалы Великой Отечественной) // Коммунист Вооруженных Сил. 1990. № 1. С. 73–74.
- ⁷⁶ ЦАМО. Ф. 251. Оп. 646. Д. 4. Л. 45–48.
- ⁷⁷ Военно-исторический журнал. 1978. № 4. С. 67.
- ⁷⁸ ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 4. Л. 66–67.
- ⁷⁹ *Покровский А. П.* Трудными дорогами Великой Отечественной // Страницы большой жизни: Воспоминания о Маршале Советского Союза С. М. Будённом. С. 68.
- ⁸⁰ *Данилов В. Д.* Главные командования направлений в Великой Отечественной войне // Военно-исторический журнал. 1987. № 9. С. 18.
- ⁸¹ ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 90. Л. 53–54.
- ⁸² Там же. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 96. Л. 181; Д. 674. Л. 98; Ф. 251. Оп. 2506. Д. 31. Л. 231.
- ⁸³ Там же. Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 5. Л. 93–95.
- ⁸⁴ Там же. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 93. Л. 33.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Там же. Ф. 251. Оп. 512. Д. 16. Л. 7.
- ⁸⁷ Там же. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 4. Л. 225.
- ⁸⁸ Там же. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 90. Л. 86.
- ⁸⁹ Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 413.
- ⁹⁰ *Баграмян И. Х.* Великого народа сыновья. М., 1984. С. 226.
- ⁹¹ Там же. С. 238–239.
- ⁹² Правда. 1941. 30 ноября.
- ⁹³ *Баграмян И. Х.* Указ. соч. С. 254.
- ⁹⁴ ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 41. Л. 110–111.
- ⁹⁵ Там же. Ф. 251. Оп. 646. Д. 269. Л. 14–20; Д. 173. Л. 25–27.
- ⁹⁶ *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1975. Кн. 1. С. 59–61.
- ⁹⁷ ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 124. Л. 214.
- ⁹⁸ Там же. Д. 107. Л. 199–203.
- ⁹⁹ Государственное и военное управление России и СССР в войнах XVIII–XX веков. Ч. 2. С. 187–188.
- ¹⁰⁰ ЦАМО. Ф. 224. Оп. 781. Д. 37. Л. 3–8.
- ¹⁰¹ *Кузнецов Н. Г.* Накануне. Курсом к победе. М., 1991. С. 228.
- ¹⁰² ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 41. Л. 136–137.
- ¹⁰³ Там же. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 10. Л. 141–142.
- ¹⁰⁴ *Кузнецов Н. Г.* Указ. соч. С. 452.
- ¹⁰⁵ *Данилов В. Д.* Главные командования направлений в Великой Отечественной войне // Военно-исторический журнал. 1987. № 9. С. 18.
- ¹⁰⁶ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 179415. Д. 100. Л. 127.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 216–220.
- ¹⁰⁸ *Евсеев А., Гуров О.* Организация информационной работы в Генеральном штабе, штабах фронтов и армий // Военно-исторический журнал. 1981. № 3. С. 12.
- ¹⁰⁹ ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 4. Л. 95.
- ¹¹⁰ Там же. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 31. Л. 150–151.
- ¹¹¹ Там же. Ф. 349. Оп. 33408. Д. 1. Л. 47–50.
- ¹¹² Там же. Ф. 346. Оп. 5755. Д. 1. Л. 182–186.
- ¹¹³ *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 529.
- ¹¹⁴ *Мерецков К. А.* На службе народу. М., 1983. С. 195–199.
- ¹¹⁵ *Баграмян И. Х.* Указ. соч. С. 177–178.
- ¹¹⁶ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. М., 2012. С. 735, 745; На земле Беларуси: Канун и начало войны. Минск, 2006. С. 517–519.
- ¹¹⁷ *Болдин И. В.* Страницы жизни. М., 1961. С. 98.
- ¹¹⁸ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 72. Л. 93.
- ¹¹⁹ *Пономаренко П. К.* Во главе обороны // Солдатами были все. Сб. статей. Минск, 1972. С. 24, 45–46.

- ¹²⁰ *Анфилов В. А.* Грозное лето 41 года. М., 1995. С. 174–175.
- ¹²¹ ЦАМО. Ф. 229. Оп. 161. Д. 1. Л. 2–9, 165–167.
- ¹²² *Мерецков К. А.* На службе народу. М., 1983. С. 202.
- ¹²³ Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 236.
- ¹²⁴ ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 97. Л. 53.
- ¹²⁵ Там же. Д. 10. Л. 141–142.
- ¹²⁶ В 1940–1946 гг. Л. 3. Мехлис одновременно занимал должность наркома Госконтроля и заместителя председателя СНК СССР.
- ¹²⁷ ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1640. Д. 177. Л. 198.
- ¹²⁸ Там же. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 10. Л. 141–142.
- ¹²⁹ Там же. Д. 107. Л. 177–184.
- ¹³⁰ *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 3. С. 185; *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. В 2-х Кн. Кн. 1. М., 1981. С. 63.
- ¹³¹ ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 233. Л. 285–286.
- ¹³² Там же. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 126. Л. 160–161, 165, 171; Д. 136. Л. 21.
- ¹³³ Там же. Д. 136. Л. 25.
- ¹³⁴ ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1166. Д. 12. Л. 39; Оп. 1691. Д. 233. Л. 96–98, 309–312; Оп. 3409. Д. 14. Л. 333; Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 45–46, 83–86, 114, 147; Ф. 203. Оп. 2777. Д. 75. Л. 190–193; *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 197–199, 367; Т. 3. С. 12, 24, 34–37; *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 266–268; *Кузнецов Н. Г.* Указ. соч. С. 534; *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М., 1984. С. 216; *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. В 2-х Кн. Кн. 1. М., 1981. С. 144, 170, 226; *Белов М.* Маршалы Победы. М., 1995. С. 65.
- ¹³⁵ *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 86.
- ¹³⁶ *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 522.
- ¹³⁷ *Пересыткин И. Т.* Связь в Великой Отечественной войне. М., 1973. С. 74, 85.
- ¹³⁸ *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 522.
- ¹³⁹ *Рокоссовский К. К.* Указ. соч. С. 214.
- ¹⁴⁰ *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 344.
- ¹⁴¹ *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 527.
- ¹⁴² *Воронов Н. Н.* На службе военной. М., 1963. С. 400.
- ¹⁴³ *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 355.
- ¹⁴⁴ *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 3. С. 31–32.
- ¹⁴⁵ Автором цитаты допущена ошибка. Н. Н. Воронов с 18 января 1943 г. являлся маршалом артиллерии. (См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). М., 1999. С. 328).
- ¹⁴⁶ *Баграмян И. Х.* Указ. соч. С. 32.
- ¹⁴⁷ *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. В 2-х Кн. Кн. 1. М., 1981. С. 320.
- ¹⁴⁸ *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 87.
- ¹⁴⁹ *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 380–384.
- ¹⁵⁰ *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 3. С. 153.
- ¹⁵¹ *Воронов Н. Н.* Указ. соч. С. 407.
- ¹⁵² *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 86.
- ¹⁵³ ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 198.
- ¹⁵⁴ *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 355.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 524.
- ¹⁵⁶ *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 3. С. 59.
- ¹⁵⁷ *Кузнецов Н. Г.* Указ. соч. С. 534–535.
- ¹⁵⁸ *Гречко А. А.* Годы войны. М., 1976. С. 479–480.
- ¹⁵⁹ Битва за Кавказ. М., 2002. С. 370–372.
- ¹⁶⁰ *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 545.
- ¹⁶¹ *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 3. С. 140.
- ¹⁶² Там же. Т. 2. С. 173–174.

- ¹⁶³ Воронов Н. Н. Указ. соч. С. 398–399.
- ¹⁶⁴ Василевский А. М. Указ. соч. С. 337.
- ¹⁶⁵ Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1961. С. 885.
- ¹⁶⁶ Проблемы военного искусства во Второй мировой войне и в послевоенный период (Стратегия и оперативное искусство). М. 1995. С. 278.
- ¹⁶⁷ Служба общевойсковых штабов. М., 1940. С. 11.
- ¹⁶⁸ ЦАМО. Ф. 229. Оп. 159. Д. 21. Л. 8.
- ¹⁶⁹ КПСС о Вооруженных силах Советского Союза. Документы 1917–1968. М., 1969. С. 305.
- ¹⁷⁰ Советские Вооруженные силы. История строительства. М., 1978. С. 291–292.
- ¹⁷¹ Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 5. М., 1947. С. 25–29.
- ¹⁷² Органы руководства Вооруженными силами СССР (1941–1945). С. 168.
- ¹⁷³ ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 33–34, 74–75.
- ¹⁷⁴ Военно-исторический журнал. 1981. № 4. С. 20, 26.
- ¹⁷⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 98. Л. 425; ЦАМО. Ф. 71. Оп. 12169. Д. 180. Л. 187; Оп. 12171. Д. 79. Л. 42. Д. 100. Л. 127–128; Ф. 240. Оп. 2767. Д. 175. Л. 55, 63; Служба и войска связи в Отечественной войне. Сб. материалов по изучению опыта войны. № 23 (март — июнь 1946 г.). М., 1947. С. 34, 64–65.
- ¹⁷⁶ ЦАМО. Ф. 71. Оп. 12171. Д. 236. Л. 38–39.
- ¹⁷⁷ Связь в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. (Ставка — фронт). С. 106.
- ¹⁷⁸ Организация связи в основных операциях Великой Отечественной войны. С. 96.
- ¹⁷⁹ Военная энциклопедия. В 8-ми т. Т. 8. М., 2004. С. 296.
- ¹⁸⁰ Товстуха П. П., Португальский Р. М. Управление войсками в наступлении: По опыту Великой Отечественной войны. М., 1981. С. 69.
- ¹⁸¹ Проблемы военного искусства во Второй мировой войне и в послевоенный период (Стратегия и оперативное искусство). С. 222.
- ¹⁸² ЦАМО. Ф. 48. Оп. 1161. Д. 6. Л. 259–260.
- ¹⁸³ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В 12-ти т. Т. 4. Освобождение территории СССР. 1944 год. М., 2012. С. 473.
- ¹⁸⁴ ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1554. Д. 92. Л. 171.
- ¹⁸⁵ Товстуха П. П., Португальский Р. М. Указ. соч. С. 74.
- ¹⁸⁶ ЦАМО. Ф. 302. Оп. 4259. Д. 446. Л. 42.
- ¹⁸⁷ Мерецков К. А. На службе народу. М., 1969. С. 318–323.
- ¹⁸⁸ Рокоссовский К. К. Указ. соч. С. 173.
- ¹⁸⁹ Жадов А. С. Четыре года войны. М., 1978. С. 105–106, 300–301.
- ¹⁹⁰ Жуков Г. К. Указ. соч. Т. 3. С. 140.
- ¹⁹¹ ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 430. Л. 64–71; Д. 425. Л. 57–70.
- ¹⁹² Там же. Ф. 307. Оп. 4148. Д. 326. Л. 1–49.
- ¹⁹³ Там же. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 45.
- ¹⁹⁴ Товстуха П. П., Португальский Р. М. Указ. соч. С. 29.
- ¹⁹⁵ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2454. Д. 32. Л. 263; Ф. 816. Оп. 3120. Д. 1. Л. 22.
- ¹⁹⁶ Там же. Ф. 208. Оп. 3039. Д. 36. Л. 35.
- ¹⁹⁷ Там же. Ф. 251. Оп. 6883. Д. 2. Л. 4–5.
- ¹⁹⁸ Товстуха П. П., Португальский Р. М. Указ. соч. С. 30–31.
- ¹⁹⁹ В годы войны органы управления тылом имели различные наименования: второй эшелон штаба, второй эшелон управления, тыловой эшелон управления, тыловая группа управления и другие (Попель Н. Н., Савельев В. П., Шеманский П. В. Управление войсками в годы Великой Отечественной войны. М., 1974. С. 34).
- ²⁰⁰ Марамзин В. А. История развития методов управления войсками в операциях Великой Отечественной войны (работа командующего и штаба). М., 1976. С. 48.
- ²⁰¹ Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945. Т. 3. М., 1958. С. 339, 461.
- ²⁰² ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2605. Д. 117. Л. 46–47.
- ²⁰³ Конев И. С. Сорок пятый. М., 1970. С. 18–19.

- ²⁰⁴ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В 12-ти т. Т. 4. Освобождение территории СССР. 1944 год. С. 362.
- ²⁰⁵ *Марамзин В.* Организация управления войсками фронта в ходе наступательных операций // Военно-исторический журнал. 1981. № 2. С. 22.
- ²⁰⁶ ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 505. Л. 196.
- ²⁰⁷ *Марамзин В.* Организация управления войсками фронта в ходе наступательных операций // Военно-исторический журнал. 1981. № 2. С. 25.
- ²⁰⁸ *Конев И. С.* Записки командующего фронтом 1943–1945. М., 1982. С. 219.
- ²⁰⁹ Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 43–44.
- ²¹⁰ Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 154.
- ²¹¹ Проблемы военного искусства во Второй мировой войне и в послевоенный период (Стратегия и оперативное искусство). С. 163.
- ²¹² *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 173–174.
- ²¹³ ЦАМО. Ф. 226. Оп. 321. Д. 21. Л. 15–17.
- ²¹⁴ Там же. Ф. 203. Оп. 2777. Д. 75. Л. 111–115, 249–251.
- ²¹⁵ Там же. Ф. 62. Оп. 321. Д. 5. Л. 81–82, 99; Ф. 203. Оп. 2843. Д. 323. Л. 13–16.
- ²¹⁶ *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 295.
- ²¹⁷ История войн и военного искусства: проблемы стратегии, оперативного искусства и военного управления (XVIII — начало XXI в.). В 2-х ч. Ч. 1. М., 2008. С. 309.
- ²¹⁸ *Рокоссовский К. К.* Указ. соч. С. 251.
- ²¹⁹ Центральный военно-морской архив (далее — ЦВМА). Ф. 767. Оп. 3. Д. 16. Л. 1.
- ²²⁰ Штаб Северного флота (1916–1998). Историко-документальный очерк. СПб., 1999. С. 447.
- ²²¹ ЦВМА. Ф. 767. Оп. 2. Д. 67. Л. 31–34.
- ²²² Связь в Вооруженных силах Российской Федерации — 2010. Тематический сб. С. 37–38.
- ²²³ *Аллакулиев Ю. Б.* История службы связи Тихоокеанского флота // Связь и АСУ Военно-морского флота. М., 2009. С. 46–47.
- ²²⁴ Связь в Вооруженных силах Российской Федерации — 2010. Тематический сб. С. 38.
- ²²⁵ ЦВМА. Ф. 10. Д. 238. Л. 58; Д. 17715. Л. 455–456; Д. 32780. Л. 2–3; Д. 32972. Л. 115; Ф. 38. Д. 2286. Л. 100.
- ²²⁶ Три века Российского флота. В 3-х т. Т. 3. СПб., 1996. С. 15, 23, 49.
- ²²⁷ ЦВМА. Ф. 9. Д. 7877. Л. 212.
- ²²⁸ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1185. Д. 1. Л. 19–20.
- ²²⁹ Там же. Ф. 48а. Оп. 1153. Д. 20. Л. 20.
- ²³⁰ ЦВМА. Ф. 72. Д. 798. Л. 133.
- ²³¹ ЦАМО. Ф. 216. Оп. 1148. Д. 4. Л. 180–182.
- ²³² ЦВМА. Ф. 767. Оп. 2. Д. 38. Л. 45.
- ²³³ Там же. Д. 67. Л. 78.